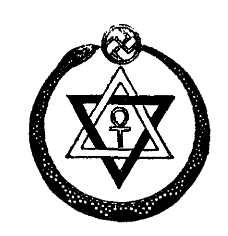

ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФІИ

РЕЛИГІОЗНО-ФИЛОСОФСКО-
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ.

Satyât Nâsti Paro Dharmah

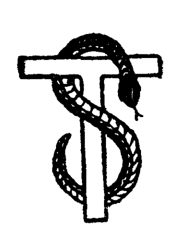
(Нѣтъ религіи выше истины).

7 мая—іюня.

№ 5—6.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1911

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на капитальнѣйшее произведеніе **Е. П. БЛАВАТСКОЙ**

„ТАЙНАЯ ДОКТРИНА“

подъ редакціей **Е. Ф. Писаревой** (переводчицы книгъ: „Свѣтъ на Пути“, „Голосъ Безмолвія“, „Древняя Мудрость“, „Великіе Посвященные“) и **А. А. Каменской** (редактора журнала „Вѣстникъ Теософіи“).

Произведеніе „Тайная Доктрина“ содержитъ въ себѣ свыше 150 печатныхъ листовъ крупной, четкой печати, формата in 8° и будетъ выходить томами въ размѣрѣ и по образцу изданія „Вопросы Теософіи“, вып. I, не менѣе одного раза въ годъ. Всего проектируется 7 томовъ.

Цѣна по подпискѣ на все изданіе единовременно **30** р. По выходѣ въ свѣтъ, цѣна будетъ значительно повышена. Допускается разсрочка: при подпискѣ **10** руб. и по **5** руб. при полученіи каждаго тома.—За пересылку—особо по вѣсу.

Подписка принимается **только** въ Редакціи журнала „Вѣстникъ Теософіи“ въ С.-Петербургѣ, Ивановская, 22.

Спб. Городская Типографія, Садовая, 55, уголъ Вознесенскаго.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА КНИГУ:

„АВТОБІОГРАФІЯ“

Анни Безантъ,

съ портретомъ. Переводъ *А. Каменской. (Alba).*

Содержаніе: Дѣтство и юность А. Безантъ.— Воспитаніе ея.—Бракъ и тяжелыя разочарованія.—Буря сомнѣній и страстное исканіе. — Общество свободомыслящихъ и атеизмъ.—За общественной работой.—Борьба за свободу слова.—У. Брэдлау и его борьба въ Парламентѣ.—Проблема зла и рѣшеніе ея въ свѣтѣ соціализма.—Новыя исканія.— Задачи новой психологіи и Теософія.— Черезъ бурю къ миру.

Цѣна по подпискѣ 1 руб. 20 к., по выходѣ въ свѣтъ цѣна будетъ повышена.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1911 Г. НА

Религiозно-философско-научный журналъ

„ВѢСТНИКЪ ТЕОСОФIИ“.

(ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНIЯ).

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) статьи какъ оригинальныя, такъ и переводныя по теософiи, по сравнительному изученiю религiй, оккультизму, изслѣдованiю психическихъ силъ, скрытыхъ въ природѣ и въ человѣкѣ, по психологiи и др. отраслямъ знанiя;

2) свѣдѣнiя о теософическомъ движенiи въ Россiи и за границей и о другихъ родственныхъ духовныхъ и общественныхъ движенiяхъ;

3) бiографiи выдающихся представителей теософическаго мiросозерцанiя и общественныхъ дѣятелей;

4) художественно-литературный отдѣлъ, какъ отраженiе въ искусствѣ теософическаго мiросозерцанiя;

5) отзывы о книгахъ, поступающихъ въ Редакцiю журнала по вопросамъ теософiи, психологiи и др.;

6) справочный отдѣлъ, вопросы и отвѣты на вопросы подписчиковъ.

Журналъ выходитъ 7-го числа каждаго мѣсяца, книжками въ форматѣ in 8° не менѣе пяти печатныхъ листовъ каждая, подъ редакцiей *А. А. Каменской,* при участiи **Анни Безантъ**, доктора **Рудольфа Штейнера**, *Alba, П. Н. Батюшкова, Н. К. Боянуса, Н. Броницкой, А. Ф. Вельцъ. Вендъ, В. Д. Гарднера, А. С. Гралевской, А. Дана, Н. Гернетъ, М. Каменской, К. Кудрявцева, Е. М. Кузмина, Н. Лихачевой, И. Манджарли, Е. Писаревой (Е. П.), М. Станюковичъ, Д. Страндена, О. Д. Форшъ, Б. Ф., А. В. Унковской, П. Успенскаго, М. П. Н. Эрасси* и др. Въ теченiе двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ (iюнь и iюль) журналъ не выходитъ.

Въ теченiе года предполагается помѣстить нижеслѣдующiя крупныя статьи: „Сила мысли“ **А. Безантъ**, „Эволюцiя души и строенiе Вселенной“ доктора **Р. Штейнера**, извлеченiя изъ книги *Дж. Мида* „Забытая вѣра“ (гностицизмъ) и изъ сочиненiй Патанджали, **Бхагавадъ-Гита** (окончанiе), статьи по сравнительному изученiю религiи (оригинальныя и переводныя) и рядъ оригинальныхъ статей сотрудниковъ Редакцiи по вопросамъ искусства, педагогики, философiи и др. отдѣламъ.

Цѣна **6** руб. въ годъ съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Россiйской Имперiи. Допускается разсрочка: за 1/2 года—**3** р. **50** к., за 3 мѣсяца—**2** руб. Отдѣльный №—**75** к. За перемѣну адреса городского на городской—**20** к., городского на иногороднiй и обратно иногородняго на городской—**40** к. Цѣна за границу **10** руб. Разсрочка за границу не допускается.

Подписка для иногороднихъ **только черезъ Контору Редакцiи**.

Городская подписка принимается въ Конторѣ Редакцiи (СПБ., Ивановская, 22) ежедневно, кромѣ субботъ и праздничныхъ дней, отъ 1—4 час. дня и по воскресеньямъ отъ 11 — 12 час. дня, а также во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ. Годовая подписка въ разсрочку безъ повышенiя цѣны допускается только **до 1 января 1911 г.**

По дѣламъ Редакцiи издательница принимаетъ лично по средамъ отъ 4—5 часовъ дня.

Отъ Редакціи „Вѣстника Теософіи“.

Слѣдующій очередной № 7—8 «Вѣстника Теософіи» выйдетъ 7 августа 1911 г.

—

Статьи, присылаемыя для напечатанія въ „Вѣстникѣ Теософіи“, подлежатъ, въ случаѣ надобности, сокращеніямъ и исправленіямъ. Рукописи должны быть написаны четко и на одной сторонѣ листа. Рукописи, не востребованныя въ теченіе трехмѣсячнаго срока, уничтожаются.

—

Во избѣжаніе недоразумѣній съ доставкою журнала, Редакція проситъ гг. подписчиковъ заблаговременно **сообщать ей о перемѣнѣ ихъ адресовъ.**

Заявленія о неполученіи очередного № должны быть дѣлаемы не позже полученія слѣдующей книжки журнала, такъ какъ жалобы, заявляемыя по истеченіи этого срока, экспедиція городского почтамта оставляетъ безъ разсмотрѣнія.

„Вѣстникъ Теософіи“ за 1909 и 1910 года имѣется для продажи въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ. **Цѣна** съ пересылкой по **7** рублей за каждый годъ.

Редакція.

SOMMAIRE DU № MAI—IUIN.

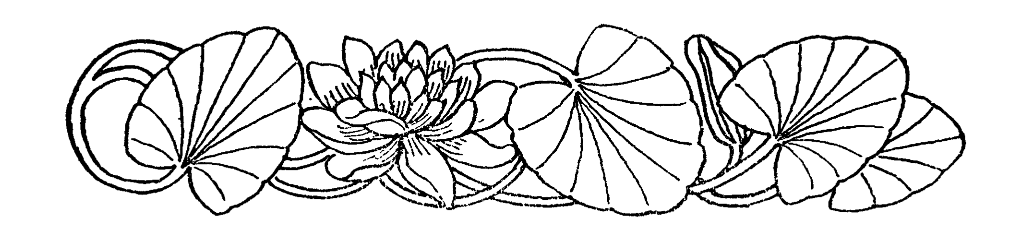
СОДЕРЖАНІЕ

майской—іюньской книжки „Вѣстника Теософіи".

ОПЕЧАТКИ.

Въ „Вѣстникѣ Теософіи“ № 3, въ статьѣ „Цѣль и Путь“ замѣчены слѣдующія досадныя опечатки:

	Напечатано.	Слѣдуетъ читать.
Стр. 26, 3 строка сверху . .	Левъ Толстой.	Левъ Шестовъ.
Стр. 27, 6 „ снизу . . .	мѣстностей.	личностей.
Стр. 26, 11 „ снизу . . .	духовенство.	духовенства.
Стр. 34, 4 „ сверху . .	внѣшнее.	внѣшне.

День Бѣлаго Лотоса*.

Сегодня мы празднуемъ День Бѣлаго Лотоса, тотъ день, въ который свѣтлый духъ Е. П. Блаватской оставилъ свою земную оболочку и освободился. Въ этотъ день теософы всего міра собираются и вспоминаютъ ту, которая принесла имъ благую вѣсть Теософіи, ту, которая не побоялась выступить подъ знаменемъ высочайшаго идеализма въ то время, когда царилъ самый грубый матеріализмъ, ту, которая приняла на себя всѣ ядовитыя стрѣлы и враговъ религіи, и враговъ свободной мысли и стала, по выраженію А. Безантъ, „живымъ щитомъ", за которымъ росло и зрѣло Теософическое движеніе.

Мы, теософы, нашедшіе свой путь при свѣтѣ зажженнаго факела Теософіи, знаемъ, *сколькимъ* мы обязаны Е. П. Блаватской. Мы можемъ измѣрить помощь ея тѣмъ мракомъ, черезъ который прошли до того, какъ мы нашли свѣтъ, и тѣми муками, которыя знаменовали собою наши исканія. И все же мы, можетъ быть, склонны слишкомъ субъективно произвести эту оцѣнку. Не достаточно сказать, что возвѣщенный ею научно-религіозный синтезъ сыграетъ въ жизни міра огромную роль, что онъ вернетъ къ религіи людей, отошедшихъ отъ нея по невозможности принять церковныя толкованія; что онъ броситъ яркій свѣтъ на самыя запутанныя и сложныя проблемы жизни и что онъ поможетъ человѣчеству выйти изъ современной соціальной неурядицы, прокладывая русло здоровой и радостной жизни, исполненной братскаго единенія и дѣятельной любви. Все это Теософія, несомнѣнно, сдѣлаетъ, и, озаренныя ея свѣтомъ, пробудятся къ новой жизни и наука, и искусство, и религія. Но

* Рѣчь, произнесенная А. Каменской на собраніи Р. Т. О-ва 25 апрѣля 1911 года.

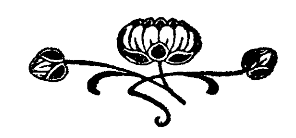
самое главное, что она совершитъ и что начинаетъ уже совершать—это подготовленіе человѣчества къ переходу на новую ступень сознанія, сознанія духовнаго. Это означаетъ, что человѣкъ не будетъ больше чувствовать никакихъ преградъ ни между людьми, ни между Богомъ и имъ. Онъ пойметъ, что всѣ формы служатъ до тѣхъ поръ эволюціи, пока онѣ являются проводникомъ духа; онѣ обращаются въ путы и оковы, какъ только начинаютъ отставать отъ него.

Теософія ведетъ къ совершенной свободѣ духа и потому освобождаетъ насъ отъ ига всѣхъ формъ, не только уродливыхъ, но и прекрасныхъ формъ. Она учитъ постоянно творить новыя, лучшія формы жизни и всегда оставаться внутри ихъ совершенно свободными, признавая лишь временную ихъ необходимость и понимая, что въ сферѣ нашихъ высшихъ представленій, въ сферѣ религіозной, онѣ являются лишь безконечно-несовершеннымъ выраженіемъ духовныхъ истинъ. Это пониманіе учитъ насъ быть вполнѣ терпимыми къ чужимъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ и относиться спокойно и дружески къ самой различной формулировкѣ нашихъ религіозныхъ взглядовъ.

Можетъ ли какой-нибудь догматъ опредѣлить Личность и значеніе Христа Живаго? Можетъ ли какая-нибудь человѣческая рѣчь передать неизреченную славу Его? Могутъ ли какія-нибудь рамки земныя вмѣстить всю глубину Его всеобъемлющей Любви? Способно ли человѣческое сердце, даже самое пламенно-настроенное и просвѣтленное, воспринять эту любовь во всемъ ея божественномъ значеніи? Если нѣтъ, то безумно придавать рѣшающее значеніе формуламъ, догматамъ и катехизисамъ, всякимъ попыткамъ опредѣлить неопредѣлимое и понять непостижимое. Мы не можемъ спорить о Христѣ, мы можемъ только благоговѣйно поклоняться Ему и стремиться итти по стопамъ Его, разрушая всѣ стѣны между людьми, классами, націями и расами, понимая, что любящіе Его и поступающіе по слову Его—дѣти Христовы, къ какому бы народу или странѣ они ни принадлежали; нелюбящіе Его и непоступающіе по слову Его—враги Его, непрестанно распинающіе Его, хотя бы они и назывались по имени Его. Вотъ чему учила насъ Е. Блаватская. Въ своемъ страстномъ желаніи разбить наши оковы и углубить наше духовное сознаніе она не разъ рѣзко нападала на наши кумиры, сурово бичевала наше идолопоклонство, безпощадно смѣялась надъ нашимъ младенческимъ культомъ формы. Во имя высочайшей свободы духа поражала она своимъ огненнымъ мечомъ наши предразсудки и суе-

вѣрія и ими она расчищала путь Теософіи, одновременно возбуждая и гнѣвъ фарисеевъ и насмѣшки ученыхъ. Этотъ огненный мечъ, который всегда сопровождалъ ее, какъ совершенно преданнаго рыцаря Истины, лучше всего рисуетъ ея духовный обликъ, пламенный, величавый, мощный, непреклонный. Никакія слова такъ живо не подходятъ для характеристики ея подвига, какъ сказанныя слова самого Христа:

„Познаете истину и истина сдѣлаетъ васъ свободными“.

Древне-Еврейскія изреченія *).

Кто мудръ? Тотъ, кто отъ всѣхъ поучается.

Кто силенъ? Тотъ, кто себя побѣдилъ.

Кто достоинъ уваженія? Тотъ, кто уважаетъ другихъ людей.

На трехъ основахъ стоитъ міръ: на наукѣ, на молитвѣ и на добрыхъ дѣлахъ.

На трехъ основахъ стоитъ свѣтъ: на справедливости, истинѣ и на мирѣ.

Этотъ міръ есть преддверье будущаго. Приготовляйся въ этомъ и ты можешь вступить во дворецъ.

Жизнь человѣческая подвижна, какъ тѣнь птицы во время полета.

Рѣчь—серебро, молчаніе—золото.

Ложь исчезаетъ, а правда остается.

Правда есть печать Божья.

Ложь—безногая.

Пусть твое да будетъ—да, а твое нѣтъ—нѣтъ.

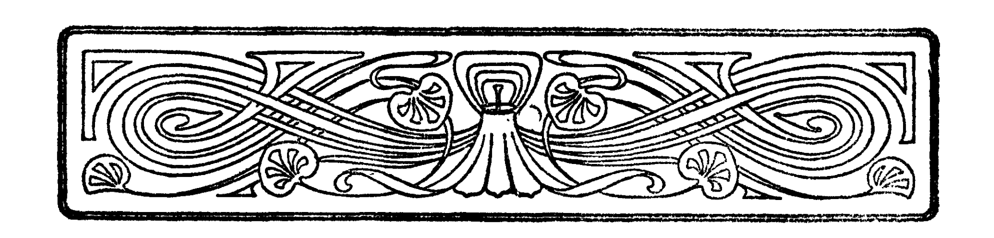
Твой языкъ долженъ говорить то, что думаетъ твое сердце.

Слово подобно пчелѣ: оно имѣетъ и жало, и медъ.

Молчаніе—ограда мудрости.

---

*) Изъ Талмуда.

Братство религій.

А. Безантъ.

*(Продолженіе *).*

Глава V.

Два основныхъ закона.

Существуетъ два закона: раскрытія Духа въ матерьяльныхъ проводникахъ и роста или эволюціи этихъ проводниковъ.

Первый Законъ есть законъ дѣйствія и противодѣйствія, извѣстный въ наши дни подъ восточнымъ выраженіемъ „Карма". Карма есть санскритское слово, выражающее дѣйствіе, а слѣдовательно и противодѣйствіе, такъ какъ то и другое не раздѣлимы: „дѣйствіе и противодѣйствіе равносильны и противоположны",— говоритъ наука. Гдѣ есть дѣйствіе, тамъ неизбѣжно должно быть и противодѣйствіе, въ этомъ заключается законъ матерьяльныхъ міровъ; каждый предметъ находится въ связи и въ соотношеніи съ другими предметами, и благодаря этимъ соотношеніямъ они развиваются. Поэтому Карма является закономъ эволюціи для человѣческихъ тѣлъ, безразлично—состоятъ ли они изъ тонкой или изъ плотной матеріи. Матерія находится въ постоянномъ движеніи, въ постоянныхъ вибраціяхъ, и духъ, воплощенный въ матеріи, не можетъ избѣжать этого закона. Происходитъ это потому, что каждая перемѣна въ сознаніи духа—каждое желаніе, каждая мысль, каждая дѣятельность—сопровождается измѣненіемъ вибрацій въ облекающихъ его тѣлахъ, и каждая вибрація, идущая извнѣ отъ объектовъ міра, въ которомъ онъ живетъ, и отзывающаяся въ его тѣлахъ, вызываетъ въ немъ перемѣну сознанія. Это—неизбѣжное

---

*) „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г., № 4.

и постоянное соотношеніе между Духомъ и матеріей, между Жизнью и формой, въ которой она воплощается. Всѣ эти перемѣны управляются Закономъ Дѣйствія и Противодѣйствія, Причины и Послѣдствія, Закономъ Эволюціи матеріи.

Второй Законъ есть Законъ Жертвы, столь же всеобщій въ царствѣ Духа, какъ законъ Дѣйствія и Противодѣйствія въ царствѣ матеріи. Раскрытіе Духа происходитъ по Закону Жертвы такъ же, какъ развитіе тѣла совершается по Закону Дѣйствія и Противодѣйствія. Духъ живетъ и побѣждаетъ благодаря жертвѣ такъ же, какъ тѣло растетъ и развивается благодаря мудро направленной дѣятельности; вотъ почему духовное сознаніе провозглашаетъ: „любящій душу свою погубитъ ее, а ненавидящій душу свою въ мірѣ семъ сохранитъ ее въ жизнь вѣчную“ [1]) и „блаженнѣе давать, нежели принимать“ [2]).

„Естественный законъ“ есть выраженіе божественной Природы, и онъ неизмѣненъ и ненарушимъ; мы не можемъ измѣнить его, мы можемъ лишь нарушить его, и такое нарушеніе, ставя насъ въ единоборство съ закономъ, приноситъ страданіе. Мы разбиваемся о него такъ, какъ разбился бы человѣкъ, ударившійся о скалу. Кромѣ того у естественнаго закона нѣтъ ни наградъ, ни наказаній, а только неизбѣжныя послѣдствія, и эти-то послѣдствія раскрываютъ существованіе закона. Радость и страданіе слѣдуютъ по мѣрѣ выполненія или нарушенія закона.

Законъ Дѣйствія и Противодѣйствія.

Божественная Воля требуетъ праведности, и всѣ нарушающіе ее должны неизбѣжно страдать. Отсюда постоянныя предупрежденія Мудрецовъ и Пророковъ, что все, идущее противъ праведности, служитъ причиной страданія. Такъ, Будда говоритъ:

Если человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ съ злою мыслію, страданіе слѣдуетъ за нимъ неотступно, какъ колесо за пятою влекущаго повозку вола... Если человѣкъ говоритъ или дѣйствуетъ съ доброю мыслію, радость слѣдуетъ за нимъ какъ тѣнь, никогда его не покидающая [3]).

Апостолъ Павелъ выразилъ это очень сильно:

Не обманывайтесь: Богъ поругаемъ не бываетъ; что посѣетъ человѣкъ, то и пожнетъ [4]).

---

1) Іоаннъ XII, 25.
2) Дѣянія Ап. XX, 35.
3) Dhammapada I. 1, 2.
4) Галат. VI, 7.

Въ физическомъ мірѣ никто не отрицаетъ ненарушимости физическихъ законовъ; признано, что благодаря знанію человѣкъ можетъ уничтожить дѣйствіе одного закона, противополагая ему дѣйствіе другого закона, и такимъ путемъ достигнуть цѣли, къ которой онъ стремится, но „природа побѣждается послушаніемъ", а именно тотъ фактъ, что законъ ненарушимъ, и дѣлаетъ науку возможной. Но законъ такъ же ненарушимъ въ сверхфизическихъ мірахъ, какъ и въ физическомъ, ибо всѣ міры построены и поддерживаются Богомъ, и законъ въ нихъ дѣйствуетъ по тремъ главнымъ линіямъ, исходящимъ изъ нашего троичнаго Духа, изъ Троицы, которая составляетъ наше Высшее Я.

Нашей Волей, которая выражается и какъ желаніе, мы привлекаемъ или отталкиваемъ окружающіе предметы къ себѣ или отъ себя; то, чего мы страстно желаемъ или рѣшительно хотимъ, приближается къ намъ. Такимъ образомъ *дѣйствіе* нашей воли или нашего желанія на предметы или на окружающихъ насъ людей вызываетъ какъ *противодѣйствіе* ихъ приближеніе или ихъ удаленіе отъ насъ; такъ-называемые счастливые люди отличаются всегда сильными желаніями или сильной волей; исходящій изъ нихъ магнетизмъ привлекаетъ къ нимъ то, чего они желаютъ. Сила эта должна быть выдержанная и сильная, чтобы дѣйствовать быстро, но она всегда дѣйствительна, и внимательное изученіе окружающаго насъ міра доказываетъ съ полною очевидностью существованіе этой силы какъ въ насъ, такъ и въ другихъ. Это— отраженіе Божественной Воли въ насъ, Воли говорящей: „Да будетъ и—взирай—оно есть" [1]). Здѣсь умѣстно будетъ вспомнить отношеніе Данте къ Божеству, какъ совмѣщающему Волю и Дѣйствіе въ единомъ актѣ.

Мыслями нашими мы создаемъ характеръ, ибо часто повторяемая мысль дѣлается привычкой, а привычка современемъ кристализуется въ постоянное качество или въ свойство нашего характера. Мысль есть причина дѣйствія и для духовнаго взора представляетъ скрытую сторону послѣдняго:

А я говорю вамъ, что всякій, кто смотритъ на женщину съ вожделеніемъ, уже прелюбодѣйствовалъ съ нею въ сердцѣ своемъ [2]).

То, что пребываетъ въ мысли, выполняется тѣломъ:

Человѣкъ создается мыслью; о чемъ онъ думаетъ въ одной жизни, тѣмъ онъ становится въ другой [3]).

---

[1]) Коранъ II, 117.

[2]) Матѳ. V, 28.

[3]) Chhândogya Upanishad. III, XIV, 1.

Все, что мы представляемъ изъ себя, есть послѣдствіе того, о чемъ мы думали: оно основано на нашихъ мысляхъ, оно сдѣлано нашими мыслями [1]).

Нашею дѣятельностью—нашимъ воздѣйствіемъ на другихъ—мы вызываемъ равносильное обратное дѣйствіе на самихъ себя. Счастіе, изливаемое на другихъ, означаетъ счастіе, обратно устремляющееся на насъ; страданіе, причиняемое другимъ, дѣйствуетъ какъ равносильное страданіе на насъ.

Какъ бы сурово ни казалось это ученіе, оно проникнуто тою прекрасною суровостью природы, посредствомъ которой Богъ приводитъ наши воли въ гармонію Своей Волей. Благодаря той радости, которая слѣдуетъ за праведностью, благодаря страданію, которое сопровождаетъ зло, мы научаемся приводить наши воли въ созвучіе съ Волей, руководящей мірами. Человѣкъ можетъ сѣять то сѣмя, которое захочетъ, но, посѣявъ его, онъ соберетъ жатву именно съ этого сѣмени, а не съ другого. Благодаря этому онъ научается собирать доброе сѣмя.

Въ такомъ мірѣ, который управляется незыблемымъ закономъ, человѣкъ можетъ подвигаться съ увѣренностью; добрыя желанія привлекутъ къ нему хорошіе предметы, добрыя мысли построятъ для него хорошій характеръ; добрыя дѣла создадутъ хорошія внѣшнія условія для его существованія на землѣ. Такимъ путемъ тѣла его будутъ становиться все болѣе совершенными орудіями Духа и приближаться все болѣе къ совершенству.

Законъ Жертвы.

Жертва есть изліяніе жизни на пользу другихъ, и этотъ законъ раскрывающагося Духа есть та основа, на которой строятся и которая поддерживаетъ міры. Всѣ міровыя религіи въ разнообразныхъ символахъ признаютъ жертву въ основѣ божественнаго проявленія. Индусы символизируютъ зарю божественнаго проявленія „жертвеннымъ конемъ“ [2]) и поютъ о верховномъ Духѣ (Purusha), жертвующемъ собой, чтобы вызвать къ жизни міры [3]); христіанинъ говоритъ объ Агнцѣ, „закланномъ отъ созданія міра“ [4]); послѣдователи Зороастра говорятъ о времени, когда не существовало ни земли, ни неба, и Зервана путемъ жертвы вызвалъ про-

---

[1]) Dhammapada I, 1.

[2]) Brhadâxanyaka Upanishad I, I, 1.

[3]) Rigveda, Purusha Sukta.

[4]) Откровеніе XIII, 8.

явленіе Ауры—Мазды (Ормуздъ), Творца [1]. Это изліяніе Божественнаго Духа въ цѣляхъ созданія вселенной кладетъ на творчество печать Жертвы и заставляетъ насъ понимать, что для Духа жертва есть радостное выраженіе жизни, а не скорби, какъ это кажется для нашего тѣлеснаго бытія.

Для духовнаго человѣка сказано слѣдующее:

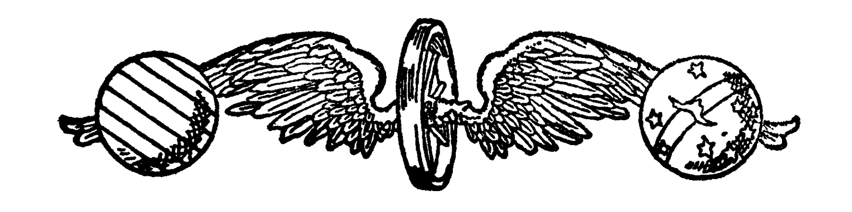
Быть носителемъ Его свѣта, посланникомъ Его состраданія, работникомъ въ Его царствѣ—вотъ жизнь, которую стоитъ прожить; ускорить человѣческую эволюцію, служить Благому Закону, приподнять тяжелую ношу міра—вотъ что составляетъ радость Самого Господа [2].

Какъ непосредственное изліяніе Жизни Бога, Духъ является родникомъ, питаемымъ изъ неистощимаго источника, и чѣмъ болѣе изъ него изливается, тѣмъ болѣе и вливается въ него. Въ матерьяльныхъ мірахъ связываетъ безконечная цѣпь причинъ и послѣдствій, при чемъ каждое послѣдствіе становится новой причиной, и такъ продолжается безъ конца; воистину, „міръ связанъ дѣйствіемъ“ [3], и каждое совершенное дѣйствіе является новыми путами. Но то дѣйствіе, которое совершается какъ часть Божественной Дѣятельности, когда дѣлающій является лишь посредникомъ, ничего не ища и ничего не желая для себя какъ для отдѣльнаго *я*, такое дѣйствіе, совершаемое какъ жертвоприношеніе (вотъ иду исполнить волю Твою, Боже [4]), не связываетъ, ибо здѣсь цѣлое дѣйствуетъ черезъ свою часть, а не часть стремится для себя захватить отъ цѣлаго, ибо сказано, что дѣйствіе не связываетъ, „*если* совершается какъ жертва [5]“. Въ этомъ заключается путь къ освобожденію: матерія связываетъ дѣятельностью, Духъ освобождаетъ жертвой; такимъ образомъ Духъ торжествуетъ надъ матеріей, Безсмертный Человѣкъ—надъ своими оболочками: человѣческая воля сливается во едино съ Божественной Волей. „Ему мы покорны“ [6], и человѣкъ предоставляетъ тѣло свое въ „жертву живую, святую, благоугодную Богу“ [7].

Пер. **Е. П.**

---

1) Essays on the Parsis, Dr. Haug, p. 13.
2) Древняя Мудрость, стр.
3) Bhagavad-Gîtâ, III. 9.
4) Евреямъ X, 9.
5) Bhagavad-Gîtâ, III, 9.
6) Коранъ II, 83.
7) Римляне XII, 1.

Эволюція міра и человѣка.

Д-ра Штейнера.

*(Продолженіе *).*

Логосъ и Міръ.

Изслѣдуя постепенное развитіе человѣческой культуры, наука можетъ прослѣдить человѣка только до той эпохи, когда онъ уже началъ употреблять простыя орудія работы; что же касается физическаго развитія человѣка, наука не въ состояніи проникнуть далѣе того періода, когда черепъ его былъ сильно откинутъ назадъ, т. е. когда его передній мозгъ еще не доразвился. Въ дѣйствительности самый древній періодъ, доступный изслѣдованію позитивной науки, есть лишь одинъ изъ позднѣйшихъ этаповъ развитія человѣка, и оккультная наука знаетъ человѣка безконечно ранѣе, когда онъ еще былъ организованъ совершенно иначе, чѣмъ теперь, когда его эфирное тѣло и его физическая голова были совсѣмъ иными. Теперь эфирное тѣло человѣка сходно съ физическимъ, тогда же оно было огромной величины и не было еще вобрано внутрь физическаго тѣла. Центръ сознанія, который въ настоящее время внутри мозга, тогда былъ наружи. Человѣкъ сталъ такимъ, какимъ мы его знаемъ, со временъ Атлантиды. *До* этого времени онъ былъ совсѣмъ иной, и только когда эфирное тѣло вошло въ *физическое*, какъ бы совпало съ нимъ, тогда только появилось *самосознаніе*, явилось *я*, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мозгъ сталъ способенъ къ комбинированію понятій.

Весь первый періодъ Атлантиды былъ направленъ на то, чтобы у человѣка развилась память. Въ началѣ онъ владѣлъ только памятью и былъ неспособенъ даже на такое обобщеніе, которое доступно теперь каждому ребенку, что дважды два есть

* См. „Вѣстникъ Теософіи" 1911 г., № 4.

четыре. На этой ступени сознанія работала *только* память, и всѣ понятія слагались въ мозгу какъ бы рядами, постоянно повторяясь, безъ взаимныхъ соотношеній и безъ обобщеній. Изъ памяти развивалась постепенно воля. Періодъ одной чистой памяти былъ для сознанія какъ бы растительнымъ періодомъ, человѣкъ вбиралъ въ себя ряды представленій, и только позднѣе онъ пріобрѣлъ новую способность комбинировать полученные извнѣ ряды представленій, иными словами—мыслить. Далѣе наступилъ періодъ, когда человѣкъ Атлантиды получилъ даръ рѣчи. Этотъ даръ является у человѣка въ совершенно опредѣленный моментъ его эволюціи, въ моментъ, когда человѣкъ *выпрямился*. Членораздѣльные звуки могутъ быть только у вертикально поставленнаго существа. Отсюда всѣ легенды и сказки о вѣщихъ птицахъ, отсюда же возможность научить птицу произносить членораздѣльные звуки, что не доступно самымъ умнымъ горизонтально поставленнымъ животнымъ.

Если мы бросимъ взглядъ еще далѣе, въ глубь вѣковъ *до* Атлантиды, мы увидимъ Лемурійскій Континентъ, который находился тамъ, гдѣ теперь южная Азія, Африка и Австралія; тамъ жизнь протекала опять совсѣмъ иначе. Характерною особенностью тѣхъ временъ было совершенно иное распредѣленіе воды и воздуха, чѣмъ въ Атлантидѣ и чѣмъ въ наши времена. Въ старой Лемуріи земля была окружена массами тумановъ: температура была очень высока и океаны состояли наполовину изъ воды и наполовину изъ тумановъ (Названіе Nibelungen есть отзвукъ глубоко древнихъ Лемурійскихъ временъ. Одно такое имя въ миѳѣ или сказкѣ ясно говоритъ оккультисту, что миѳы и сказки эти слагались людьми, обладавшими оккультными знаніями).

Въ тѣ времена тумановъ человѣкъ не могъ еще дышать посредствомъ легкихъ; у него были два дыхательныхъ органа: одинъ—въ родѣ рыбьихъ жабръ, а другой—на мѣстѣ теперешнихъ лёгкихъ представлялъ изъ себя нѣчто въ родѣ воздухоноснаго пузыря. Вмѣсто рукъ у человѣка были ластообразные органы, посредствомъ которыхъ человѣкъ передвигался въ моряхъ тумана. И только по мѣрѣ того, какъ онъ выпрямлялся, органы эти постепенно преобразовывались въ руки, жабры—въ уши, воздухоплавательный пузырь—въ легкія. Ступенью величайшей важности въ развитіи человѣчества является время, когда человѣкъ сталъ дышать такъ, какъ онъ дышитъ теперь. Съ этого момента, когда „Богъ вдохнулъ въ Адама свое дыханіе", и начинаются повѣствованія Библіи. Въ этомъ изреченіи два смысла: одинъ—физіологическій,

указывающій на переходъ прежнихъ органовъ, которые дышали влагой, въ новые, въ *лёгкія*, которыя дышатъ воздухомъ, и другой—духовный смыслъ, указывающій на преобразованіе животнаго существа человѣка въ духовное, на новую способность жить духовно изнутри себя. Второй смыслъ библейскаго изреченія прикрываетъ собою тайну соединенія высшаго начала (именуемаго въ индусской эзотерикѣ Manasâ Putra), разумной человѣческой Монады, съ человѣческимъ тѣломъ.

Какъ могло произойти это соединеніе? Человѣкъ на той ступени развитія былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ существами астральнаго и небеснаго міровъ; но для того, чтобы возможно стало реальное соприкосновеніе съ этими сущностями, человѣкъ долженъ былъ развить въ себѣ необходимые для этого органы. Такими органами и явились легкія, которыя служили не только для физіологическаго процесса, но и для того, чтобы буквально вдыхать духовное, духовныя сущности, для которыхъ окружавшій землю воздухъ служилъ внѣшнею оболочкою.

То была ступень жизни, когда духъ облекался въ воздухъ; позднѣе появилась ступень, когда онъ началъ облекаться въ плоть. Ко временамъ Лемурійскаго періода физическое тѣло человѣка созрѣло уже настолько, что могло служить для воплощенія духовъ.

Вмѣстѣ съ легкими человѣкъ получилъ и индивидуальную душу *). Вдыхая воздухъ, человѣкъ давалъ проникать въ себя высшему, духовному; такимъ образомъ, дыханіе, дѣйствительно, одухотворило человѣка, и воздухъ является тѣломъ человѣческой духовности, такъ же какъ плоть есть тѣло низшей человѣческой природы.

Появленіе у человѣка лёгкихъ, посредствомъ которыхъ онъ началъ вдыхать воздухъ, положило начало и той ступени сознанія, на которой человѣчество находится и понынѣ. Человѣкъ сталъ *воспринимать въ себя* внѣшній міръ; ранѣе человѣкъ воспринималъ не предметы, а ихъ внутреннія свойства; напримѣръ, приближаясь къ соли, онъ чувствовалъ ее какъ солёность; если предметъ былъ для него полезенъ или пріятенъ, онъ двигался къ нему, испытывая влеченіе; если, наоборотъ, предметъ представлялъ собою опасность, человѣкъ испытывалъ антипатію и удалялся отъ него. Самые предметы проносились черезъ его сознаніе символически, въ цвѣтовыхъ образахъ. Способность воспринимать внѣшній міръ объективно требовало физическихъ органовъ, какъ ору-

* До этой ступени развитія человѣчество имѣло общую душу.

Прим. составит.

дій воспріятія. Эти органы и выработались у человѣка къ тому времени, какъ человѣкъ сталъ дышать лёгкими. Съ этихъ поръ прежнее состояніе сознанія, *внутренно-образное*, переходитъ въ сознаніе *объективное*, извнѣ передающее свое содержаніе сознанію человѣка черезъ посредство физическихъ органовъ чувствъ. Эта ступень сознанія и есть то „бодрствующее, ясное, дневное сознаніе", которымъ человѣчество обладаетъ въ настоящемъ. Сознаніе во время сна есть атавизмъ, отраженіе прежняго состоянія сознанія.

У этого прежняго сознанія было свойство творить *воображеніемъ.*

Обыкновенное сознаніе можетъ познавать только то, что уже есть, тогда какъ воображеніе можетъ творить изъ ничего, какъ бы изъ себя выносить новое во внѣшній міръ.

Когда человѣкъ еще не дышалъ лёгкими и не могъ еще воспринимать внѣшній міръ, тогда душа была внѣ человѣка, она какъ бы облекала его извнѣ, въ видѣ облака. Силою своей способности воображенія душа строила себѣ тѣло, въ которомъ ей можно было бы жить. Пришла ступень сознанія, когда душѣ нужны стали окна, чтобы смотрѣть въ міръ, и тогда она вызвала къ жизни глаза; ей нужно стало установить сообщеніе со звуками, и она превратила жабры въ уши; такъ постепенно она приготовляла себѣ орудія воспріятія внѣшняго міра. Эти постепенныя преобразованія въ человѣкѣ обозначались въ древней оккультной наукѣ опредѣленными іероглифами.

Первая часть эволюціи, когда душа находилась еще *внѣ* тѣла и постепенно строила его для удовлетворенія новыхъ, нарастающихъ нуждъ своихъ, обозначался знакомъ Ɔ, а слѣдующій періодъ эволюціи, когда душа вошла въ тѣло и изнутри начала воспринимать внѣшній міръ, обозначался знакомъ С; оба же знака вмѣстѣ составляютъ СƆ, т. е. *„вихрь"*. Идея вихря—въ духовномъ смыслѣ—обозначаетъ рубежъ, когда заканчивается одна ступень эволюціи и зарождается новая.

Середина четвертой подрасы Лемурійской эпохи представляетъ собою ту рубежную точку, когда душа вошла въ физическое тѣло и когда возникло дыханіе черезъ лёгкія.

За Лемурійскимъ періодомъ слѣдуетъ періодъ Атлантскій, а затѣмъ нашъ періодъ пятой Арійской расы. Такимъ образомъ, въ Лемурійскій періодъ „основное ядро" *) человѣческой души во-

*) Wesenkern.

шло въ физическое тѣло, въ періодъ Атлантиды оно выростало благодаря воспріятіямъ извнѣ, въ нашъ періодъ душа начинаетъ излучаться.

Развитіе человѣка шло параллельно съ развитіемъ земли. Ранѣе, когда у человѣка не было еще физическаго тѣла, когда онъ былъ астральный, и земля также была астральная; еще раньше и человѣкъ и земля находились въ состояніи еще болѣе тонкомъ—ментальномъ, деваканическомъ.

Слѣдуетъ помнить, что все астральное въ человѣкѣ выражается какъ чувство, а все деваканическое—какъ мысль. Теперешнія наши мысли представляютъ собою какъ бы тѣнь прежняго небеснаго (деваканическаго) состоянія человѣка. Изъ этого слѣдуетъ, что человѣкъ спускался изъ высшаго состоянія въ низшее. Это не только дѣйствительность, но въ этой дѣйствительности заключается весь смыслъ человѣческой эволюціи. *Высшее должно было пройти черезъ всѣ ступени бытія.* Человѣческое тѣло и развилось до степени физической плотности только для того, чтобы служить проводникомъ для духовнаго, чтобы духовное могло соприкоснуться съ животной природой и могло бы дѣйствовать *черезъ нее.* Ради этой цѣли человѣческая духовная суть должна была пройти черезъ животную тѣлесность, дабы *животное* оплодотворилось *человѣческимъ*, такъ же какъ позднѣе *человѣческое* должно оплодотвориться *божественнымъ*.

Различныя ступени жизни существуютъ только для того, чтобы развивать *сознаніе,* чтобы различными условіями бытія вызывать къ дѣятельности все новыя и новыя *стороны сознанія.* Когда человѣческое сознаніе разовьется до полноты, когда оно охватитъ собою всѣ ступени бытія, тогда цѣль эволюціи будетъ достигнута. Истинный идеалъ человѣческаго сознанія въ томъ, чтобы не только понимать *все*, но и опытно переживать всѣ ступени, черезъ которыя проходитъ земная эволюція.

Оккультизмъ учитъ, что духовное творчество, производительная сила души, появляется у человѣка тогда, когда онъ овладѣлъ всѣмъ, что окружающій міръ можетъ дать ему, когда его разумъ вобралъ въ себя все, что находится *внѣ* человѣка, когда онъ претворилъ въ свою собственность весь предоставленный ему космическій матеріалъ. На этой высшей ступени сознанія человѣкъ становится духовно производительнымъ, „геніальнымъ“, какъ называютъ теперь человѣка, творящаго духовно. Чтобы дать нѣкоторый намекъ на состояніе человѣка на этой творческой ступени, возьмемъ сравненіе изъ міра физическихъ переживаній. Если

мы возьмемъ птицу, когда она высиживаетъ яйца и когда отдаетъ свою жизненную теплоту, которая и вызываетъ растительный процессъ въ яйцѣ, мы знаемъ, что она дѣлаетъ это съ особеннымъ чувствомъ: съ этимъ отдаваніемъ жизненной своей теплоты соединено самое сильное изъ всѣхъ земныхъ ощущеній—любовное наслажденіе.

Здѣсь мы прикасаемся къ общему закону, повторяющемуся на всѣхъ ступеняхъ космическаго бытія, по которому всякое творчество несетъ въ себѣ чувство радости, блаженства. И это одинаково справедливо и относительно курицы, высиживающей яйца, и относительно человѣка, который, загораясь высокимъ вдохновеніемъ, творитъ въ области духа.

То, что на физической ступени жизни дается теплотою крови, то на духовной ступени бытія дается теплотою души. Пробужденная духовная сила *) возбуждаетъ своимъ огнемъ производительную способность души, и душа начинаетъ творить изъ себя, въ ней совершается внутренній процессъ творчества. На *этой* ступени человѣческое сознаніе переходитъ отъ воспріятія міра черезъ разумъ къ воспроизведенію міра, къ творчеству; отъ *Метаморфозы формы къ метаморфозѣ Жизни.*

Человѣческій разумъ **) соотвѣтствуетъ космическому Разуму.

Духовная творческая сила (Buddhi) человѣка соотвѣтствуетъ животворящей теплотѣ, которая проникаетъ весь міръ и которую можно назвать Космическою Духовностью ***).

На 1-й ступени сознанія черезъ человѣческій разумъ, Manas, дѣйствуетъ Третій Логосъ. На 2-й ступени, черезъ Buddhi, дѣйствуетъ Второй Логосъ.

То отношеніе, въ какомъ Второй и Третій Логосы стоятъ къ Первому Логосу и какъ Второй Логосъ относится къ принципу Христа, и составляетъ основное содержаніе Гнозиса, истинной мистики, Христіанской Эзотерики, которая провозглашаетъ, что основа Міра есть Глаголъ, Слово, Второй Логосъ.

Состав. Е. П.

---

*) Buddhi.

**) Manas.

***) Buddhl Космоса.

Бхагавадъ-Гита.

(*Продолженіе**).

XVI БЕСѢДА.

1.

Безстрашіе, чистота жизни, постоянство въ Іогѣ и въ мудрости, милостыня, самообладаніе, жертва и изученіе Писаній [1]), подвижничество и прямота.

2.

Незлобивость [2]), правдивость, отсутствіе гнѣва, отреченіе, миролюбіе, отсутствіе злословія, состраданіе ко всѣмъ живымъ существамъ, отсутствіе алчности, кротость, скромность отсутствіе непостоянства.

3.

Сила [3]), всепрощеніе, великодушіе, чистота, отсутствіе зависти и гордости принадлежатъ тому, кто рожденъ съ божественными качествами, о Бхарата!

4.

Лицемѣріе, заносчивость и самомнѣніе, гнѣвъ, а также грубость и невѣжество принадлежатъ тому, кто рожденъ съ демоническими качествами, о Партха!

5.

Божественныя качества ведутъ къ освобожденію, демоническія—къ рабству. Не скорби, о Пандава, ты родился съ божественными свойствами.

---

*) См. „Вѣстникъ Теософіи“ № 4—1911 г.

[1]) Шастры.

[2]) Неспособность наносить боль.

[3]) Буквально: великолѣпная сила.

6.

Двояко творческое проявленіе въэтомъ мірѣ—божественное и демоническое; божественное было подробно изложено; услышь отъ Меня, о Партха, каково демоническое.

7.

Демоническіе люди не знаютъ ни настоящей дѣятельности [1]), ни настоящаго воздержанія, ни чистоты, ни праведнаго поведенія, и въ нихъ нѣтъ правды.

8.

Они говорятъ: „Вселенная безъ правды, безъ устоевъ [2]), безъ Бога; она рождена отъ взаимной связи [3]) и держится лишь чувственностью“.

9.

Люди такихъ воззрѣній, развращенные малымъ разумомъ и жестокими дѣйствіями, являются врагами и разрушителями міра.

10.

Преисполненные ненасытныхъ желаній, преслѣдуемые тщеславіемъ, гордостью и самомнѣніемъ, въ заблужденіи своемъ держась вредныхъ взглядовъ, они дѣйствуютъ съ нечистыми намѣреніями.

11.

Отдаваясь безмѣрнымъ заботамъ, вплоть до самой своей смерти, стремясь къ удовлетворенію своихъ желаній, какъ къ высшей своей цѣли, считая, что этимъ [4]) все кончается.

12.

Связанные сотнями оковъ ожиданій [5]), отдавшись чувственности и гнѣву, они добиваются неправедными путями накопленія богатствъ ради утоленія своихъ желаній.

---

[1]) Буквально: исходящей энергіи.

[2]) Безъ основъ.

[3]) Буквально: союза другъ съ другомъ.

[4]) Т. е. съ этою земною жизнью.

[5]) Буквально: надеждъ.

13.

„Сегодня я этого достигъ, а то желаніе я удовлетворю завтра; это богатство мое и моимъ будетъ и въ будущемъ.

14.

„Я убилъ врага и другихъ убью. Я царь [1]), я наслаждаюсь, я достигъ совершенства, силы, счастья.

15.

„Я богатъ и знатенъ; кто можетъ со мной сравниться? Я буду царствовать [2]), буду давать милостыню, буду наслаждаться". Такъ заблуждаются невѣжды.

16.

Смущенные многими мыслями, опутанные покровомъ иллюзіи, отдавшіеся утоленію желаній, они падаютъ въ адъ [3]).

17.

Самодовольные, упрямые, исполненные гордости и отравленные богатствомъ, они совершаютъ лицемѣрныя жертвы [4]), противно духу Писаній [5]).

18.

Предавшись эгоизму, любоначалію, высокомѣрію, сладострастію и гнѣву, они Меня [6]) ненавидятъ въ своемъ и въ чужихъ тѣлахъ.

19.

Этихъ худшихъ изъ людей, исполненныхъ ненависти и жестокости, Я всегда ввергаю въ нечистыя. демоническія чрева [7]).

---

1) Буквально: я царь, я царящій.
2) Т. е. буду исполнять требуемые обряды жертвоприношенія.
3) Буквально: въ адъ нечистыхъ.
4) Внѣшнія.
5) Буквально: противно истиннымъ правиламъ Писаній.
6) Т. е. ненавидятъ Божественное начало въ себѣ и въ другихъ.
7) При перевоплощеніи.

20.

Павъ въ демоническое чрево, окутанные майей рожденіе за рожденіемъ, не стремясь ко Мнѣ, о Каунтея, они опускаются еще ниже [1]).

21.

Трояки врата этого ада, въ которомъ погибаетъ Божественное „Я“: чувственность, злоба и жадность; человѣкъ долженъ отказаться отъ всѣхъ трехъ.

22.

Освободившійся отъ этихъ трехъ вратъ мрака, о сынъ Кунти, онъ достигаетъ блаженства и идетъ къ высочайшей Цѣли [2]).

23.

Кто, пренебрегая ученіемъ Писаній, дѣйствуетъ подъ наплывомъ желанія, не достигаетъ ни совершенства, ни счастья, ни высшаго Пути.

24.

И потому да будутъ для тебя указаніемъ Писанія [3]) въ твоемъ рѣшеніи что твой долгъ и что не долгъ. Познавъ, что повелѣваютъ Писанія, ты долженъ дѣйствовать въ этомъ мірѣ согласно ученію.

Такъ гласитъ славной Бхагавадъ-Гиты XVI бесѣда, именуемая Іогой распознаванія божественнаго и демоническаго.

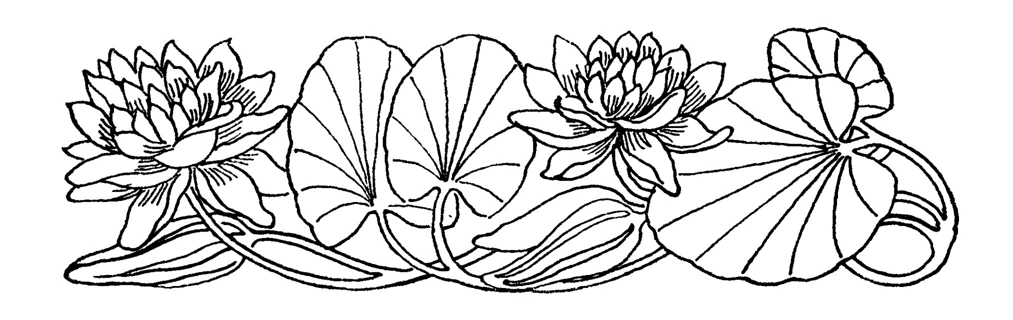
Пер. **И. Манціарли и Alba.**

[1]) Буквально: на самый низкій изъ путей.

[2]) Или: по высшему Пути.

[3]) Шастры, т. е. ученіе Дхармы, выраженное въ писаніяхъ.

Сила мысли.

А. Безантъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Эта маленькая книжка имѣетъ цѣлью помочь читателю въ изученіи его собственной природы, или, лучше сказать, интеллектуальной стороны его природы. Вникнувъ въ изложенныя здѣсь начала, онъ будетъ въ состояніи содѣйствовать своей собственной эволюціи и ускорить свой ментальный ростъ въ гораздо большей степени, чѣмъ если бы онъ оставался несвѣдущимъ относительно условій своего развитія.

Введеніе, можетъ быть, представитъ нѣкоторыя затрудненія для непосвященнаго читателя и, можетъ быть, оно будетъ имъ пропущено при чтеніи въ первый разъ. Но оно необходимо какъ основаніе для тѣхъ, кто хочетъ понять связь между интеллектомъ и другими сторонами человѣческой природы съ внѣшнимъ міромъ. Тѣ, кто хочетъ слѣдовать изреченію „Познай самого себя", не должны отступать передъ небольшимъ усиліемъ и ожидать того, чтобы въ ихъ лѣниво открытый ротъ упала бы съ небесъ уже совершенно готовая пища.

Если эта книжка поможетъ даже только нѣсколькимъ серьезно-изучающимъ людямъ и устранитъ съ ихъ пути нѣкоторыя затрудненія—цѣль ея будетъ достигнута.

Анни Безантъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Цѣнность знанія измѣряется его силой очищать и облагораживать жизнь; серьезно-настроенные теософы естественно желаютъ примѣнить теоретическія познанія, пріобрѣтенныя изученіемъ Тео-

софіи, для развитія своего собственнаго характера и для служенія ближнему. Эта книжка написана для нихъ въ надеждѣ, что лучшее пониманіе ихъ интеллектуальной природы приведетъ ихъ къ сознательной культурѣ хорошаго и къ искорененію дурного. Чувство, которое побуждаетъ насъ къ праведной жизни, теряетъ отчасти свою цѣнность, если умъ не озаряетъ стезю поведенія, ибо, какъ слѣпой сбивается съ дороги въ своемъ невѣдѣніи и попадаетъ въ канаву, такъ и Ego, ослѣпленное невѣдѣніемъ, отклоняется отъ прямого пути и падаетъ въ пропасть дурныхъ дѣяній. Воистину, Avidyâ — невѣдѣніе — есть первый шагъ отъ единства къ обособленію, и только съ уменьшеніемъ его уменьшается постепенно и обособленіе, до тѣхъ поръ пока исчезновеніе Avidyâ не возстановитъ Вѣчнаго Мира.

Я—какъ Познающій.

Изучая человѣческую природу, мы отдѣляемъ человѣка отъ проводниковъ, которыми онъ пользуется, живое „Я"—отъ покрова, въ который онъ облаченъ. Несмотря на разнообразность формъ, подъ которыми оно проявляется посредствомъ разнаго рода матеріи, „Я"—всегда едино. Существуетъ только Единое Я, въ полномъ значеніи этого слова, такъ какъ подобно лучамъ, исходящимъ изъ солнца, всѣ „я"—люди—суть лишь лучи Божественнаго Я, такъ что каждый можетъ сказать: „Я есмь Оно". Но для нашей предстоящей задачи мы возьмемъ только одинъ лучъ, утверждая присущее ему, хотя и скрытое подъ формами, единство. Сознаніе не дѣлимо, и раздѣленія, которыя мы вводимъ въ него, имѣютъ цѣлью лишь облегчить наше изученіе; они—иллюзіи, которыми мы обязаны нашей ограниченной способности органовъ воспріятія, дѣйствующихъ въ низшихъ мірахъ. Тотъ фактъ, что проявленія „Я" происходятъ въ отдѣльности отъ его трехъ аспектовъ: познанія, воли и энергіи, рождающихъ мысли, желанія и поступки, не долженъ заслонять отъ насъ сознанія, что раздѣленія субстанціи не существуетъ; все Я познаетъ, все Я желаетъ, все Я дѣйствуетъ. Кромѣ того, функціи его не совершенно отдѣлены другъ отъ друга; когда оно познаетъ, оно въ то же время дѣйствуетъ и желаетъ; когда оно дѣйствуетъ, оно познаетъ и желаетъ. Одна функція преобладаетъ и иногда въ такой мѣрѣ, что почти совершенно скрываетъ другія; но даже и въ процессѣ самой интенсивной сосредоточенности познаванія, наиболѣе отдѣльно дѣйствующей изъ функцій „Я", внимательный анализъ всегда можетъ найти скрытую энергію и волю.

Мы назвали эти три функціи „три аспекта Я"; болѣе подробное объясненіе намъ поможетъ, быть можетъ, уяснить это себѣ. Когда „Я" находится въ покоѣ, проявляется аспектъ Познанія, посредствомъ котораго оно можетъ принять подобіе любого предмета. Когда „Я" сосредоточено и готовится перейти къ иному состоянію Сознанія, является аспектъ Воли. Когда „Я" въ присутствіи какого-нибудь предмета напрягаетъ энергію, чтобы войти въ соприкосновеніе съ этимъ предметомъ, является аспектъ Дѣйствія. Отсюда видно, что эти три аспекта не суть особенныя раздѣленія „Я", но одно недѣлимое, проявляющееся въ трехъ аспектахъ.

Не легко освѣтить основное понятіе „Я" не давая ему опредѣленія. „Я" — это та сознательная, чувствующая, всегда пребывающая сущность, которая въ каждомъ изъ насъ сознаетъ себя существующей. Никто не можетъ мыслить о себѣ какъ о несуществующемъ или формулировать себя въ своемъ сознаніи, какъ „Я не есмь". Bhagavân Dâs *) говоритъ такъ: „Я" есть первая и необходимая основа жизни"... По словамъ Vâchaspati-Mishra въ его комментаріяхъ **): „Никто не спрашиваетъ себя: „Есмь ли я?" или „Не есмь ли я?" Утвержденіе „Я есмь" предшествуетъ всему другому, стоитъ надъ и внѣ всѣхъ разсужденій. Никакое доказательство не можетъ придать ему болѣе силы, никакое опроверженіе не можетъ его ослабить. И доказательство, и опроверженіе оба основываются на утвержденіи „Я есмь", на неподдающемся анализу чувствѣ простого бытія, которое не несетъ съ собой никакого предиката, кромѣ расширенія и сжиманія. „Я есмь больше"—выраженіе удовольствія, „я есмь меньше"—выраженіе страданія.

Разсматривая „Я есмь", мы находимъ, что оно выражается тремя различными способами: a) внутреннимъ отраженіемъ „Не Я", это—Познаніе, корень мыслей; b) внутреннимъ сосредоточеніемъ—Воля, корень желаній; c) расширеніемъ во внѣ—Энергія, корень дѣйствія; „Я познаю" или „Я мыслю", „Я хочу" или „Я желаю", „Я обнаруживаю энергію" или „Я дѣйствую". Вотъ три утвержденія единаго недѣлимаго „Я", того, что сознаетъ себя какъ „Я есмь". Всѣ аспекты его проявленія могутъ быть подведены подъ одну изъ этихъ категорій. „Я" проявляется въ нашихъ мірахъ только подъ этими тремя видами; какъ всѣ цвѣта происходятъ изъ трехъ первичныхъ, такъ и безчисленныя проявленія

*) „The science of Emotions", p. 20.

**) Bhamati on the Shariraka-Bhashya of Shankara-Charya.

„Я“ исходятъ всѣ изъ воли, энергіи и познанія. Я желающее, Я познающее, Я обнаруживающее энергію, это „Я“—Единый въ Вѣчности и корень индивидуальности въ Пространствѣ и Времени. Это „Я“ мы и будемъ изучать въ аспектѣ мысли какъ Познающаго.

„Не-Я“ какъ Познаваемое.

Я—„природа котораго познаніе“, находитъ отраженнымъ внутри себя множество формъ и узнаетъ черезъ посредство опыта, что оно не можетъ черезъ нихъ ни желать, ни дѣйствовать. Оно видитъ, что эти формы не подчинены его власти, какъ та форма которую оно впервые начинаетъ сознавать и которую оно (ошибочно, но неизбѣжно) отождествляетъ съ самимъ собою. Оно познаетъ, а эти формы не мыслятъ; оно хочетъ, а онѣ не проявляютъ никакого желанія; оно обнаруживаетъ энергію, а въ нихъ не происходитъ никакого отвѣтнаго движенія. Оно не можетъ сказать „въ нихъ я познаю, я дѣйствую, я хочу“; наконецъ оно начинаетъ видѣть въ нихъ другія „Я“ минеральныхъ, растительныхъ, животныхъ, человѣческихъ и сверхчеловѣческихъ формъ, и оно обобщаетъ ихъ всѣхъ однимъ всеобъемлющимъ словомъ „Не-я“, т. е. то, въ чемъ его какъ отдѣльнаго „Я“ нѣтъ—то, въ чемъ оно не познаетъ, не дѣйствуетъ, не хочетъ. Такимъ образомъ, оно, въ продолженіе долгаго времени, на вопросъ: Что такое не-я? отвѣчаетъ слѣдующей формулой: „Все, въ чемъ я не познаю, не хочу, не дѣйствую“.

И хотя въ концѣ концовъ, послѣдовательно анализируя, онъ должно будетъ увидѣть, что каждый изъ его проводниковъ (исключая самую тонкую субстанцію, которая создаетъ изъ него отдѣльное „Я“) есть не что иное, какъ часть „Не-Я“, какъ объектъ познаванія, т. е. Познаваемое, а не Познающій, однако, практически его отвѣтъ все же правиленъ. Дѣйствительно, оно никогда не будетъ въ состояніи познать, какъ предметъ отдѣльный отъ него самого, эту тончайшую, создающую изъ него особое я субстанцію, потому что существованіе этой субстанціи необходимо для индивидуализаціи его и потому, что познать ее какъ „Не-Я“ значило бы слиться со Всѣмъ.

Познаніе.

Для того, чтобы „Я“ могло быть Познающимъ, а „Не-Я“-Познаваемымъ, нужно установить между ними опредѣленную связь. „Не-Я“ должно дѣйствовать на „Я“, и “Я“—въ свою очередь—дѣйствовать на „Не-Я“. Между ними долженъ происхо-

дить обмѣнъ. Познаніе это и есть установленіе этой связи между „Я“ и „Не-Я“, и о природѣ этой связи мы будемъ говорить въ слѣдующей главѣ, а сперва необходимо ясно понять, что познаніе есть „отношеніе“. Это „отношеніе“ заключаетъ въ себѣ двойственность: сознаніе „Я“ и познаваніе „Не-Я“; присутствіе этихъ двухъ факторовъ, взаимно связанныхъ между собою, необходимо для познанія.

Необходимо понять, что Познающій, Познаваемое и самый актъ Познаванія суть три вещи въ одномъ,—иначе человѣкъ не будетъ въ состояніи пользоваться силою мысли для настоящей ея цѣли,—помощи міру. Согласно западной терминологіи, разумъ есть Познающій, объектъ—Познаваемое; отношеніе, которое устанавливается между ними—Познаніе. Мы должны изучить природу Познающаго, природу Познаваемаго и природу того отношенія, которое устанавливается между ними, и, наконецъ, тотъ способъ, посредствомъ котораго устанавливается это отношеніе. Уяснивъ себѣ это, мы сдѣлаемъ огромный шагъ впередъ по пути къ Познанію самого себя, т. е. къ Мудрости. Мы тогда будемъ въ состояніи помогать окружающимъ насъ, сдѣлаемся помощниками и защитниками, потому что настоящая цѣль Мудрости и состоитъ въ этомъ: одухотворенная любовью, она должна поднять міръ изъ глубинъ его скорби къ познанію, въ которомъ всѣ страданія навсегда прекращаются. Такова наша задача, потому что, какъ говорится въ книгахъ народа, обладающаго древнѣйшей и вмѣстѣ съ тѣмъ глубочайшей и мудрѣйшей наукой о душѣ, цѣль философіи—положить конецъ страданію. Это—цѣль каждаго Познающаго, ради этого и стремится онъ къ познанію.

Положить конецъ страданію—вотъ истинная цѣль философіи; всякая иная мудрость, которая не ведетъ къ обрѣтенію Мира, не есть истинная мудрость.

Глава первая.

Природа мысли.

Природа мысли можетъ быть изучаема съ двухъ точекъ зрѣнія: со стороны сознанія, которое есть познаніе, и со стороны формы, черезъ посредство которой познаніе достигается; способность же формы къ видоизмѣненіямъ, пластичность ея дѣлаетъ возможнымъ достиженіе познанія.

Эта возможность привела философію къ двумъ крайностямъ, которыхъ мы должны избѣгнуть, такъ какъ каждая изъ нихъ не признаетъ одной изъ сторонъ проявляющейся жизни. Одна смотритъ на все какъ на сознаніе и не признаетъ условія, дѣлающаго возможнымъ сознаніе, т. е. необходимости формы. Другая смотритъ на все какъ на форму и не признаетъ того, что форма можетъ существовать лишь въ силу одухотворяющей ее жизни.

Форма и жизнь, матерія и духъ, проводникъ и сознаніе нераздѣльны въ проявленіи, они —неотдѣлимые аспекты Того, чему обѣ эти стороны присущи, Того, что есть ни сознаніе, ни проводникъ его, а корень обоихъ. Философія, пытающаяся объяснить все черезъ посредство формы, не признавая жизни (одухотворяющей ее), неизбѣжно встрѣтится съ проблемами, разрѣшить которыя она будетъ не въ состояніи. Философія, пытающаяся объяснить все черезъ посредство жизни, не признавая формы, очутится передъ глухой стѣной, преодолѣть которую она не сможетъ. Конечное разрѣшеніе этого состоитъ въ томъ, что сознаніе и его проводники—жизнь и форма, духъ и матерія—лишь временныя выраженія двухъ аспектовъ единаго, неограниченнаго Бытія, которое познаваемо лишь въ своемъ проявленіи, какъ Корень—Духъ *), т. е. отвлеченное Бытіе, отвлеченный Логосъ, отъ котораго рождаются всѣ индивидуальныя „я“, и какъ Корень-Матерія **), отъ котораго изошли всѣ формы. Когда происходитъ проявленіе, этотъ Корень-Духъ рождаетъ тройственное сознаніе, а Корень-Матерія— тройственную матерію; но за ними лишь Единая Реальность, не познаваемая для условнаго сознанія. Цвѣтокъ не видитъ корня, отъ котораго растетъ, хотя онъ черпаетъ изъ него всю свою жизнь и не могъ бы существовать безъ него.

„Я“ какъ Познающій имѣетъ своей отличительной функціей отраженіе „Не-я“ въ себѣ. Какъ чувствительная пластинка принимаетъ лучи свѣта, отраженные отъ предметовъ, а эти лучи производятъ видоизмѣненія въ веществѣ, на которое они падаютъ, что и дѣлаетъ возможнымъ полученіе изображеній предметовъ, такъ происходитъ и съ „Я“ въ аспектѣ познанія по отношенію ко всему внѣшнему. Его проводникомъ является сфера, на которой „Я“ принимаетъ отъ „Не-Я“ отраженные лучи Единаго Я, заставляя появиться на поверхности этой сферы изображенія—отра-

*) Называемый индусами Pratyag-âtman.

**) Mulaprakriti.

женія того, что не есть оно само. Познающій не познаетъ самихъ предметовъ на первыхъ ступеняхъ своего сознанія. Онъ познаетъ только образы, произведенные дѣйствіемъ „Не-Я“ на его проводникѣ, на его чувствительной оболочкѣ, т. е. фотографіи внѣшняго міра. Поэтому разумъ, проводникъ „Я“ какъ Познающаго, и сравнивается съ зеркаломъ, въ которомъ отражаются образы всѣхъ поставленныхъ передъ нимъ предметовъ. Мы познаемъ не самые предметы, а только дѣйствіе, произведенное ими на наше сознаніе; не предметы, а только ихъ изображенія, находимъ мы въ разумѣ. Какъ зеркало, въ которомъ кажется вы видите предметы, а между тѣмъ эти видимые предметы лишь образы, иллюзія, произведенная свѣтовыми лучами, отраженными отъ предметовъ, а не сами предметы, такъ и разумъ въ своемъ познаніи внѣшняго міра познаетъ только призрачные образы, а не вещи сами въ себѣ. Эти образы, произведенные въ проводникѣ, воспринимаются Познающимъ какъ предметы, и это воспріятіе состоитъ въ воспроизведеніи ихъ въ немъ самомъ. Аналогія съ зеркаломъ и употребленіе слова „отраженіе“ въ предыдущемъ параграфѣ могутъ ввести насъ въ заблужденіе, такъ какъ образъ есть „воспроизведеніе, а не отраженіе“ производящаго его предмета. Оболочка разума *) дѣйствительно образуется на подобіе представленнаго ему предмета, и это подобіе воспроизводится въ свою очередь Познающимъ. Когда онъ видоизмѣняетъ, такимъ образомъ, себя до подобія съ внѣшнимъ предметомъ, онъ познаетъ данный предметъ, но въ томъ случаѣ, который мы разсматриваемъ, то, что онъ познаетъ, есть только образъ, отраженный предметомъ на его проводникѣ, а не самъ предметъ. Причину того, что этотъ образъ не есть совершенное воспроизведеніе предмета, мы разсмотримъ въ слѣдующей главѣ.

„Но“, могутъ сказать „будетъ ли такъ всегда? Развѣ мы никогда не будемъ въ состояніи познавать самихъ предметовъ.“

Это заставляетъ насъ коснуться главнаго различія между сознаніемъ и тою средою, въ которой оно дѣйствуетъ. Когда сознаніе путемъ долгой эволюціи разовьетъ силу воспроизводить въ себѣ все, что существуетъ внѣ его, тогда матеріальная оболочка, внутри которой оно дѣйствовало, спадаетъ, и сознаніе, ставшее познаніемъ, отождествляетъ свое „Я“ со всѣми „Я“, среди которыхъ оно развивалось; тогда оно разсматриваетъ какъ "Не-я“ только оболочку всѣхъ „я“ въ отдѣльности. Это—„День да бу-

*) Ментальная матерія. Прим. ред.

детъ съ нами", сліяніе, торжество эволюціи, когда сознаніе познаетъ себя и другихъ и познаетъ другихъ какъ себя. Общностью природы достигается совершенное познаніе, и „Я" осуществляетъ то чудесное состояніе, въ которомъ тождество не умираетъ и память не теряется, а обособленность исчезаетъ, и Познающій, Познаваемое и Познаніе сливаются въ одно.

Эту чудесную природу „Я", которая развивается въ насъ въ настоящее время черезъ познаніе, мы и должны изучить, чтобы понять природу мысли; необходимо ясно увидѣть призрачную сторону мыслительнаго процесса, чтобы вполнѣ преодолѣть иллюзію. Итакъ, разсмотримъ, какъ устанавливается Познаніе—связь между Познающимъ и Познаваемымъ, и это поможетъ намъ понять яснѣе природу мысли.

Непрерывная цѣпь между Познающимъ, Познаваемымъ и Познаннымъ.

Вибрація—вотъ понятіе, которое дѣлается все болѣе и болѣе основной нотой всей западной науки, какъ она всегда была основной нотой науки Востока. Движеніе—корень всего. Жизнь есть движеніе; сознаніе есть движеніе. Движеніе, происходящее въ матеріи, называется вибраціей. Единаго, Всеобъемлющаго мы мыслимъ какъ Неизмѣнное или абсолютное движеніе, или отсутствіе движенія, потому что въ Единомъ относительнаго движенія быть не можетъ. Только тогда, когда существуетъ раздѣленіе, части, мы можемъ мыслить то, что мы называемъ движеніемъ, т. е. измѣненіе мѣста въ послѣдовательности времени. Когда Единый становится Множествомъ—является движеніе, т. е. здоровье, сознаніе, жизнь, если оно ритмическое и правильное, и болѣзнь, несознаніе, смерть если оно безъ ритма, неправильно, ибо жизнь и смерть суть сестры близнецы, одинаково рожденныя движеніемъ, которое есть проявленіе.

Движеніе непремѣнно должно появиться, когда Единый становится множествомъ, потому что когда вездѣсущій появляется какъ отдѣльныя частицы, безконечное движеніе должно представлять вездѣсущность, или, выражаясь иначе, должно быть ея отраженіемъ или изображеніемъ въ матеріи. Сущность матеріи есть обособленность, сущность духа—единство, и когда двойственность появляется въ Единомъ, подобно сливкамъ въ молокѣ, отраженіе вездѣсущности этого Единаго во множественности матеріи является постояннымъ и безконечнымъ движеніемъ. Абсолютное движеніе, т. е. присутствіе каждой двигающейся единицы

въ каждой точкѣ пространства въ каждое мгновеніе времени, тождественно покою, будучи неподвижностью, разсматриваемою лишь съ другой стороны, т. е. со стороны матеріи, а не духа. Съ точки зрѣнія духа существуетъ всегда Единый, съ точки зрѣнія матеріи существуетъ всегда множественность.

Это безконечное движеніе проявляется какъ ритмическія колебанія, вибрація, въ матеріи. Каждая Джива или отдѣльная единица сознанія обособляется матеріей отъ всѣхъ другихъ Джива*). Каждая Джива воплощается или облекается въ различные покровы матеріи. Когда эти послѣдніе вибрируютъ, они сообщаютъ свои вибраціи окружающей ихъ матеріи, и она становится посредникомъ, посредствомъ котораго вибраціи передаются внѣшнему міру; и этотъ посредникъ, въ свою очередь, сообщаетъ вибраціонное движеніе покровамъ, заключающимъ другую Дживу, заставляя такимъ образомъ вибрировать и эту Дживу подобно первой. Въ этомъ ряду вибрацій—начинающихся въ одной Дживѣ и происходящихъ въ окружающей ее матеріи, а затѣмъ переданныхъ окружающей ее средѣ и сообщенныхъ ею оболочкѣ другой Дживы—мы получаемъ непрерывную цѣпь вибрацій, посредствомъ которыхъ каждая Джива познаетъ другую—вторая познаетъ первую, потому что воспроизводитъ ее въ себѣ и такимъ образомъ испытываетъ то же самое, что и она. Но здѣсь есть нѣкоторая разница. Такъ какъ наша вторая Джива уже находилась въ вибраціонномъ состояніи и ея движеніе, сообщенное толчкомъ отъ первой, не есть простое повтореніе этого толчка, но соединеніе ея собственнаго движенія съ тѣмъ, которое она получила извнѣ, то это воспроизведеніе не является совершеннымъ. Достигается извѣстное сходство, все болѣе и болѣе совершенное, но полное тождество всегда будетъ ускользать отъ насъ, пока будутъ существовать покровы.

Эта послѣдовательность вибраціонныхъ дѣйствій часто замѣчается въ природѣ; такъ, пламя есть центръ вибраціонной дѣятельности въ эфирѣ, называемой нами теплотой; эти вибраціи или тепловыя волны вызываютъ въ окружающемъ эфирѣ подобныя себѣ волны, а эти волны вызываютъ однородныя волны въ кускѣ желѣза, находящемся поблизости, такъ что его частички начинаютъ вибрировать подъ ихъ вліяніемъ, желѣзо нагрѣвается

*) Нѣтъ подходящаго англійскаго слова для обозначенія „отдѣльной единицы сознанія“; „духъ“ и „душа“ означаютъ различныя особенности въ разнаго взгляда школахъ. Поэтому я предпочелъ слово Jîva, чѣмъ неудобный терминъ „отдѣльной единицы сознанія“.

и становится въ свою очередь источникомъ тепла. Подобнымъ образомъ рядъ вибрацій переходитъ отъ одной Дживы къ другой, и всѣ существа соединены этою сѣтью сознанія.

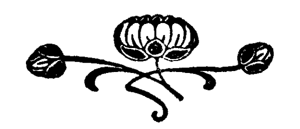
Въ физическомъ мірѣ мы обозначаемъ различнаго рода вибраціи различными именами, называя одинъ родъ свѣтомъ, другой теплотой, третій электричествомъ, четвертый звукомъ и такъ далѣе, однако, всѣ они тождественны по природѣ, всѣ суть лишь виды разнообразнаго движенія эфира, хотя и различаются по степенямъ скорости и по характеру волнъ. Мысли, Желанія и Дѣйствія—дѣятельныя проявленія въ матеріи Познанія Воли и Энергіи, всѣ они едины по своей природѣ, т. е. всѣ состоятъ изъ вибрацій, но ихъ проявленія различны по причинѣ различнаго характера ихъ вибрацій. Существуютъ ряды вибрацій въ особеннаго рода матеріи и особаго рода, который мы называемъ мыслями. Другіе ряды вибрацій извѣстны какъ желанія, третьи какъ дѣйствія.

Эти названія обозначаютъ опредѣленныя дѣйствія въ природѣ. Когда извѣстный родъ эфира вибрируетъ и его вибрація дѣйствуетъ на наши глаза, мы называемъ это свѣтомъ. Другой болѣе тонкій эфиръ вибрируетъ и воспринимается, т. е. вызываетъ соотвѣтственныя вибраціи въ мозгу, и мы называемъ это мыслью. Мы окружены матеріей различной плотности и обозначаемъ движенія въ ней согласно тому, какое впечатлѣніе они на насъ производятъ и посредствомъ какихъ органовъ нашихъ болѣе грубыхъ или болѣе тонкихъ тѣлъ мы на нихъ отзываемся. Мы называемъ „свѣтомъ" извѣстнаго рода движенія, дѣйствующія на глазъ; мы называемъ мыслью извѣстнаго рода движенія, дѣйствующія на другой органъ,—мозгъ. „Зрѣніе" происходитъ тогда, когда световой эфиръ образуетъ волны отъ какого-нибудь предмета къ нашему глазу; „мысль" рождается, когда въ мысленномъ эфирѣ волны пробѣгаютъ отъ предмета къ нашему мозгу. Первое явленіе таинственно не болѣе и не менѣе второго.

Что касается разума, мы увидимъ, что видоизмѣненія въ расположеніи его веществъ вызываются соприкосновеніемъ мыслительныхъ волнъ и что въ конкретномъ мышленіи мы какъ бы опять снова испытываемъ соприкосновенія съ внѣшнимъ міромъ. Познающій узнаетъ свою дѣятельность въ этихъ вибраціяхъ, и все, на что онѣ могутъ отвѣчать, т. е. все, что онѣ могутъ воспроизвести, и есть Познаніе. Мысль есть воспроизведеніе въ разумѣ Познающаго того, что—не-Познающій, „Не-Я"; это—картина, вызванная сочетаніемъ волнъ, образъ—выражаясь точнѣе. Часть

„Не-Я“ вибрируетъ, и такъ какъ Познающій вибрируетъ въ отвѣтъ, то эта часть дѣлается познаваемой. Матерія, волнующаяся между ними, дѣлаетъ возможнымъ познаніе, заставляя ихъ войти въ соприкосновеніе другъ съ другомъ. Такимъ образомъ устанавливается и поддерживается непрерывная цѣпь между Познающимъ, Познаваемымъ и Познаннымъ.

Перев. Н. Т.

Внимай правдѣ отъ каждаго.

Обѣщай мало, исполняй много.

Праведники обѣщаютъ мало, исполняютъ много; беззаконники много обѣщаютъ, а исполняютъ меньше, чѣмъ мало.

Праведники не нуждаются въ памятникахъ; ихъ дѣла составляютъ ихъ памятники.

Величіе праведника оцѣнивается лишь послѣ смерти.

Больше люби того, кто указываетъ тебѣ твои ошибки, чѣмъ того, кто только хвалитъ тебя,

Мѣрою, которою ты мѣряешь, будетъ отмѣрено и тебѣ.

Доброжелательство есть обязанность какъ относительно іудеевъ, такъ и относительно язычниковъ.

Кто сочувствуетъ горю ближнихъ, тотъ будетъ имѣть свою долю въ ихъ радостяхъ.

Обходись со всѣми ласково и благосклонно.

Любовь къ ближнему—первая добродѣтель. Лучшее богатство—доброе сердце.

Рабби Аккиба сказалъ: *люби своего ближняго какъ самого себя, это самая главная заповѣдь въ Библіи.*

(Изреченія изъ Талмуда, см. стр.3.)

Бэаизмъ.

(Сиднея Спрагъ).

I.

Наше время имѣетъ одно благодатное стремленіе: просвѣщенные люди не довольствуются своими узкими убѣжденіями и охотно заглядываютъ за предѣлы собственнаго кругозора, чтобы поискать у сосѣдей своихъ правды и свѣта.

Въ настоящей статьѣ я буду говорить о міровой религіи—бэаизмѣ (Béhaïsme).

Вѣроятно многіе изъ моихъ читателей слышали лишь очень мало или даже ничего еще не слышали объ этой новой религіи, и названіе ея „міровая религія" можетъ показаться имъ слишкомъ громкимъ. Но, тѣмъ не менѣе, за свое короткое, полувѣковое существованіе бэаизмъ уже успѣлъ занять важное мѣсто въ разныхъ частяхъ свѣта, а потому всякому, изучающему религіозныя идеи, пора о немъ услышать.

Эта религія достойна нашего вниманія по многимъ причинамъ, между прочимъ и потому, что она безусловно новая религія.

До сихъ поръ существовали только семь великихъ міровыхъ религій, которыя дошли до насъ отъ древности, тогда какъ безчисленное количество сектъ и обществъ постоянно умножается на нашихъ глазахъ.

Но всѣ эти секты живутъ первоначальною религіею, отъ которой онѣ произошли, и ихъ существованіе почти всегда обосновано на различномъ толкованіи пророчествъ или священной книги.

Бэаизмъ же, наоборотъ, является новымъ откровенiемъ божественной правды, принесеннымъ новымъ Проявленiемъ или Пророкомъ и имѣющимъ собственные священныя книги и законы.

Если на нашу долю выпало преимущество жить въ эпоху зарожденiя великой мiровой религiи, то, понятно, мы должны изучать и изслѣдовать ее.

Есть еще одинъ фактъ, вызывающiй наше уваженiе къ этой религiи, а именно: что бы мы ни думали объ ея требованiяхъ, нѣсколько тысячъ нашихъ братьевъ-людей пошли на страшнѣйшiя пытки и умерли за нее.

Это великое религiозное и соцiальное движенiе, извѣстное теперь подъ именемъ бэаизма, возникло въ Персiи въ серединѣ прошлаго столѣтiя и разрослось со скоростью еще небывалою въ исторiи.

Я не имѣю времени разбирать подробности метафизики, этики и теологiи новой религiи; я просто хочу описать исторiю ея движенiя, объяснить ея цѣли и идеалы и опредѣлить ея положенiе въ мiрѣ въ настоящее время.

Въ 1844 г. (1260 г. гиджры) въ Персiи, древней странѣ Зороастра, появился молодой человѣкъ, по имени Мирза-Али-Магометъ, и объявилъ, что онъ „Бабъ“ (что по-персидски значитъ Дверь), т. е. та Дверь, черезъ которую люди могутъ притти къ познанiю Бога, посредникъ между ними и высшимъ Существомъ, надѣленнымъ всѣми совершенствами и недоступнымъ нашему пониманiю.

Это было незадолго передъ тѣмъ, какъ Бабъ привлекъ къ себѣ изрядную толпу людей, полную усердiя и одушевленiя и готовую распространить по всей Персiи новыя ученiя о правосудiи и свободѣ.

Вспомнимъ, что Персiя—магометанская страна, и набожные магометане пребывали въ постоянномъ ожиданiи пришествiя Мади (Mâhdi), которымъ Бабъ себя и объявилъ, доказывая, что знаменiе и время его пришествiя были предсказаны въ Коранѣ и въ магометанскихъ преданiяхъ Гадисъ (Hâdis),

Изъ раннихъ учениковъ Баба я назову первою одну женщину, Курратулъ-Айнъ—занявшую мѣсто въ рядахъ величайшихъ героинь мiра.

Курратулъ-Айнъ—дочь одного изъ главныхъ вождей(Ullemas) Ислама имѣла исключительную благородную натуру и рѣдкiй умъ. Она пользовалась извѣстностью какъ поэтъ, философъ, лингвистъ и богословъ.

Можно себѣ представить, какое обаяніе имѣли новыя ученія Баба на такую развитую душу, тѣмъ болѣе что Бабъ проповѣдывалъ рядомъ съ другими реформами эмансипацію женщины противъ той страшной исключенности изъ общественной жизни, въ какой ихъ держали до него.

Курратулъ-Айнъ оставила богатство, домъ, семью—все, что свѣтъ особенно цѣнитъ, пошла скитаться съ мѣста на мѣсто, проповѣдуя съ увлеченіемъ и жаромъ ученіе Баба, и нашла мученическую кончину за вѣру.

Персидское правительство встревожилось быстрымъ распространеніемъ новой религіи, извѣстной тогда подъ именемъ бабизма, и, подстрекаемое муллами, попробовало пресѣчь его побѣдное теченіе гоненіемъ на бабитовъ. Премьеръ-министръ издавалъ приказы объ ихъ арестѣ и лишеніи имущества, и когда они отказывались отречься отъ своей вѣры, ихъ предавали смерти.

Тогда начался рядъ самыхъ ужасныхъ и самыхъ геройскихъ мученичествъ, такихъ, какихъ міръ, можетъ быть, никогда еще не видалъ. Много тысячъ людей съ радостью отдавали свою жизнь за идею; ни одинъ изъ нихъ не отказался отъ своихъ убѣжденій, но всѣ до конца благословляли своихъ гонителей. Когда мы читаемъ о славномъ самопожертвованіи и героизмѣ бабитовъ, въ нашъ вѣкъ, охарактеризованный какъ особенно эгоистичный и негероическій, наше сердце бьется сильнѣе и мысль наша поднимается до самыхъ отдаленныхъ высотъ, доступныхъ человѣческой природѣ.

Какъ великъ былъ духъ жертвующей собою любви и преданности, съ которыми бабиты встрѣчали смерть, доказываетъ примѣръ мученичества дервиша Мирзы-Курбана-Али, одного изъ самыхъ ученыхъ, уважаемыхъ и любимыхъ людей Персіи.

Когда ему предложили отречься отъ своей вѣры, онъ сказалъ: „Эта капля крови, эта бѣдная жизнь—ничто. Еслибъ мнѣ принадлежалъ весь міръ и еслибъ у меня было тысяча жизней, я бросилъ бы ихъ къ ногамъ Его друзей“.

Послѣ этого изданъ былъ приказъ казнить его. Первый ударъ палача только поранилъ шею старика и бросилъ на землю его тюрбанъ. Онъ поднялъ голову и воскликнулъ: „Блаженъ увлеченный поклонникъ, который не замѣчаетъ, бросаетъ-ли онъ къ ногамъ Друга свою голову или свой тюрбанъ“.

Другой случай былъ съ Хаджи-Муллой-Измаиломъ. Когда онъ шелъ на казнь по улицамъ Тегерана сквозь толпу, чернь ки-

дала въ него камнями, осыпала ругательствами и кричала: „Это бабиты и сумасшедшіе“!

Тогда Хаджи-Мулла-Измаилъ обратился къ нимъ и сказалъ:

„Мы бабиты—да, но сумасшедшіе—нѣтъ. О люди, передъ Богомъ, мы для вашего пробужденія и для вашего просвѣщенія оставили жизнь, богатство, женъ и дѣтей и отвернулись отъ міра. Мы это сдѣлали, чтобы предостеречь васъ и дать вамъ возможность избавиться отъ неизвѣстности и заблужденій и узнать Истину, которую подобаетъ вамъ знать и которая не должна быть скрыта отъ васъ дольше“.

Я приведу еще одинъ случай мученичества бабитовъ, происшедшій недавно въ Персіи, чтобы показать, что героизъ женщинъ, послѣдовательницъ Баба, не уступаетъ героизму мужчинъ.

Невѣжественные фанатики вырвали изъ рукъ женщины ея мужа и звѣрски изрубили его на куски. Я опишу это происшествіе въ стихахъ *).

Одна она стояла внутри дома; снаружи толпа, съ отвратительнымъ глумленіемъ, насмѣшками и криками, превращала смерть въ мрачный пиръ, гдѣ звѣри лакомились человѣческимъ мясомъ. Увы, она слишкомъ хорошо знала, кто былъ ихъ добычею. Изъ ея объятій толпа вырвала ея возлюбленнаго, ей одной принадлежащаго. О, неужели само небо не содрогнулось отъ этого преступленія? Зачѣмъ ея возлюбленный, во всей красѣ своей юности, долженъ погибнуть, какъ дерево, которое срубаютъ полнымъ силы и жизни? Зачѣмъ зло торжествуетъ надъ добромъ и ягненокъ отданъ въ пищу волкамъ? Однако, онъ часто ее предупреждалъ: „Знай, человѣкъ не можетъ спасти заразъ и тѣло и душу. Я отдаю мою душу Богу. Если другіе будутъ алкать крови учениковъ Баба, я храбро умру“. Жена вспомнила эти слова, и они придали ей силу. Она стала молиться: „О Боже, возложи на меня часть этой жертвы Тебѣ! Я знаю, что я слаба и мало могу сдѣлать, чтобы доказать мою любовь къ Тебѣ, но охотно я отдаю все, что имѣю, только Ты дай мнѣ силы жить“! Такъ съ алтаря любви этой женщины душа мученика поднялась подобно ѳиміаму. Въ это мгновеніе толпа со страшнымъ воемъ обступила домъ и бросила что-то въ окно. Этотъ предметъ упалъ къ ея ногамъ. Въ ужасѣ, взглянувъ на него, она узнала изуродованную голову своего возлюбленнаго. Тогда, съ помощью Бога, она подняла эту дорогую голову, помолилась надъ нею, со слезами поцѣловала ее,

* Въ оригиналѣ слѣдующій отрывокъ написанъ въ стихотворной формѣ.

и мощнымъ движеніемъ бросила ее обратно кровожаднымъ звѣрямъ—даже ихъ низкія души смутились при этомъ зрѣлищѣ. И, несмотря на муку, побѣдоносно прозвучалъ ея голосъ: „То, что мы отдаемъ Богу, мы не беремъ обратно“!

Мученичества бэаизма особенно отличаются слѣдующимъ фактомъ: въ другихъ религіяхъ люди часто отдавали жизнь за идею въ надеждѣ попасть въ рай или избѣгнуть ада, но бабиты отдавали жизнь изъ любви къ своимъ друзьямъ, къ людямъ-братьямъ, къ человѣчеству, чтобы создать на самой землѣ Небо или Рай.

Къ сожалѣнію, приходится сказать, что преслѣдованія бабитовъ въ Персіи хотя и очень уменьшились, но не прекратились еще; не дальше какъ два года тому назадъ около 300 людей были убиты въ Іездѣ.

Чувствуя себя не въ силахъ уничтожить движеніе бабизма, персидское правительство рѣшило наконецъ казнить самого Баба. Его схватили, заключили въ темницу и приговорили къ разстрѣлянію на одной изъ площадей Тавриза.

Онъ умеръ слѣдующимъ образомъ: Бабъ и одинъ изъ его учениковъ были подвѣшены при помощи веревокъ на стѣну, и полкъ армянскихъ солдатъ получилъ приказъ стрѣлять. Три залпа были даны, но когда дымъ разсѣялся, Бабъ оказался невредимымъ и только веревки, связывавшія его, были перебиты пулями. Онъ сказалъ толпѣ нѣсколько словъ, никѣмъ неразслышанныхъ изъ-за сильнаго гула. Опять его подвѣсили, но на этотъ разъ армянскіе солдаты отказались стрѣлять; тогда позвали полкъ магометанъ. Послѣдніе дали залпъ, и тѣло Баба упало, пронизанное пулями.

Такъ окончилась его короткая миссія.

Однако, предчувствія правительства вовсе не сбылись послѣ этого мученичества, такъ какъ, несмотря на то, что преслѣдованія увеличивались съ каждымъ днемъ, увеличивались и число и сила бабитовъ.

Для уясненія послѣдующихъ фактовъ необходимо понять, въ чемъ заключалось главное ученіе Баба. Онъ говорилъ, что онъ только предвозвѣстникъ, предтеча слѣдующаго за нимъ великаго Проявленія Бога; что вся его дѣятельность и ученіе должны были только объявить міру радостную вѣсть и приготовить людей къ принятію „того, въ комъ Богъ проявится“ и который будетъ настолько больше его самого, насколько Солнце ярче зари.

Одинъ англійскій журналъ замѣтилъ, что, можетъ быть, самое замѣчательное въ религіи бэаизма именно тотъ фактъ, что послѣ Баба, согласно его, предсказанію, дѣйствительно явился нѣкто, кто превзошелъ его; а именно въ 1852 году, какъ разъ во время, назначенное пророчествомъ Баба, взошелъ другой великій Свѣтъ, извѣстный теперь подъ именемъ Бэа-Уллы, т. е. Божьей Славы.

Кто былъ Бэа-Улла? Онъ былъ сыномъ очень богатой и благородной персидской семьи, чистѣйшей аріанской крови, семьи, которая могла прослѣдить свою линію до первыхъ дней Персіи, еще до магометанскаго завоеванія.

Несмотря на свое происхожденіе изъ интеллигентной семьи, многіе члены которой достигали высшихъ государственныхъ должностей, самъ Бэа-Улла былъ мало образованъ, такъ какъ съ раннихъ лѣтъ онъ сдѣлался послѣдователемъ Баба и ушелъ изъ дома, чтобы проповѣдывать его ученіе. Мы читаемъ сообщеніе объ удивительной силѣ его рѣчи и объ его сверхчеловѣческой мудрости, которая, исходя изъ устъ такого молодого человѣка, поражала величайшихъ ученыхъ ислама и заставляла многихъ все оставить и слѣдовать за нимъ.

Вскорѣ послѣ мученичества Баба персидское правительство велѣло схватить Бэа-Уллу и предать его смертной казни. Онъ былъ заключенъ въ темницу съ нѣсколькими учениками. Всѣ они были прикованы другъ къ другу, такъ что ни одинъ изъ нихъ не могъ сдѣлать движенія, не причиняя боли другому. Каждый день одного изъ нихъ уводили на казнь, пока наконецъ Бэа-Улла остался послѣднимъ. Разсказываютъ, будто тюремщикъ вошелъ къ нему и сказалъ: „Завтра твоя очередь умереть". На это Бэа-Улла отвѣтилъ: „Ты этого не знаешь. Знаетъ одинъ Богъ".

Въ этотъ же день представители англійскаго и русскаго правительствъ въ Тегеранѣ имѣли аудіенцію у Шаха. Они объявили ему, что ужасное кровопролитіе въ его странѣ утомило ихъ и что если оно не прекратится, то ихъ правительства сочтутъ своимъ долгомъ вмѣшаться. Шахъ съ поспѣшностью обѣщалъ немедленно прекратить всѣ ужасы и издалъ приказъ объ освобожденіи заключенныхъ. Такимъ образомъ Бэа-Улла былъ спасенъ отъ смерти и изгнанъ со своей семьей и нѣсколькими учениками въ турецкія владѣнія. Тамъ, въ Багдадѣ, онъ объявилъ своимъ послѣдователямъ то, что они уже подозрѣвали, а именно что онъ тотъ Обѣтованный, предсказанный Бабомъ, великое Проявленіе Бога, пришедшій для всѣхъ религій міра.

Въ продолженіе 12 лѣтъ Бэа-Улла училъ въ Багдадѣ. Такъ какъ этотъ городъ находится на пути къ святынямъ Кербелы и Мекки, многіе паломники, слыша о великой мудрости и святости учителя, приходили къ нему и становились его ревностными учениками. Этимъ путемъ новая религія, извѣстная теперь подъ именемъ бэаизма, быстро распространилась по сосѣднимъ странамъ.

Замѣтивъ это, турецкое правительство рѣшило выслать Бэа-Уллу въ Константинополь, а оттуда въ Адріанополь.

Во время своего пребыванія въ этомъ городѣ Бэа-Улла написалъ европейскимъ монархамъ и римскому папѣ свои извѣстныя письма, въ которыхъ онъ объявлялъ себя великимъ Проявленіемъ Бога, ожидаемымъ какъ христіанскою, такъ и другими религіями, убѣждалъ прекратить несправедливости и войны и призывалъ ихъ помочь ему установить на землѣ Единеніе и Братство. Эти письма заключали въ себѣ также и нѣкоторыя пророчества, которыя вскорѣ затѣмъ сбылись.

Говорятъ, что покойная королева Англіи отвѣтила мудрыми словами: „Если это отъ Бога, оно устоитъ; если же не отъ Бога, то скоро пройдетъ". Наполеонъ III, еще бывшій въ то время императоромъ Франціи, отвѣтилъ насмѣшками. Бэа-Улла предостерегъ его, что если онъ не перемѣнитъ своихъ взглядовъ и не будетъ держаться за брошенную ему „крѣпкую веревку", онъ будетъ униженъ и потеряетъ свое царство.

Черезъ два года возникла франко-прусская война; Наполеонъ лишился трона и умеръ въ изгнаніи.

Желая совершенно уничтожить вліяніе Бэа-Уллы, турецкое правительство сослало его въ Акку или Акру, одну изъ Сирійскихъ крѣпостей у подножія горы Кармела. Акра считается однимъ изъ наименѣе здоровыхъ мѣстъ на землѣ. Существуетъ преданіе, будто даже птица, только пролетѣвшая надъ Акрой, должна умереть. Равнина вокругъ Акры слыветъ одной изъ самыхъ печальныхъ странъ міра. Очевидно, турецкое правительство разсчитывало, что послѣ долгаго заключенія и многихъ притѣсненій Бэа Улла не перенесетъ суровости климата. Но случилось иначе.

Ученики Бэа-Уллы, послѣдовавшіе за нимъ, нашли въ дикой Акрской пустынѣ нѣсколько источниковъ. Они оросили почву и насадили апельсинныя рощицы и цвѣтники; пустыня зацвѣла и антисанитарныя условія города стали измѣняться къ лучшему.

Тайныя письма изъ Акры извѣстили бэаистовъ всѣхъ частей свѣта о мѣстопребываніи ихъ вождя, и многіе приходили туда, чтобы сквозь окно тюрьмы взглянуть на Возлюбленнаго.

Здѣсь, въ Акрѣ, Бэа-Улла закрѣпилъ основаніе своей религіи, изложивъ ея законы и ученіе въ нѣсколькихъ книгахъ и въ многочисленныхъ письмахъ къ вѣрующимъ въ разныхъ странахъ.

Онъ предписалъ своимъ послѣдователямъ распространять знаніе и образованіе среди мужчинъ и женщинъ, такъ какъ пока не искоренена невѣжественность, не можетъ быть настоящаго прогресса. Я не имѣю возможности изложить подробности законовъ и постановленій Бэа-Уллы; достаточно сказать, что они очень широки, великодушны и вполнѣ соотвѣтствуютъ духу времени. Всѣ вопросы и задачи, волнующіе мысли современныхъ людей, предусмотрѣны Бэа-Уллой.

Одинъ извѣстный Нью-Іоркскій адвокатъ написалъ: „Соціальный порядокъ бэаизма заключаетъ въ себѣ, конечно, больше просвѣщенности, чѣмъ тотъ порядокъ, который обыкновенно бывалъ установленъ во имя религій".

Передъ тѣмъ какъ покинуть нашъ міръ, въ 1892 году, Беа-Улла предсказалъ это событіе въ особой книгѣ, „Книгѣ Завѣта", въ которой онъ завѣщаетъ своимъ послѣдователямъ, послѣ его смерти, обратиться къ его старшему сыну, Аббасъ-Ефенди, какъ къ духовному вождю и учителю, могущему объяснять ученіе бэаизма и продолжать великое дѣло, начатое его отцомъ.

Аббасъ-Ефенди называетъ себя Абдулъ-Бэа, т. е. Служитель Бэа, и до сихъ поръ живетъ въ крѣпости Акрѣ. Бэаисты относятся къ нему съ такою же любовью и преданностью, съ какою относились къ Бэа-Уллѣ, и тѣ же сила, красота жизни и мудрость, которыя исходили отъ отца, исходятъ и отъ сына.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ я имѣлъ счастье посѣтить въ Акрѣ Аббасъ-Ефенди.

Я былъ тамъ однимъ изъ многочисленныхъ пилигримовъ, прибывшихъ изъ Америки, Англіи, Франціи, Россіи, Египта, Турціи, Персіи и Индіи. Эти люди были прежде магометанами, евреями, христіанами, буддистами, зороастріанами и пришли со всѣхъ концовъ міра, чтобы посидѣть у ногъ Учителя, какъ они его называютъ, и послушать его мудрыхъ и святыхъ словъ. Преграды предразсудковъ и недоразумѣній, которыя всегда раздѣляли этихъ различныхъ людей, были уничтожены. Въ этомъ городѣ всѣ встрѣчались какъ братья, связанные узами любви и единенія. О моихъ собственныхъ впечатлѣніяхъ, касающихся удивительной личности Аббасъ-Ефенди, Учителя, я отчаяваюсь дать подходящее описаніе.

Я увидѣлъ въ немъ типъ идеальнаго человѣка; казалось, любовь и доброта исходили отъ него лучами. Его каждодневная

жизнь есть выраженное понятіе служенія людямъ. Увидя такого человѣка, никто не можетъ усомниться въ его величіи.

II.

Въ чемъ же заключаются ученія бэаизма? Мы лучше всего это поймемъ со словъ самого Бэа-Уллы.

„Богъ (велико Его царство, и мудрость, и имя) Истинный (слава Его славѣ), чтобы выдвинуть изъ рудника людей драгоцѣнные камни идеала, во всѣ времена посылалъ на землю довѣреннаго. Главное основаніе вѣры въ Бога и религіи Бога слѣдующее: люди не должны пользоваться различными сектами и несходными путями, какъ причиной и поводомъ къ ненависти.

„Эти принципы, и законы, и твердые, вѣрные пути исходятъ отъ одного начала и свѣтятъ отъ одного разсвѣта; ихъ различія создались изъ уваженія къ требованіямъ времени, вѣковъ и эпохъ. О люди Единства, спѣшите подпоясаться поясомъ усилія, тогда, можетъ быть, религіозные распри и конфликты будутъ удалены отъ людей міра и будутъ уничтожены.

„Изъ любви къ Богу и къ Его слугамъ отдайтесь этому великому и могучему дѣлу. Религіозная ненависть и злоба есть огонь, пожирающій весь міръ, и тушить его очень трудно, если Рука Божья не освободитъ людей отъ этого безплоднаго бѣдствія.

„Эта заповѣдь есть Свѣтъ въ свѣтильникѣ слова.

„О люди міра, вы всѣ плоды одного дерева и листья одной вѣтки.

„Совершайте путь съ совершеннымъ милосердіемъ, согласіемъ, любовью и радостью. Клянусь Солнцемъ Правды, свѣтъ радости озаритъ и освѣтитъ горизонты. Всезнающая Правда была и есть свидѣтельница этихъ словъ.

„Старайтесь достичь того высшаго состоянія, которое заботится о защитѣ и охранѣ людей. Это цѣль Царя цѣлей и надежда Господа надеждъ.

„Мы вѣримъ, что Богъ поможетъ земнымъ царямъ освѣтить и украсить землю лучезарнымъ свѣтомъ Солнца Правосудія. Одинъ разъ мы говорили языкомъ Закона, другой разъ языкомъ Правды и Пути; наша главная конечная цѣль заключалась въ томъ, чтобы показать это высшее состояніе, и мы довольствовались свидѣтельствомъ Бога.

„О друзья, соединитесь радостно со всѣми людьми міра. Если вы обладаете словомъ или сущностью, которыхъ лишены

иные, чѣмъ вы, сообщайте ихъ и объясняйте языкомъ расположенія и доброты. И изъ уваженія къ людямъ, дѣлясь съ ними, не будьте рѣзки, но просите.

„Языкъ доброты есть магнитъ для сердца и пища для души; онъ подобенъ горизонту для свѣтящаго Солнца Мудрости и знанія.

„Съ полнымъ состраданіемъ и милосердіемъ направили мы людей міра къ тому, что можетъ усовершенствовать ихъ души. Клянусь Солнцемъ Правды, которое свѣтитъ съ самыхъ высшихъ горизонтовъ міра, что у людей Бога не было и нѣтъ никакой иной цѣли, кромѣ счастья и обновленія міра и очищенія народовъ...

„О друзья, помогайте притѣсненному красивыми добродѣтелями и добрыми дѣлами! Пусть сегодня каждая душа стремится достичь высшаго состоянія. Онъ не долженъ заботиться о томъ, что въ немъ, но о томъ, что въ Богѣ. Онъ не долженъ искать того, что послужитъ ему въ пользу, но того, что возвыситъ Слово Божіе, которое требуетъ послушанія.

„ Сердце должно быть очищено отъ всякаго вида себялюбія и алчности, потому что оружіе Людей Единства и Святыхъ было и есть почитаніе Бога. Это щитъ, охраняющій людей отъ стрѣлъ ненависти и зла. Знамя благочестія всегда бывало побѣдителемъ и почиталось въ числѣ самыхъ могущественныхъ ратей міра. При помощи его Святые покоряли крѣпости людскихъ сердецъ, съ позволенія Бога, Господина всѣхъ Ратей.

„Мракъ окружаетъ землю. Свѣтильникомъ, дающимъ свѣтъ, была и есть Мудрость. Его совѣтамъ нужно слѣдовать во всѣхъ обстоятельствахъ. Отъ Мудрости—правильное отношеніе къ своему положенію и выраженіе рѣчи и отъ Мудрости—умѣнье различать, такъ какъ человѣкъ не долженъ принимать все, что бы ему ни говорили...

„О друзья Бога, Перо искренности повелѣваетъ вамъ наибольшую вѣрность. Клянусь Жизнью Бога, ея свѣтъ очевиднѣе, чѣмъ свѣтъ солнца! Въ ея свѣтѣ, въ ея яркости и въ ея блескѣ меркнетъ всякій свѣтъ. Мы желаемъ, чтобы Богъ не отнялъ отъ своихъ городовъ и странъ яркое сіяніе Солнца Вѣрности. Денно и нощно мы направляли всѣхъ къ вѣрности, къ цѣломудрію, къ чистотѣ и къ постоянству, и мы предписывали добрыя дѣла и хорошія качества.

„Денно и нощно поднимается крикъ Пера и языкъ говоритъ, что противъ меча должно возстать слово, противъ жестокости—

терпѣніе, на мѣстѣ притѣсненія—покорность и во время мученичества—смиреніе...

„Распри и борьба отличали и отличаютъ хищныхъ звѣрей на землѣ, а людямъ приличны похвальныя дѣйствія".

Изъ всего этого видно, что миссія Бэаизма есть миссія мира для вселенной и доброй воли для людей, и что бэаиты считаютъ это проявленіе за новое изліяніе Божественной Правды на землю; что они поклонники Свѣта, съ какого бы горизонта онъ ни появился, признавая различныхъ пророковъ и божественныхъ учителей прошлаго свѣтильниками, поддерживавшими Свѣтъ и освѣщавшими міръ.

Отъ человѣка низкаго духовнаго уровня часто Свѣтъ скрытъ и его зрѣнію доступенъ только свѣтильникъ. Какъ говоритъ Кришна въ Бхагаватъ Гитѣ: „Глупцы презираютъ меня, облеченнаго въ человѣческій обликъ, не зная моего высшаго начала, какъ Царя всѣхъ существъ".

Кришну, Будду, Зороастра, Моисея, Христа и Магомета—Бэаизмъ разсматриваетъ какъ исшедшихъ отъ одного источника Свѣта, чтобы быть Проявленіями Одного Бога; поэтому онъ признаетъ всѣ религіи божественными, обладающими сущностью Правды, которая со времени ихъ основателей затмилась суевѣріями и разными обрядами, введенными людьми.

Разсмотримъ теперь, въ чемъ заключаются доказательства божественнаго Проявленія или Пророка; если намъ удастся ихъ найти, мы сможемъ судить, правы ли бэаиты, называя своего вождя такимъ Проявленіемъ.

Мнѣ кажется, что логически нельзя принять одно Проявленіе или одного Пророка и отрицать всѣхъ остальныхъ. Аргументы и доказательства, которые христіанинъ примѣнитъ къ Христу, будутъ въ главныхъ чертахъ сходиться съ тѣми, которые магометанинъ или буддистъ примѣняетъ къ Магомету или къ Готамѣ.

Они будутъ говорить о своемъ Пророкѣ какъ о спасителѣ или какъ о человѣкѣ, указавшемъ путь для достиженія спасенія. Они укажутъ на мудрость своихъ священныхъ писаній, на мудрыя изреченія и ученія ихъ Творцовъ и на сильное вліяніе, которое эти послѣдніе имѣли на сердца и жизни людей. Они даже остановятся на чудесахъ, приписанныхъ ихъ Пророкамъ.

Какъ мало замѣчаютъ эти ревностные приверженцы свою непослѣдовательность! Что служитъ доказательствомъ одному, то служитъ доказательствомъ и другому, и аргументъ, что въ моей

священной книгѣ правда, а не въ вашей, не можетъ убѣдить непредубѣжденное сознаніе.

А истина въ томъ, что каждый изъ нихъ правъ. Признаніе этой великой истины есть одно изъ средствъ, при помощи которыхъ Бэаизмъ надѣется установить міровую религію.

Слова „все отъ Бога" заключаютъ въ себѣ цѣлебное лѣкарство; не противоборствовать ни одной религіи и ни одной изъ нихъ не обвинять есть одна изъ первыхъ заповѣдей Бэа-Уллы.

Сила и высшее знаніе, которыя, какъ мы читаемъ, были проявлены въ прежнихъ пророкахъ, величіе ихъ жизни и личности, умѣнье привлекать людскія сердца и заставлять ихъ измѣнить жизнь къ лучшему, все это мы находимъ проявленнымъ и въ Бэа-Уллѣ. Такъ не правы ли мы, говоря, что онъ новое Проявленіе?

Бэаиты сравниваютъ Бога съ солнцемъ, а Его пророковъ или проявленія съ зеркалами, отражающими Его лучи, т. е. Его свойства.

Чѣмъ лучше зеркало отполировано, чѣмъ оно яснѣе, тѣмъ больше оно отразитъ свѣта и тепла; слѣдовательно, когда зеркало совершенно, въ немъ не видно ничего иного, кромѣ отраженія всей славы солнца, и это отраженіе можно считать тождественнымъ съ источникомъ его свѣта. Въ этомъ смыслѣ бэаиты признаютъ божественность пророковъ.

Въ этомъ же смыслѣ Бэа-Улла сказалъ про себя въ одной изъ своихъ книгъ, что онъ—Богъ. Но Бэаизмъ отнюдь не учитъ антропоморфической Концепціи Бога; нѣтъ, Богъ есть Сущность, Безконечный Духъ, вѣчный, неопредѣлимый, который мы можемъ познать только по свойствамъ Его, подобно тому, какъ мы познаемъ предметы по ихъ свойствамъ, тогда какъ ихъ сущность остается скрытой отъ насъ.

Все на нашей землѣ въ большей или меньшей степени отражаетъ свойства Бога, но пророки, какъ самые совершенные изъ всѣхъ созданій, отражаютъ ихъ въ наивысшей степени. Для людей важнѣе всего притти къ познанію Бога и любить Его; это возможно только при условіи Его Проявленія.

Ученія пророковъ помогаютъ намъ уйти отъ темныхъ условій и подойти къ Божественному. Они подобны путеводителямъ, показывающимъ намъ дорогу, ведущую къ любви, къ правдѣ и къ жизни.

Многіе люди, называющіе себя агностиками, возражаютъ какія существенныя доказательства имѣемъ мы тому, что дѣй-

ствительно были такія Проявленія Силы Божіей, о которыхъ разсказывается въ жизни Христа, Будды и другихъ? Они такъ окружены преданіями и легендами, что мы не знаемъ, гдѣ правда и гдѣ выдумка.

Для такихъ людей Проявленіе Бэа-Уллы служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ, потому что они видятъ въ его жизни, въ его книгахъ и въ его способности основать такую великую религію, наперекоръ всѣмъ препятствіямъ, силу выше человѣческой, и самъ Бэа-Улла есть свидѣтельство истинности пророковъ, бывшихъ до него.

Теперь перейдемъ къ тому положенію Бэаизма, которому спеціально посвящена эта статья, а именно къ его притязанію быть міровой религіей. Притязаніе—одно, а дѣйствительность—другое.

Сперва спросимъ, стоитъ ли міръ теперь ближе къ единству мысли и религіи, чѣмъ нѣсколько столѣтій назадъ? Правда, за послѣдніе шестьдесятъ лѣтъ распространился чудный обмѣнъ мыслей, ревностное исканіе во всѣхъ направленіяхъ свѣта и истины; приверженцы разныхъ религій начали выходить изъ свой изолированности и принялись изучать книги и ученія другихъ религій.

Высшая критика Библіи въ христіанской церкви много сдѣлала для расширенія прежнихъ узкихъ взглядовъ, такъ что теперь образованные христіане Европы и Америки свободно толкуютъ нѣкоторые догматы, отрицаніе которыхъ еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ вызвало бы всеобщее осужденіе. Также за послѣдніе года изученіе божественныхъ, великолѣпныхъ книгъ Упанишадъ открыло западному міру тождественность сущности религій; чистыя, возвышенныя ученія Будды также были изучены и оцѣнены.

Затѣмъ, среди индуистовъ, буддистовъ, христіанъ и магометанъ мы замѣчаемъ стремленіе къ реформѣ, и многіе начинаютъ говорить о возможномъ сліяніи религій. Объ Единствѣ говорятъ много и уже создались нѣсколько обществъ.

Но вотъ вопросъ: которая изъ религій будетъ главной? Каждый изъ послѣдователей назоветъ свою религію. Но возможно ли, чтобы одна изъ нихъ была главной? Исторія даетъ опроверженіе. Возьмемъ, напримѣръ, двѣ великія религіи—христіанство и магометанство; можемъ ли мы сказать, что послѣ всего усердія, всей настойчивости, всѣхъ усилій, съ которыми послѣдователи этихъ религій старались обращать другъ друга въ свою вѣру, единеніе ихъ больше, чѣмъ было тринадцать вѣковъ тому назадъ? А замѣтно ли измѣненіе въ численности милліоновъ буд-

дистовъ въ мірѣ отъ перехода ихъ въ другія религіи? Если число ихъ и уменьшилось отъ обращенія въ другія вѣры, то оно снова пополняется обращеніемъ иновѣрцевъ въ буддизмъ.

Итакъ, мы видимъ лишь постоянный обмѣнъ, нисколько не приближающій къ единству.

Для того, чтобы міровая религія была дѣйствительно міровой, она должна дѣйствовать какъ на скромные и мало образованные умы, такъ и на ученыхъ и философовъ. Она должна быть религіозна, но не догматична; поэтому общество, основанное на болѣе или менѣе сокровенныхъ догматахъ и этикѣ, не можетъ разсчитывать соединить болѣе, чѣмъ группу утонченныхъ умовъ, заинтересованныхъ въ изученіи міровыхъ задачъ. Могутъ ли общества надѣяться принести то, чего не могли выполнить религіи?

Но есть одна мысль, одна мечта, живущая въ самыхъ скромныхъ умахъ послѣдователей каждой религіи, а именно что настанетъ время, когда ихъ Пророкъ вернется на землю и наступитъ для людей эра мира и счастья. Объ этомъ сказано во всѣхъ священныхъ книгахъ.

Такъ въ Бхагаватъ Гитѣ Кришна говоритъ: „Когда будетъ упадокъ вѣры, о Барата, и начнетъ расти безвѣріе, тогда я проявлю себя". Въ Евангеліи Іисусъ Христосъ обѣщаетъ вернуться снова, когда вѣра охладится на землѣ.

Готама говоритъ объ упадкѣ своей религіи и о пришествіи пятаго Будды; въ Зендъ Авеста предсказано пришествіе Саошіанта изъ страны зари; въ Коранѣ Магометъ говоритъ о днѣ Бога и объ Его проявленіи.

Пророки еврейскаго Ветхаго Завѣта постоянно предвозвѣщали день, когда установится всеобщій миръ и Богъ будетъ царствовать въ Сіонѣ. Среди древнихъ философовъ мы находимъ многихъ, указывающихъ на время, когда земля будетъ обновлена и появится возвышенная личность, которая соединитъ все человѣчество въ одно общее государство.

Даже у сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ есть преданіе о Спасителѣ, который долженъ притти и освободить ихъ.

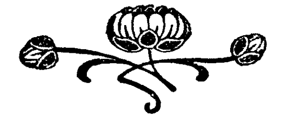
Эта мечта принадлежитъ всему міру; неужели эта мысль существуетъ напрасно? Неужели человѣчество должно разочароваться? Бэаиты утверждаютъ, что нѣтъ, потому что они видятъ въ Бэа-Уллѣ исполненіе пророчествъ всѣхъ Священныхъ Книгъ, осуществленіе мечты рода человѣческаго.

Они убѣждены, что Единство и Братство не могутъ быть принесены въ міръ обществами или одною людскою силою, а только тою Міровою Силою, которой все доступно. Эту Силу они видятъ проявленной въ Бэа-Уллѣ.

Обратимся къ статистикѣ. Исторія Бэаизма обнимаетъ лишь шестидесятилѣтній періодъ. За это короткое время Бэаизмъ привлекъ къ себѣ не только сотни тысячъ магометанъ въ Персіи (странѣ его зарожденія) и въ окружающихъ государствахъ, но пустилъ корни и въ христіанство Европы и Америки, среди котораго онъ считаетъ своихъ послѣдователей тысячами; большое количество евреевъ, какъ восточныхъ, такъ и западныхъ, приняли Бэаизмъ и большинство зороастріанцевъ, еще имѣющихся въ Персіи, поклонились ему. Буддисты и индуисты узнали о немъ лишь очень недавно. Общее число бэаистовъ въ мірѣ приводится различно разными статистами—отъ одного до семи милліоновъ.

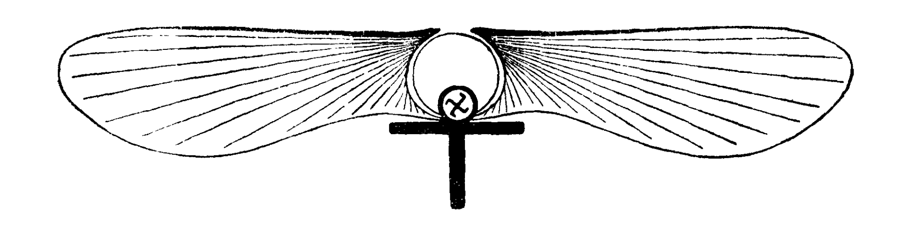
Принимая во вниманіе силу объединенія, которую Бэаизмъ выказалъ, его быстрое распространеніе среди такого большого количества различныхъ расъ и религій и тотъ союзъ настоящей симпатіи, любви и пониманія, которымъ онъ соединилъ Востокъ съ Западомъ, мы имѣемъ право сказать, что это интересное ученіе носитъ на себѣ печать глубокой духовности и имѣетъ великое будущее *).

Пер. Л. **Гернетъ.**

*) Печатая эту статью о Беаизмѣ, вылившуюся изъ подъ пера пламеннаго послѣдователя Бэа-Уллы, мы считаемъ необходимымъ оговориться, что въ свѣтѣ Теософіи вселенскою религіею не будетъ та или иная древняя или новая религіозная система, а объединяющее ихъ всѣ сокровенное ученіе, раскрывающееся въ словахъ Учителя: „Я есмь Путь, Истина и Жизнь".

Прим. ред.

Іога-Сутра.

Патанджали.

(Переводъ Двиведи--съ санскритскаго, переводъ съ англійскаго С. Татариновой).

ВВЕДЕНІЕ.

Всякая система этики, не основанная на разумномъ доказательствѣ міра, лишена всякаго практическаго значенія. Это будетъ только этическая система личныхъ мнѣній и личной выгоды. Она будетъ лишена твердаго основанія, а по тому самому и всякой силы.

Цѣль человѣческаго существованія заключается въ счастіи и прогрессѣ, и всякая система этики научаетъ людей, какъ достичь перваго и осуществить второе. Все же остается вопросъ: въ чемъ заключается счастіе и что такое прогрессъ? Ни одна изъ извѣстныхъ системъ этики не дала еще на нихъ удовлетворительнаго отвѣта. Причину этого отыскать не трудно.

Современная тенденція заключается въ раздѣленіи этики отъ физики, или разумнаго доказательства законовъ мірозданія, и этимъ превращаютъ ее въ науку, опирающуюся лишь на выдумкѣ и причудѣ отдѣльныхъ лицъ и націй.

Въ Индіи этика никогда не отдѣлялась отъ религіи. Религія всегда была попыткой разрѣшить тайну природы, понять ея явленія и отвести человѣку его истинное мѣсто въ мірозданіи. Всякая религія имѣетъ какъ свою философскую, такъ и этическую сторону, и послѣдняя безъ первой не имѣетъ значенія.

Въ такой же мѣрѣ всякая религія обладаетъ и психологической стороной. Только съ помощью психологіи можно установить отношеніе между областью физическихъ и нравственныхъ явленій. Психологія расширяетъ выводы физики и подтверждаетъ нравственные идеалы. Если человѣкъ желаетъ понять свое мѣсто въ

природѣ, жить счастливо и итти по пути прогресса, онъ долженъ стремиться къ тому физическому, душевному и нравственному развитію, которое даетъ ему возможность проникнуть въ тайны мірозданія. Онъ долженъ наблюдать, мыслить и дѣйствовать; онъ долженъ жить, любить и совершенствоваться. Его развитіе должно происходить въ этихъ трехъ направленіяхъ одновременно. Законъ соотвѣтствій—высшій законъ природы; физическая область настолько же соотвѣтствуетъ умственной, насколько онѣ въ свою очередь находятся въ соотвѣтствіи съ областью духовной. И пока человѣкъ не достигнетъ этого соотвѣтствующаго и одновременнаго развитія во всѣхъ этихъ трехъ направленіяхъ, онъ не способенъ постигнуть значенія и важности своего существованія или вообще всякаго существованія; онъ не можетъ даже уловить идеи счастія или прогресса. Человѣку же, задавшемуся высшими цѣлями, у котораго тѣло, умъ и душа будутъ дѣйствовать въ полномъ соотвѣтствіи, открываются высшія тайны природы, даже всѣ ея тайны. Онъ будетъ ощущать въ себѣ и повсюду ту всемірную Жизнь, гдѣ нѣтъ различія, нѣтъ чувства раздѣльности, гдѣ поэтому все—блаженство, единство и покой.

Этотъ покой и есть покой духовнаго блаженства (Moksha).

Теченіе міра никогда не прекращается; дѣйствіе всегда заставляетъ даже пребывающаго въ покоѣ дѣйствовать; но разъ личность будетъ поглощена Единымъ, Всѣмъ, въ ней не можетъ пробудиться ничего непріятнаго. Духовное развитіе даетъ неописуемый покой, и силы его неисчислимы.

Когда вы постепенно забываете себя, то соотвѣтственно этому вливается въ васъ потокъ духовнаго спокойствія и силы. Возьмемъ для примѣра явленія сна, гипнотизма или месмеризма. Сны, часто правдивыя сновидѣнія, ясновидѣніе и цѣлый рядъ подобныхъ явленій возможны только потому, что организмъ освобождается отъ своей индивидуальности и на время подчиняется приказаніямъ другого индивидуума. Но эти состоянія, вслѣдствіе отсутствія въ нихъ положительной духовности, приводятъ къ дурнымъ послѣдствіямъ медіумизма. Тѣмъ не менѣе остается яснымъ то, что подавленіе своей личности есть единственный путь къ истинному прогрессу и миру. Кто сознательно подавляетъ свою личность *) соотвѣтствующимъ физическимъ, умственнымъ, нравственнымъ и духовнымъ развитіемъ, тотъ становится участникомъ непреложнаго движенія природы и испытываетъ страданія.

---

*) Т. е. „малое я" во имя „Высшаго Я". Прим. Ред.

Всякая философія стремится къ развитію въ этихъ четырехъ направленіяхъ и къ духовному блаженству, какъ конечной своей цѣли. Въ Индіи существовало шесть подобныхъ философскихъ ученій. Каждое исходитъ изъ болѣе или менѣе разумнаго доказательства міра и кончается величественнымъ кодексомъ нравственности.

Сперва идутъ атомистическая (Vaijsheshiky) и діалектическая (Nyâya) школы, которыя ищутъ успокоенія ума въ подчиненіи правителю вселенной. Затѣмъ идутъ матеріалистическая (Sankhya) и практическая (Ioga) школы, которыя учатъ, какъ достигнуть умственнаго покоя путемъ надлежащаго анализа и практическаго упражненія. За ними слѣдуютъ ортодоксальныя (Mimânsa) и унитарная (Advaita) школы, которыя полагаютъ, что духовное блаженство достигается точнымъ соблюденіемъ правилъ Ведъ и постиженіемъ единства Космоса *).

Изъ этого видно, что Ioga служитъ дополненіемъ къ ученію Sankhya и что ясное представленіе о послѣнемъ необходимо для настоящаго пониманія перваго.

Система Sankhya представляетъ собой (Sankhya) анализъ вселенной. Она исходитъ изъ того положенія, что міръ полонъ горестей трехъ родовъ: матеріальныхъ (âdhibautika), сверхъестественныхъ (adhidaivika) и тѣлесныхъ (adhyâtmika) и что они являются результатомъ свойствъ матеріи (prakriti), а не ея нераздѣльнаго спутника сознанія (Purusha). Нераздѣльные prakriti и purusha уже достаточны сами по себѣ, чтобы произвести всѣ міровыя явленія, и идею Творца послѣдователи Sankhya считаютъ излишнимъ философскимъ призракомъ. Каждая отдѣльная purusha представляетъ изъ себя центръ простого сознанія, такъ какъ всѣ онѣ вѣчны, едины и неизмѣнны. Prakriti—это такое состояніе вещества, при которомъ три свойства—покой (sattva), энергія или дѣятельность (rajas) и инертность (tamas) находятся въ равновѣсіи. Энергія двигаетъ двумя остальными, и эволюція начинается. При первой дифференціаціи prakriti появляются mahat или зародышъ индивидуальности, который даетъ начало ahankar'ѣ или настоящей индивидуальности. Покой и инертность Ahankar'ы производятъ подъ вліяніемъ энергіи одиннадцать внутреннихъ и внѣшнихъ органовъ дѣйствія и вопріятія **) и пять состояній (tanmatras ***), предше-

*) Подробности см. во Введеніи (отд. II) къ моей Raja-Yoga (2-е изд.), а также въ моей статьѣ „Монизмъ или Адвaитизмъ" (отд. II).

**) Пять jnanendriyas+5 karmendriyas+manas.

***) Rupa, rasa, gandha, sparia, sâlda.

ствующихъ матеріальному образованію. Изъ taumatras развиваются пять матеріальныхъ элементовъ: äkâsa, vâga, tejas, jala prithvi— пять состояній собственно матеріи, образующей матеріальные предметы. Это суть двадцать четыре формы пракрити, составляющія съ Пуруша тѣ двадцать пять элементовъ, къ которымъ философія Sankhya сводитъ весъ міръ.

Всякое страданіе является результатомъ rajas; всякая грубость, невѣжество, темнота происходятъ отъ тамаса; радость, миръ и знаніе—отъ саттвы. Умъ—это результатъ rajas, и только sattva одна своимъ свѣтомъ освѣщаетъ его и даетъ ему возможность улавливать на мгновеніе проблески блаженной Пуруши, всегда близкой къ sattv'ѣ.

Этотъ вопросъ будетъ вполнѣ разъясненъ въ Ioga-Sutras, также будутъ выяснены различіе между сознаніемъ саттвы пурушей и ихъ необходимость (отд. IV). Здѣсь же имѣется въ виду только показать, въ чемъ заключается смыслъ духовнаго мира, конечной цѣли Sankhya. Всякій опытъ состоитъ изъ умственнаго представленія, такъ какъ сущность или природа предмета заслоняется sattv'ой, затемняется или совсѣмъ скрывается подъ ней. Это и есть причина зла. Умственный актъ познанія предметовъ, или, выражаясь технически, принятіе имъ вида предстоящихъ передъ нимъ предметовъ, именуется *vriti* или превращеніемъ. Та же vriti, будучи окрашена представленіемъ, придаетъ черезъ него ту же окраску и sattv'ѣ и производитъ зло, несчастіе, невѣжество и тому подобное. Всѣ предметы состоятъ изъ трехъ гунъ (gunas), а когда vritti не видитъ нигдѣ ничего кромѣ sattv'ы, за исключеніемъ двухъ другихъ, представленіе и изображеніе становятся саттвическими и внутренняя sattva познающаго сознаетъ себя повсюду во всемъ. Въ чистомъ зеркалѣ sattv'ы отражается свѣтлый и блаженный ликъ вѣчной и неизмѣнной Пуруши, и за этимъ наступаетъ высшее блаженство. Это состояніе называется sattvapatti, moksha или Kaîvalya. Для всякой Пуруши, которая такимъ образомъ познала себя самое, prakriti перестала существовать, другими словами—перестала причинять разстройство и несчастіе. Теченіе міра никогда не прекращается, но тотъ, кто достигъ *знанія*, будетъ счастливъ вѣчно, понявъ Истину. Sankhya пытается достичь этого строгимъ образомъ жизни, сопровождаемымъ анализомъ и размышленіемъ.

Это блаженное состояніе, кромѣ того, что оно ведетъ къ вѣчному покою и счастію, всего болѣе способствуетъ пониманію мировыхъ истинъ. Такое интуитивное знаніе, именуемое Taraka—

слово, которое ложно переводятъ или скорѣе ложно понимаютъ д-ръ Rajendrala и другіе,—даетъ ученику обладаніе почти всякимъ родомъ знанія, что бы онъ ни изучалъ. На этомъ фактѣ и основаны такъ называемыя силы Іоги.

Іога признаетъ всецѣло ученіе Sankhya. Однако Іога считаетъ, что Пуруша сама по себѣ не можетъ легко пріобрѣсти того развитія саттвы, которое ведетъ къ знанію и блаженству. Поэтому къ двадцати пяти категоріямъ Sankhya она присоединяетъ, какъ предметъ созерцанія, еще особую Ишвару или высшее Божество. Благодаря этому Іогѣ присваивается названіе Jesvara-Sankhya, а настоящая sanchya называется Nirisvara-sanchya. Второе и истинное усовершенствованіе системы sanchya и заключается въ высшей степени практическомъ характерѣ правилъ, установленныхъ для достиженія вѣчнаго блаженства и знанія. Цѣль Іоги—samadhi, ведущая къ Kaivalya. Іога и samadhi—термины равнозначущіе, оба означаютъ vrittinirodhâ или остановка*). Samadhi бываетъ двухъ родовъ, savikalpa и nirvikalpa, именуемыя въ текстѣ samprajnata и asamparjnata. Первая, говоря вообще, состоитъ въ томъ, что умъ успокаивается только на время, а вторая,—когда путемъ высшей оторванности отъ всего, онъ сосредоточивается въ sattv'ѣ и постигаетъ ее всегда и всюду. И когда умъ, такъ сказать, уничтожается такимъ образомъ, одна Пуруша блистаетъ въ природномъ блаженствѣ. Это и есть Kaivalya. Prakriti сыграло свою роль для каждой отдѣльной пуруши. Въ этомъ и заключается конечная цѣль. Это въ сущности и есть смыслъ счастья и прогресса, конечная цѣль всякой науки и философіи. Это заключеніе—прямой выводъ изъ теоріи эволюціи, о которой было говорено въ началѣ. Промежуточныя степени относятся къ согласнымъ съ ними предписаніемъ этики. Чтобы достигнуть этого состоянія, существуетъ восемь ступеней: zama, niyma, asana, pranâyama, draiyâhava, dhârava, dhyâna и samadhi. Всѣ онѣ подробно описаны въ самомъ текстѣ и въ приложеніяхъ.

Первыя двѣ заключаютъ въ себѣ правила, какъ достичь одновременно физическаго, умственнаго и нравственнаго совершенства, ведущихъ къ духовному блаженству. Слѣдующія двѣ или три описываютъ упражненія, подготовляющія умъ къ продолжительному и прочному сосредоточиванію на какой-нибудь мысли или предметѣ. Послѣднія три служатъ продолженіемъ въ разной степени

---

*) Т. е. тревожной дѣятельности мысли.

разбора того же процесса, который приводитъ къ samâdhi, т. е. nirvikalpa-samâdhi, а это и есть Ḳaivalya.

На все это можно возразить, что все это будетъ исключительно умственнымъ или нравственнымъ развитіемъ, но не слѣдуетъ забывать, какъ тѣсно связаны одинъ съ другимъ умъ и тѣло. Спокойствіе ума дѣйствуетъ на тѣло и дѣлаетъ его здоро-ровымъ, также, какъ и тѣлесное здоровье укрѣпляетъ умъ. Даже въ Іогѣ существуетъ по поводу этого два толкованія. Утверждаютъ, что дыханіе (prâna) тѣла есть частица мірового дыханія (prâna), и что здоровье ума и тѣла, сопровождаемое духовнымъ блаженствомъ и знаніемъ, получается путемъ управленія индивидуальнаго (pinda или vyasti) дыханія такъ, чтобы оно гармонировало съ космическимъ дыханіемъ (brahmanda или samasti). Изложенный такимъ образомъ этотъ принципъ совершенно вѣренъ, но другіе считаютъ, что можно достигнуть того же путемъ просто правильнаго дыханія (pranayama pratyahâra), такъ какъ vritti всегда слѣдуютъ за pran'ой. Такихъ людей называютъ хатта-іогами, потому что они стремятся только къ соединенію ha (prana) и tha (apana), ведущему къ samadhi. Ихъ методы поэтому скорѣе физическіе, чѣмъ умственные. Но другіе придерживаются противоположнаго мнѣнія и обращаются главнымъ образомъ къ дѣйствію vritti-nirodha, будучи твердо увѣрены, что prana слѣдуетъ за vritti. Это ученіе Раджа-Іоги (прямое соединеніе съ просвѣтленной душой или Брамой), сущность ученій Веданты.

Раджа-Іога Веданты и есть истинная taraka-jnâna; и дѣйствительно слово Раджа-Іога есть синонимъ samadhi.

Раджа-Іога Веданты имѣетъ цѣлью sattvapatti и vrittinirodha, и еще нѣчто другое. Она стремится къ тому единству, гдѣ всякое чувство отдѣльности, которое подразумѣвается здѣсь въ какой-либо формѣ въ vritti-nirodha и sattvapatti, поглощается абсолютнымъ блаженствомъ Единаго Сознанія. Современная матеріалистическая наука и соотвѣтствующее ей умственное развитіе, не сопровождаемое необходимымъ уровнемъ нравственнаго совершенства, не въ состояніи оцѣнить способностей, пріобрѣтаемыхъ черезъ Іогу, но власть ума и воли—фактъ не подлежащій сомнѣнію.

Всякій актъ имѣетъ свое особое условіе, всякое правило—свои антецеденты. При данномъ условіи умъ, или скорѣе воля можетъ кое-что сдѣлать, можетъ вызвать что-нибудь изъ ничего. *Ничего*—слово могущее повести къ недоразумѣнію, ибо ничто не рождаетъ ничего. Іога учитъ, что prakriti или матерія полна жизненной силы, проникаетъ все и повинуется хорошо дисциплини-

рованной волѣ. Если мы будемъ это помнить, то правила Раджа-Іоги покажутся намъ болѣе убѣдительными и соотвѣтствующими истинѣ, нежели правила Хатта-Іоги.

Сутры Патанджали приводятъ къ первой, а не ко второй *.

Часто упоминается еще о двухъ видахъ Іоги, но они болѣе или менѣе входятъ въ предыдущіе. Первая—mantra-yoga, состоящая въ мысленномъ повтореніи нѣкоторыхъ формулъ съ упорнымъ вниканіемъ въ смыслъ ихъ. Вторая—это laya-joga; она состоитъ въ упорномъ созерцаніи какого-нибудь внѣшняго предмета или лучше воспріятіи внутренняго звука (nada), который слышится, если заткнуть уши. Но при всѣхъ такихъ упражненіяхъ іоги должны остерегаться, чтобы не впасть въ отрицательное состояніе пассивнаго медіумизма и не потерять изъ вида предмета созерцанія.

Іога-Сутры для удобства раздѣлены на четыре отдѣла. Въ первомъ выясняется значеніе Самадхи и Іоги. Во второмъ—указывается, какія предварительныя условія, какъ положительныя, такъ и отрицательныя, должны быть усвоены изучающимъ эту науку. Въ третьемъ—излагается Самадхи, ея степени и силы, получаемыя при помощи ея. Въ четвертомъ—ясно излагается конечная цѣль этой философіи, и именно, Кайвалія.

Аѳоризмы Іоги.

Патанджали.

Отдѣлъ I.

I. *Теперь будетъ слѣдовать изложеніе Іоги.*

Слово „теперь“ показываетъ, что съ этого начинается изложеніе новаго предмета и что ученикъ долженъ приготовиться слѣдить за тѣмъ, что будетъ сказано. Равнозначущее этому санскритское слово служитъ черезъ самое его выговариваніе благословеніемъ. Это сочиненіе названо изложеніемъ постольку, поскольку Патанжали не является авторомъ этого ученія. Онъ только компиляторъ или истолкователь той доктрины, которой учили и которую примѣняли на практикѣ издавна уже Гиранiагарба и другіе.

Что такое Іога?

* Изучающій вопросъ подробно можетъ прочитать о Раджѣ-Іогѣ во 2-мъ изданіи моей книги подъ тѣмъ же заглавіемъ.

II. *Іога есть остановка превращеній мыслящаго начала.*

Слово Іога часто переводилось словомъ размышленіе или сосредоточеніе, но оба они не исчерпываютъ содержанія этого термина. Чтобы объяснить его смыслъ необходимо понять, что такое мыслящее начало и его превращенія. „Мыслящее начало" имѣетъ обширный смыслъ и равносильно санскритскому слову Antahkarana; оно дѣлится на четыре части: manas (умъ), мыслящее начало вообще; chitta (индивидуализація), мысль, которая направляется на одну точку и овладѣваетъ предметомъ, создавая изъ него отдѣльный индивидъ; Ahankara (эготизмъ), увѣренность, отождествляющая индивида съ его я, и Buddhi (разумъ) свѣтъ, опредѣляющій тотъ или другой путь. Знаніе или воспріятіе есть рядъ превращеній мыслящаго начала (pariniâma), въ нѣчто, являющееся предметомъ внѣшняго или внутренняго представленія, съ помощью одной изъ этихъ четырехъ силъ *).

Всякое знаніе слагается изъ ряда превращеній мыслящаго начала. Даже Воля, самое первое основаніе Іоги, есть только видъ подобнаго превращенія. Іога есть полная пріостановка стремленій мыслящаго начала превращаться въ предметы, мысли и пр. Возможно, что существуютъ различныя степени этихъ превращеній, и что высшія могутъ помогать подавлять низшія, но Іога достигается только тогда, когда совершенно прекращаются и тѣ и другія, какъ это будетъ видно дальше. Необходимо твердо помнить, что мыслящее начало не есть Atman и Purucha — источникъ всякаго сознанія и знанія. Пріостановка превращеній мыслящаго начала не означаетъ поэтому, что Іогъ долженъ уничтожить себя, что конечно невозможно. Это затрудненіе разсматривается въ слѣдующей сутрѣ. Мыслящее начало обладаетъ тремя свойствами: sattva (пассивность), rajas (подвижность) и tamas (грубость). Когда дѣйствіе двухъ послѣднихъ подавлено, умъ „стоитъ твердо, подобно пламени свѣтильника въ мѣстѣ, куда не проникаетъ ни малѣйшаго дуновенія вѣтерка"**). Такое состояніе внутренняго чувства всего болѣе желательно, такъ какъ при помощи его легко достигаются непоколебимое сосредоточиваніе и способность къ самоуглубленію, а также и высшее знаніе путемъ общенія съ природой, какъ это излагаетъ Vâchaspatimishra.

---

* Это дѣленіе школы Веданты, а не Sanchya, для которой Іога служитъ дополненіемъ. Но оно вполнѣ пригодно для практическихъ цѣлей.

**) Bhagavad gita, гл. VI.

III. *Тогда зритель пребываетъ въ себѣ самомъ.*

Тогда, т. е. во время Іоги. Ибо если Іога означаетъ полную остановку превращеній мыслящаго начала, то что же видитъ душа, именуемая здѣсь зрителемъ? То, что облекается въ разныя формы не есть настоящій зритель, это только vritti или khyâti, въ то время какъ то, что остается неизмѣннымъ при рядѣ наблюдаемыхъ превращеній, и есть настоящій высшій зритель, душа—Пуруша. Таково повидимому положеніе Sankhya. Darshana (сознаніе) вѣчно едино. Когда vritti или измѣненія мыслящаго начала пріостановлены, остается одинъ вѣчно неизмѣнный зритель Пуруша въ состояніи совершенной sattv'ы, будучи единственнымъ ощущающимъ. Послѣднимъ фактомъ сознанія является оно само. Это ненарушимое блаженство и есть состояніе высшей Іоги (именуемое Nirhijasamâdhi). Всякое несчастіе происходитъ отъ того, что мыслящему началу позволяется закрыть этотъ непреложный источникъ блаженства и знанія или занять его мѣсто и принимать тогда столь же формъ, сколько предметовъ представляется ему внутри или внѣ его. Этотъ пунктъ развитъ въ слѣдующемъ афоризмѣ.

IV. *Иначе оно объединяется (ассимилируется) съ превращеніями.*

Иначе, т. е. когда не достигнуто состояніе Іоги. Мыслящее начало превращается въ объективныя и субъективныя явленія, а неизмѣнный зритель на время затмевается ими, или, что то же, сливается съ ними. Только когда достигнуто состояніе Іоги, сознаніе становится вполнѣ чистымъ и готовымъ къ воспріятію всякаго знанія, всякаго впечатлѣнія изъ любого источника. Разъ это состояніе достигается путемъ остановки превращеній мыслящаго начала, необходимо понять, въ чемъ заключаются и что представляютъ собой эти превращенія.

V. *Превращенія бываютъ пяти видовъ, болѣзненныя и безболѣзненныя.*

Всѣ безчисленныя сами по себѣ превращенія мыслящаго начала сводятся, ради ясности, къ пяти видамъ: каждый изъ нихъ въ свою очередь дѣлится на болѣзненныя и безболѣзненныя. Болѣзненныя побѣждаются съ помощью безболѣзненныхъ, а эти въ свою очередь съ помощью paravairâgya (полнаго отсутствія привязанности къ чему бы то ни было). Они перечислены въ слѣдующей сутрѣ.

VI. (*Они суть) истинное знаніе, ложное знаніе, фантазія, сонъ и память.*

Подъ истиннымъ знаніе разумѣется знаніе безспорно правдивое и вѣрное. Хотя словомъ pramania часто обозначается орудіе знанія, здѣсь оно значитъ скорѣе результатъ познанія, чѣмъ самый актъ. Каждый изъ этихъ терминовъ опредѣляется далѣе.

VII. *Истинное знаніе есть или непосредственное познаніе, или выводъ, или свидѣтельство.*

Іога, согласно съ Sankhya допускаетъ только три источника истиннаго знанія. Nyaya прибавляетъ Upaman'у (аналогію), а къ ней Mimans'a, которой слѣдуетъ Веданта, добавляетъ Anupalabdhi (не-присутствіе) и Arthapatti (заключеніе). Pratyaksha или непосредственное познаніе получается отъ прямого воздѣйствія познаваемаго предмета на то или другое чувство. Выводъ есть знаніе, получающееся изъ предшествующаго ему познанія отношенія между даннымъ признакомъ и обладателемъ этого признака. Свидѣтельство—это знаніе, которое получается отъ заслуживающихъ довѣрія словъ посторонняго лица. Высшимъ свидѣтельствомъ является Веда, слово наиболѣе заслуживающее довѣрія Isvara. Мы должны помнить, что эти виды знанія суть ни что иное, какъ разныя превращенія мыслящаго начала. Іога учитъ, что всѣ превращенія, принимающія форму убѣжденія, могутъ быть сведены къ одному изъ этихъ трехъ видовъ.

VIII. *Ложное знаніе есть невѣрное представленіе о предметѣ, реальная форма котораго не соотвѣтствуетъ этому представленію.*

Здѣсь примѣромъ можетъ служить тотъ случай, когда перламутръ принимается за серебро, или верстовой столбъ за человѣка. Сомнѣніе тоже можетъ быть включено въ этотъ родъ знанія. Такое знаніе безполезно.

IX. *Фантазія—это представленіе, вызванное къ жизни только словами, тогда какъ въ дѣйствительности ничто не соотвѣтствуетъ ему.*

Vikalpa—слово, означающее обыкновенно сомнѣніе или произволъ, здѣсь означаетъ только фантазію. Понятіе, которое заключается только въ словахъ и которому на самомъ дѣлѣ ничто не соотвѣтствуетъ, называется фантазіей. Напр., рога у зайца, восходъ и заходъ солнца, мышленіе души *) и т. д. Эти примѣры ясно опредѣляютъ Vikalpa, какъ нѣчто совершенно отличное отъ Viparyaya (аф. VII).

*) Сама душа есть нѣчто внѣ мышленія, т. е. сознанія.

X. Сонъ—это превращеніе мыслящаго начала, не имѣющее никакого основанія. Это значитъ, что сонъ происходитъ тогда, когда всѣ превращенія мыслящаго начала сведены на нѣтъ. Этотъ сонъ безъ сновидѣній и есть такъ сказать состояніе, не подлежащее превращенію. Но не слѣдуетъ думать, что тутъ на самомъ дѣлѣ не происходитъ превращенія мыслящаго начала. Если бы это было такъ, то воспоминаніе: „я спалъ крѣпко", не послѣдовало бы за пробужденіемъ, такъ какъ мы никогда не помнимъ того, чего не испытали. Опять таки именно потому, что это состояніе представляетъ собой превращеніе, оно и отличается отъ Samadhi (сосредоточенія), полной остановки всякихъ превращеній.

XI. *Воспоминаніе получается, когда познанному предмету препятствуютъ исчезнуть изъ сознанія.*

Знаніе, получаемое отъ воспоминаній впечатлѣній прошлаго опыта—и есть память. Такъ обыкновенно принято опредѣлять память, и это опредѣленіе соотвѣтствуетъ тому, что сказано въ афоризмѣ.

Надо замѣтить, что изъ этихъ пяти превращеній мыслящаго начала, истинное знаніе ложное знаніе, и фантазія принадлежатъ бодрственному состоянію. Когда одно изъ нихъ получается во снѣ, то является сновидѣніе. Сонъ самъ по себѣ лишенъ всякаго познанія, память же можетъ быть въ любомъ изъ этихъ пяти случаевъ.

Объяснивъ эти превращенія мыслящаго начала, авторъ затѣмъ разсматриваетъ способы ихъ прекращенія.

XII. *Прекращеніе ихъ достигается стараніемъ и отрѣшеніемъ.*

„Ихъ", т. е. этихъ превращеній мыслящаго начала. Samadhi или полное прекращеніе движеній ума достигается только выдержаннымъ стараніемъ и отрѣшеніемъ. Мы думаемъ, что слово Vairagya правильнѣе перевести словомъ отрѣшеніе *), чѣмъ словомъ безстрастіе, какъ это дѣлаютъ обыкновенно. То, что привлекаетъ умъ и заставляетъ его облекаться въ разныя формы, въ родѣ страсти, чувства, ощущенія и пр., есть ни что иное, какъ raga—привязанность, а Vairagya есть скорѣе отсутствіе всякой привязанности, чѣмъ отсутствіе какого-нибудь единичнаго результата привязанности вродѣ страсти и т. п.

XIII. *Стараніе—это ученіе, которое дѣлаютъ для того, чтобы достичь этого состоянія.*

Sthiti или „состояніе" и есть то состояніе, при которомъ мыслящее начало, такъ сказать, стоитъ неподвижно и неизмѣнно

*) Буквально: не—привязанность.

подобно пламени свѣтильника въ мѣстѣ, защищенномъ отъ вѣтра. Неослабѣвающее, постоянное стремленіе достигнуть этого Sthiti и называется усиліемъ.

XIV. *Это состояніе крѣпнетъ, если въ немъ упражняться долго, непрерывно и съ полной преданностью.*

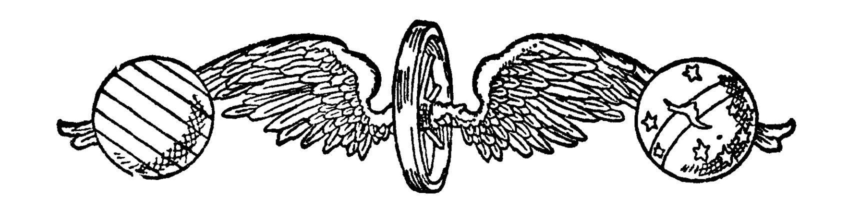
Стараніе переходитъ въ твердую привычку, которая является „второй натурой". Способъ перехода такого старанія въ привычку вполнѣ ясенъ. Дѣло въ томъ, что на высшей стадіи умъ принимаетъ такое положеніе, при которомъ онъ хотя повидимому и выполняетъ обыкновенныя функціи жизни, на самомъ дѣлѣ остается въ состояніи покоя. Это и есть настоящее состояніе Іоги, или Samadhi, а не способность ума, какъ это утверждаютъ иные сосредоточиваться во всякій данный моментъ. Почти во всѣхъ сочиненіяхъ по Іогѣ и Ведантѣ сказано, что настоящее сосредоточиваніе это то, когда умъ остается въ покоѣ, куда бы его ни направили (Vakyasudhâ). Постоянное упорное стараніе дѣлаетъ это состояніе второй природой.

XV. *Отрѣшеніе—это сознаніе достигнутаго господства надъ всякимъ желаніемъ въ случаѣ того, кто пересталъ испытывать влеченіе къ предметамъ, какъ доступнымъ чувству, такъ и духовнымъ.*

Предметы, доступные чувству,—это предметы этого міра или тѣ, которые находятся въ предѣлахъ знанія смертныхъ. Духовные— это тѣ, о которыхъ говорится главнымъ образомъ въ священномъ писаніи и подобныхъ ему книгахъ. Подъ первыми подразумѣваются всѣ временныя блага, подъ вторыми—духовныя, напр. тайныя силы, достиженіе неба и пр. Истинное отрѣшеніе означаетъ прекращеніе даже малѣйшаго стремленія ко всему этому. Значеніе добродѣтели заключается главнымъ образомъ въ жертвѣ, которая приносится ради нея; поэтому въ текстѣ и сказано, что отрѣшеніе должно быть формой сознаванія побѣды надъ искушеніемъ; иначе не было бы никакого различія между тупоуміемъ и разумомъ.

Только тогда, когда умъ достигаетъ этого состоянія освобожденія отъ влеченій, начинается для него разсвѣтъ истиннаго знанія, подобно правильному отраженію въ зеркалѣ, очищенномъ отъ грязи. Отрѣшеніе есть только предварительная ступень къ истинному интуитивному знанію и достичь этого можно непрерывнымъ трудомъ.

Перев. С. Т.

Что даетъ намъ теософія?

Въ этой краткой статьѣ мнѣ хотѣлось бы въ простой, ясной, общедоступной формѣ отвѣтить на вопросы:—*что такое теософія и что она даетъ намъ* даже при первомъ знакомствѣ съ нею?

Теософія не есть религія, она не есть отдѣльная философская система, но она и не является наукой въ современномъ смыслѣ этого слова. Она обнимаетъ собою внутреннюю суть всѣхъ религій, всѣхъ философій и всѣхъ наукъ. Цѣль ея—*Истина*, а единственное ея орудіе—*свободная работа духа.*

Почему цѣль ея—*Истина?* Потому что въ глубинѣ всякаго познанія, въ глубинѣ всѣхъ философскихъ системъ и всѣхъ религій лежитъ *единая Истина.*

Теософія стремится раскрыть и познать эту единую Истину въ ея сущности. Для этого она ищетъ то единое духовное начало, что лежитъ въ основѣ каждой религіи. Во всѣхъ наукахъ стремится она найти основной общій ихъ корень:—божественную искру той же Истины. Въ міровоззрѣніяхъ философіи она стремится уловить тотъ же отсвѣтъ Божественнаго Свѣта; и такъ какъ этотъ Свѣтъ единъ, эта Истина вездѣ одна и та же, то теософія является намъ какъ грандіозный *синтезъ философіи, науки и религіи.*

При первомъ же нашемъ знакомствѣ съ основными положеніями теософіи, нашъ духовный и умственный горизонтъ необычайно расширяется.

Мы узнаемъ, что все наше человѣчество въ космосѣ является лишь одной изъ фигуръ громадной картины мірозданія, и что вся наша планета есть только ничтожная часть вселенной.

Далѣе:—у насъ совершенно измѣняется представленіе о временахъ и срокахъ. Мы узнаемъ, что человѣчество безконечно древнѣе, чѣмъ мы его себѣ представляли: то, что мы считали отдаленной древностью, какъ, напримѣръ, культуры Египта, Халдеи,—сравнительно недавняго происхожденія *).

*) См. „*Культура 5-й Арійской расы*“ д-ра Р. Штейнера, „Вопросы Теософіи“, I, 1907.

Мы узнаемъ, что лицо земли уже много разъ измѣнялось,—и тамъ, гдѣ теперь океаны и моря, были земли, гдѣ обитали люди, достигшіе уже тогда высокой степени цивилизаціи. И люди эти не погибли: погибли только временныя оболочки, ихъ внѣшнія переходящія формы. Содержаніе же этихъ формъ, самъ Человѣкъ, его *Я*, и опытъ, собранный имъ, остается вѣчно и снова возвращается на землю, облеченный въ новую свою временную форму, чтобы *духовно развиваться* все больше и больше.

Если мы попытаемся, затѣмъ, сознательно хотя немного расширить наши духовные горизонты, то мы поймемъ, что всѣ наши „вѣка"—не болѣе какъ очень и очень небольшіе этапы въ Космической жизни, этапы, которые необходимо пройти, чтобы духъ человѣка могъ развиться до той полноты, когда онъ въ состояніи вмѣстить *всю Истину*.

Далѣе, Теософія приводитъ насъ къ сознанію, что пріемы и методы современной позитивной науки относятся только ко внѣшности явленій. Никакіе инструменты, никакіе ножи и микроскопы не дадутъ намъ хотя бы и мимолетнаго проникновенія въ суть міровыхъ явленій, потому что для преслѣдованія сути нуженъ методъ иной, которымъ наша западно-европейская наука до сихъ поръ еще не пользовалась. Этотъ методъ: внутренній, духовный—онъ не требуетъ никакихъ внѣшнихъ орудій, ибо онъ—всегда съ нами, такъ какъ заключенъ въ глубинѣ нашего безсмертнаго индивидуальнаго *Я*.

Теософія указываетъ намъ на единство происхожденія всѣхъ религій: на тотъ божественный источникъ, изъ котораго исходитъ духъ всѣхъ религій, различающихся только внѣшними формами Культа. Всѣ религіи міра суть священные сосуды *единой „воды живой"*. Теософія учитъ насъ не покидать своей религіи и уважать чужія, не измѣнять своей вѣрѣ, но ввести *духъ* этой вѣры въ содержаніе всей своей жизни.

Однако, Бого-и міропознаніе есть лишь одна сторона теософіи, ибо эта послѣдняя стремится еще и къ *жизнетворчеству*. Есть въ мірѣ двѣ великія жизнетворческія силы: *этика* и *эстетика*.

Теософія, во всѣхъ религіяхъ и во всѣхъ системахъ философіи ищетъ обоснованія для возможно болѣе широкой этики, потому что какъ едина Истина, такъ же *единъ и нравственный Законъ*, лежащій въ глубинѣ каждой философіи и каждой религіозной системы. Въ каждомъ проявленіи искусства теософія ищетъ безсмертное единое зерно божественной красоты.

Теософическое движеніе отличается отъ всѣхъ другихъ предшествовавшихъ духовныхъ движеній тѣмъ, что оно ничего не разрушаетъ, но предлагаетъ ввести въ жизнь тотъ глубокій религіозный смыслъ, который мы утратили, воспитывая себя въ теченіе столькихъ вѣковъ на однѣхъ внѣшнихъ формахъ: въ религіи, въ наукѣ, въ общественномъ строѣ, въ литературѣ и въ искусствѣ.

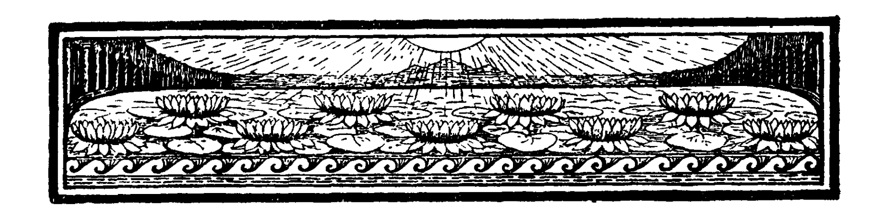
Теософическое ученіе, захватывая *внутреннюю сущность* вещей, раскрывая *внутренній смыслъ* всякаго вѣроученія, вездѣ утверждаетъ *первенство внутренняго надъ внѣшнимъ,* требуя отъ человѣка прежде всего *духовнаго самоусовершенствованія* и полной *искренности* въ процессѣ работы свободнаго духа.

Проникаясь теософическимъ ученіемъ, человѣкъ неминуемо преображается, ибо, на самомъ дѣлѣ, для истиннаго теософа невозможно, зная, что сами мы творимъ свою судьбу (Карму), продолжать роптать и завидовать; нельзя, зная, что въ нашей власти построить свое тѣло (физическое и душевное), продолжать вести порочную жизнь; становится немыслимымъ, сознавъ, что всѣ мы происходимъ изъ единаго божественнаго Источника и всѣ вернемся къ нему, продолжать обособляться и ненавидѣть. Эгоизмъ, обособленность и тѣ гибельные пороки, съ которыми безсильно борется наша современная педагогія, подорвутся этикой теософическаго ученія и мы обрѣтемъ новые пріемы и средства подготовить иное поколѣніе, болѣе совершенное, болѣе духовное, способное выработать иныя данныя въ сферѣ личной, семейной и общественной для грядущей цивилизаціи, знаменемъ которой будетъ „*единеніе и братская любовь*“.

Теософія зоветъ насъ въ тотъ свѣтлый міръ, гдѣ въ чистой духовности сіяетъ *бѣлая вѣчность,* гдѣ въ *одномъ* мистическомъ порывѣ *всѣ* стороны духовной культуры, *всѣ* стороны душъ человѣческихъ сливаются *воедино съ великой Сущностью всего* и съ вѣчнымъ *Я* міра.

П. Батюшковъ.

Москва,
17 декабря 1910 г,

Огонь Маяка.

Микаэль Вудъ.

Въ комнатѣ съ обнаженными стѣнами, окна которой выходили на тихій скверъ въ отдаленной части Лондона, сидѣли два человѣка. Въ комнатѣ не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ простыхъ стульевъ, письменнаго стола, другого стола, книжныхъ полокъ и большого деревяннаго креста, прибитаго къ бѣлой голой стѣнѣ.

Старшій изъ двухъ сидѣлъ у письменнаго стола; онъ только что писалъ и продолжалъ держать перо. Младшій сидѣлъ напротивъ. Его глаза смотрѣли горячо въ лицо собесѣдника, ибо сила этого человѣка овладѣла его душой и мудрость его зажгла яркій свѣтъ въ его сознаніи. И за это онъ посвятилъ свою жизнь, свою молодость, всѣ силы души и свое большое богатство и вліяніе—онъ былъ богатъ и высокаго происхожденія—тому великому дѣлу, которому служилъ старшій собесѣдникъ. Послѣдній слылъ за учителя Божественной Мудрости и былъ многими почитаемъ за великую духовную силу и за праведность жизни. Онъ говорилъ медленно и выразительно, продолжая играть перомъ.

— Передъ вами, пребывавшимъ во тьмѣ, явился свѣтъ,—говорилъ онъ.—Не удивительно, что глаза ваши ослѣплены. Но лучше имѣть глаза, не ослѣпленные свѣтомъ и не затемненные мракомъ. Поставьте себѣ вопросъ: что бы вы сдѣлали, если бы васъ перестала радовать ваша работа?

— Я бы продолжалъ работать. Продолжалъ бы изъ любви къ Богу и изъ любви къ вамъ; *это* дало бы мнѣ радость.

— Но если бы вы перестали чувствовать радость?

— Нельзя не чувствовать радости, когда трудишься для того, кого любишь.

— У васъ большая способность любить. Это огромная сила. Но если бы вы перестали чувствовать, что любите Бога или меня, что тогда?

— Я... перестать любить Бога! Перестать любить васъ, научившаго меня какъ нужно любить Бога!

Старшій собесѣдникъ улыбнулся.

— Я этого не сказалъ. Я сказалъ: если вы перестанете чувствовать, что любите Бога или меня, что тогда?

— Нельзя любить, не чувствуя любви.

— Вы совершенно въ этомъ увѣрены?

Младшій посмотрѣлъ на говорившаго. Старшій глядѣлъ, улыбаясь, на него; въ первый разъ юноша замѣтилъ, что его спокойное лицо носило слѣды утомленія.

— Какъ вы себѣ представляете человѣка, который доказалъ на дѣлѣ, что можетъ любить великой любовью, если онъ неожиданно для себя потеряетъ способность любить, не будетъ сознавать ее.

— Развѣ это можетъ быть?

— Можетъ. Я это знаю. Любить и чувствовать любовь—двѣ разныя вещи. Едва-ли можно чувствовать любовь, не любя. Но возможно любить, не испытывая чувства любви. Если вы въ состояніи будете жить не жалуясь, когда почувствуете, что вся ваша любовь умерла и весь вашъ энтузіазмъ исчезъ безъ слѣда, если вы это вынесете, не прося помощи ни словомъ, ни мыслью, ни сердцемъ, и продолжая работать съ прежней рѣшимостью, не допуская никого узнать, что происходитъ въ глубинѣ вашей души, тогда... Но подождите, пока настанетъ часъ. Можетъ быть онъ никогда не настанетъ для васъ. Не думаю, чтобы это испытаніе приходило ко всѣмъ.

Выслушавъ эти слова, молодой удалился въ молчаніи. Онъ подумалъ, что часъ этотъ пришелъ къ учителю, котораго онъ любилъ и почиталъ; пришелъ и снова ушелъ, думалось ему; ибо человѣкъ этотъ былъ подобенъ факелу, отъ пламени котораго зажигалась одна душа за другой и разгоралась священнымъ огнемъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ молодой вернулся къ старшему въ мучительной тревогѣ. Онъ думалъ о своихъ прежнихъ грѣхахъ и воспоминаніе о нихъ наполняло его скорбью; мало того, ему казалось, что новые слабости и грѣхи, къ которымъ онъ относился на половину съ состраданіемъ, и на половину съ осужденіемъ, подкрались къ нему и онъ чувствуетъ ихъ силу надъ собой. Старшій выслушалъ его.

— Если я вамъ скажу, что придетъ день, когда вы признаете свои ошибки скрытымъ благословеніемъ,—сказалъ онъ,—я думаю, вы начнете считать меня грѣшникомъ и даже закоренѣлымъ?

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ съ удивленіемъ.

— Убитый грѣхъ есть великое оружіе,—сказалъ старшій,— но еще болѣе великое оружіе—пережитая добродѣтель.

— Пережитая добродѣтель?

— Бываетъ время,—продолжалъ старшій,—когда человѣкъ живетъ болѣе или менѣе довольный въ своихъ грѣхахъ; затѣмъ приходитъ время, когда онъ побѣждаетъ грѣхи и начинаетъ жить въ своихъ добродѣтеляхъ; но подъ конецъ настанетъ часъ, когда онъ не живетъ болѣе ни въ грѣхахъ, ни въ добродѣтеляхъ, а только помнитъ ихъ. Дорогой другъ, я наблюдалъ за вами, когда вы въ своей молодой силѣ и пламенномъ рвеніи относились съ презрительнымъ снисхожденіемъ къ состарившемуся товарищу, характеръ котораго надорвался и здоровье и нервы не выдержали напряженія жизни. Но въ послѣдніе дни, когда и ваши здоровыя силы поддались отъ чрезмѣрнаго напряженія, а святость перестала казаться такой доступной, какъ въ первые дни, мнѣ показалось, что вы уже не чувствовали той самоувѣренной снисходительности къ пожилому товарищу, силы котораго подточились тревогами жизни, не правда-ли? Юноша покраснѣлъ; онъ не отвѣтилъ ничего.

— Послѣ этого къ вамъ вернулось временно утраченное спокойствіе, и я замѣтилъ, что вы стали относиться терпѣливѣе къ своему раздражительному товарищу, начали внимательно избѣгать несогласія съ нимъ. Я замѣтилъ, что когда ваше собственное самообладаніе измѣнило вамъ—хотя это было такъ незамѣтно, что никто бы и не увидалъ этого кромѣ меня—съ тѣхъ поръ вы стали гораздо осторожнѣе въ своихъ отношеніяхъ къ другимъ. Развѣ это не большой выигрышъ?

Молодой человѣкъ колебался.

— Я не отрицаю, что это—испытаніе. Это вызываетъ непріятное чувство униженія и неудачи. Но ясно видѣть свою несостоятельность, значитъ быть на пути къ побѣдѣ.

Это было ихъ послѣднее свиданіе. Прошло нѣсколько лѣтъ. Молодой человѣкъ сталъ извѣстенъ, какъ блестящій проповѣдникъ. Онъ странствовалъ по разнымъ мѣстамъ и вызывалъ въ душѣ своихъ слушателей энтузіазмъ и жажду служенія. Среди всѣхъ своихъ трудовъ онъ не переставалъ горѣть любовью и вѣрностью къ тому праведному человѣку, вліяніе котораго измѣнило всю его судьбу.

Прошло пять лѣтъ, и они снова увидѣлись и даже работали вмѣстѣ въ теченіе цѣлаго года. Половина этого года прошла для молодого проповѣдника въ горячемъ трудѣ, полномъ радости и

вдохновенія, которое его осѣняло въ присутствіи горячо любимаго учителя; за то вторая часть года принесла ему страшное испытаніе: въ его душѣ водворился холодъ и мракъ, напоминавшій мертвую пустыню. Въ концѣ года онъ вышелъ изъ города, чтобы побыть совсѣмъ одному на холмахъ и безъ помѣхи взвѣсить свое положеніе.

Насталъ тотъ часъ, о которомъ ему говорилъ учитель; онъ не чувствовалъ любви къ своей работѣ, не было у него любви и къ своему руководителю и къ единомышленникамъ, не было любви къ человѣку, не осталось любви и къ Богу.

Но состояніе это не вызывало въ немъ страданія; лишь спокойное безжизненное удивленіе и холодную какъ ледъ критику своего собственнаго положенія. Онъ могъ ясно разсуждать; онъ не вдавался въ обманъ; онъ зналъ, что любитъ и свою работу, и того дорогого человѣка, но только не можетъ чувствовать этой любви. Въ теченіе этихъ шести мѣсяцевъ онъ не испытывалъ ни одного луча радости, ни искры энтузіазма, ни малѣйшаго стремленія къ познанію и служенію; и тѣмъ не менѣе—онъ видѣлъ это—никогда трудъ его не былъ болѣе плодотворнымъ.

Не рѣдко въ истекшіе шесть лѣтъ онъ испытывалъ усталость отъ напряженнаго труда; не рѣдко его горячее рвеніе ослабѣвало, и тогда земная жизнь казалась ему сѣрой, а небеса нѣмыми; но онъ никогда не переставалъ любить этого единственнаго человѣка, овладѣвшаго его душой. Теперь же любовь покинула его и, казалось, покинула навсегда. Эта внезапная несостоятельность чувства по отношенію къ тому человѣку, съ которымъ душа его была такъ неразрывно связана, поразила его такъ, какъ не могли поразить никакія другія испытанія. Но онъ продолжалъ работать и безъ любви, съ виду также усердно и даже радостно, и никто не зналъ, что скрывалось въ его душѣ.

Потребность провѣрить себя была вызвана его встрѣчей съ юношей, который любилъ его какъ руководителя; юноша этотъ говорилъ о своей безпредѣльной благодарности; онъ изливалъ признанія въ своей страстной любви и восторженномъ поклоненіи къ учителю, не подозрѣвая, что таилось въ душѣ его слушателя. За годъ до этого онъ часто встрѣчался съ этимъ юношей; въ то время огонь любви къ тому человѣку, который принесъ свѣтъ его душѣ, горѣлъ ярко въ его сердцѣ; онъ горѣлъ болѣе пламенно, чѣмъ любовь этого юноши, и слова его были болѣе могущественны, ибо онъ обладалъ большимъ даромъ слова. Естественно, что юноша пришелъ именно къ нему, желая выразить

чувства, которыя слушатель его долженъ былъ раздѣлять съ нимъ. Молодой проповѣдникъ слушалъ, соглашался, выражалъ сочувствіе, а сердце оставалось мертвымъ въ его груди. Вотъ это послѣднее испытаніе и заставило его удалиться въ одиночество, чтобы на досугѣ провѣрить себя.

Размышляя шелъ онъ по поросшей верескомъ равнинѣ, направляясь къ морю. Вблизи отъ морского берега онъ подошелъ къ странному мѣсту. Небольшое, покрытое травой пространство на самой вершинѣ утеса. Тамъ стояла выбѣленная хижина, а позади хижины на самомъ высокомъ мѣстѣ утеса виднѣлась площадка, къ которой вела лѣстница; на площадкѣ, тщательно защищенной отъ вѣтра и дождя, виднѣлась жаровня со слѣдами сгорѣвшихъ дровъ.

Онъ постучалъ въ дверь хижины; онъ чувствовалъ себя усталымъ и голоднымъ послѣ двѣнадцатичасового поста. Старая женщина съ загорѣлымъ морщинистымъ лицомъ и свѣтлыми глазами пригласила его войти. Онъ попросилъ у нея поѣсть; она достала хлѣба и козьяго молока и извинилась, что это все, что она имѣетъ. Въ хижинѣ было чрезвычайно холодно. На очагѣ виднѣлась холодная зола.

— Почему вы не зажигаете огня?—спросилъ онъ съ удивленіемъ; онъ видѣлъ, какъ она ёжилась и терла свои застывшія старыя руки.

— Почему?—переспросила она весело.—Пройдетъ цѣлый мѣсяцъ, прежде чѣмъ дровянникъ доставитъ мнѣ другую порцію дровъ; здѣсь по близости совсѣмъ нѣтъ дровъ и я не могу имѣть огонь и на очагѣ, и тамъ на скалѣ.

— Почему же вы не зажигаете его здѣсь, въ хижинѣ?

— По случаю лодокъ,—отвѣтила она.—Мой мужъ и мой единственный сынъ потонули въ морѣ. Берегъ здѣсь очень опасный. Я зажигаю жаровню каждый вечеръ послѣ заката солнца и три раза въ ночь встаю съ постели и поддерживаю огонь.

— Значитъ вы жертвуете огнемъ вашего очага для той жаровни?

— Да, сэръ. По утрамъ и по вечерамъ бываетъ очень холодно. Но по ночамъ я лежу и думаю о моемъ огнѣ, хотя и не могу видѣть, какъ онъ свѣтитъ надъ водой; и мысль о немъ согрѣваетъ меня. Народъ говоритъ: зачѣмъ я живу здѣсь въ такомъ одиночествѣ; но я ни за что не покину жаровню; и совсѣмъ ужъ я не такъ одинока; сдается мнѣ словно кусокъ моего сердца на-

правляется къ кораблямъ вмѣстѣ съ тѣмъ огнемъ. Мой мальчикъ-то вѣдь былъ матросомъ, знаете, сэръ?

— А,—сказалъ онъ медленно,—Вы не можете одновременно зажигать огня и въ своемъ очагѣ, и въ томъ маякѣ. Думаю, что вы правы, избирая холодъ для себя.

— Когда у меня будетъ болѣе топлива, сэръ,—сказала она весело,—можетъ быть, я опять зажгу оба огня.

Онъ кивнулъ головой, всталъ у двери и началъ смотрѣть на бѣгущія облака и безплодные холмы. Знакомыя слова раздавались въ его ушахъ: „видимыя вещи—временны, невидимыя—вѣчны". И онъ передалъ ихъ такъ: „вещи, которыя чувствуешь—временны" и сталъ думать—не является ли то, что чувствуешь, тѣнью того, чего не чувствуешь, но что вѣчно.

„Тѣнь зависитъ отъ свѣта", размышлялъ онъ, „но то, что отбрасываетъ тѣнь, остается и тогда, когда свѣтъ уходитъ. Хотѣлось бы мнѣ знать, относится ли это также и къ любви? Не есть ли то, что мы чувствуемъ, только тѣнь любви, а вовсе не ея суть?"

Онъ простился со старой женщиной и пошелъ по направленію къ городу; но по дорогѣ онъ остановился на вершинѣ холма и сталъ смотрѣть какъ садится солнце. Онъ сознавалъ въ себѣ чувство свободы и успокоенія, какихъ не испытывалъ никогда до этого времени; словно онъ перешелъ черезъ какія-то двери души и вступилъ на открытое мѣсто съ широкими далями, съ раскрывающимися во всѣ стороны горизонтами. Но это была холодная и печальная свобода, спокойствіе пустыни, какое долженъ испытывать человѣкъ, пережившій какимъ-то чудомъ изверженіе вулкана и сидящій въ одиночествѣ въ сожженной до тла пустынѣ, которая еще такъ недавно была полна жизни. Но чувство это принесло съ собой странное ощущеніе силы и ясности мысли.

Когда онъ стоялъ такимъ образомъ и думалъ, раздались шаги на тропинкѣ, и онъ обернулся, чтобы посмотрѣть кто идетъ. Шелъ знакомый ему человѣкъ; четыре года назадъ они встрѣтились; путникъ посѣтилъ проповѣдника и раскрылъ передъ нимъ душу, въ которой царили такой холодъ и такая мучительная пустота, словно безводная пустыня, бичуемая ледянымъ вѣтромъ. Человѣкъ этотъ былъ одинокъ; но онъ пришелъ не для того, чтобы нарушить это одиночество; онъ зналъ, что вся причина въ его собственной душѣ, но онъ не зналъ *какъ* бороться съ ней и пришелъ къ проповѣднику за совѣтомъ и помощью. Послѣдній былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ своей пылкой любви къ Богу и

къ человѣку, но ему не удалось помочь своему гостю. Они разстались, оба сознавая неудачу; желавшій помочь въ настроеніи разочарованномъ и огорченномъ, а приходившій за помощью въ состояніи мертвой покорности.

Теперь они снова встрѣтились и поздоровались, сѣли на возвышеніи холма и стали смотрѣть на заходящее солнце. Тишина заката царила надъ землей, вѣтеръ затихъ и лишь слабый крикъ какой-то птицы проносился надъ безплодной равниной. Они поговорили немного о разныхъ вещахъ, а затѣмъ сидѣли въ молчаніи. Прощаясь, проповѣдникъ спросилъ: „Вы живете здѣсь?"

Въ пустынѣ. Въ сообществѣ съ семью дьяволами, подумаете вы, можетъ быть, но вы ошибетесь: я одинъ.

— Такъ же какъ и я,—сказалъ проповѣдникъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Я думалъ, что вы живете въ городахъ. Мнѣ часто попадается ваше имя. Развѣ вы живете не среди людей?

— Да.

— Когда я въ послѣдній разъ видѣлъ васъ,—заговорилъ путникъ,—вы очень много говорили о любви. О любви къ Богу, о любви къ вашимъ братьямъ, о любви къ человѣчеству (конечно съ большой буквы), о любви къ тому, кто васъ училъ и направлялъ вашу душу. Вы чувствовали эту великую любовь, вы пламенѣли ею. Она охватывала васъ пожаромъ; развѣ не вѣрно?

— Вѣрно,—сказалъ проповѣдникъ, улыбаясь.

— Нужно думать, что вы все это чувствуете и теперь, но вы больше не говорите о любви.

— Я могу говорить и теперь, если вы пожелаете. То, что я говорилъ—правда, я увѣренъ въ этомъ и теперь; но вѣдь я не помогъ вамъ тогда, не правда ли?

— Нѣтъ, не помогли. Но вы помогли мнѣ теперь.

— Помогъ?—спросилъ проповѣдникъ съ удивленіемъ.—Какимъ образомъ?

— Я не знаю. Можетъ быть, *вы* это знаете? Я высказалъ вамъ, что мнѣ непонятно было, когда вы говорили о любви, о преклоненіи, о преданности Богу и человѣку.

— Ну, и что же?

— То, что я понялъ васъ теперь, когда сидѣлъ молча рядомъ съ вами. Я это почувствовалъ, какъ что-то живое внутри себя. Вамъ это не удалось тогда, а теперь удалось.

— Не думаю,—сказалъ проповѣдникъ, помолчавъ и съ выраженіемъ изумленія на лицѣ,—не думаю, чтобы это я заставилъ

васъ почувствовать, хотя можетъ быть вы и правы! Можетъ быть это былъ я, заставившій васъ почувствовать самого себя. Но если это такъ, не много же мы знаемъ о нашемъ „я“.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ другой собесѣдникъ, улыбаясь и вздыхая. —Мы не много знаемъ о немъ. Можетъ быть это „Сокровенная Жизнь“ М. Арнольда, или „безсознательная основа сознанія“ нѣкоторыхъ изъ нашихъ свободомыслящихъ психологовъ, или можетъ быть „сублиминальное я“? Но, несомнѣнно, есть нѣчто, что заставляетъ насъ чувствовать наличность этого я.

— Да, что-то есть,—подтвердилъ и проповѣдникъ.—Но тотъ фактъ, что оно есть, все равно, чувствуемъ мы его или не чувствуемъ, кажется для меня гораздо важнѣе.

— И вы, безъ сомнѣнія, правы,—сказалъ путникъ.— Прощайте. Могу я написать вамъ черезъ нѣсколько дней?

— Напишите.

И они пожали другъ другу руку и разстались. Проповѣдникъ подвигался медленно по потемнѣвшимъ холмамъ; одинъ разъ онъ обернулся и посмотрѣлъ въ ту сторону, откуда пришелъ: тамъ, надъ самымъ берегомъ моря, зажглась свѣтлая точка, но огонь былъ не достаточно великъ, чтобы освѣтить хижину, гдѣ жила старая вдова, лишившая себя огня и караулившая сигнальный огонь, чтобы по его указанію могли направляться къ берегу возвращавшіяся лодки.

Перев. съ англ. **Е. П.**

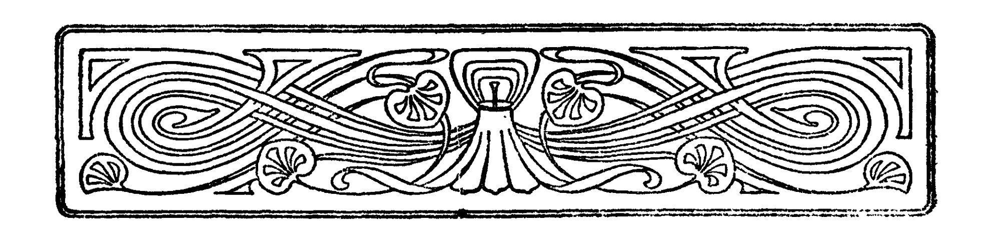
Раньше поучись, затѣмъ самостоятельно думай.

Каждаго, отъ котораго ты чему-нибудь научишься, чти какъ своего учителя.

Многому я научился отъ своихъ учителей, многому отъ своихъ товарищей, но больше всего я узналъ отъ своихъ учениковъ.

Какъ желѣзо точится о желѣзо, такъ и умы оттачиваются о другой.

(Изреченія изъ Талмуда).

Обозрѣніе Теософической литературы.

„Adyar-Bulletin“ даетъ художественный разсказъ Мая Хэѣ „Истинное милосердіе“, въ которомъ воинъ умираетъ, спасая жизнь своему врагу.

Э. Северсъ приводитъ извлеченія изъ спиритическихъ сообщеній, печатающихся въ журналѣ г. Стэда. Развоплощенный духъ „Юлія“ даетъ много интересныхъ указаній о загробной жизни. „Юлія“ утверждаетъ, что у дверей загробной жизни каждаго умершаго встрѣчаетъ свѣтлый посланникъ небесъ, который успокаиваетъ, утѣшаетъ, укрѣпляетъ развоплощеннаго и направляетъ его въ его новой обстановкѣ.

„Annales Théosophiques“ даютъ статью Г. Дешенъ „Теософія и Св. Францискъ Ассизскій“, очеркъ г-жи Ваддингтонъ о Друидизмѣ и статью М. Діэмеръ о Юліанѣ Отступникѣ.

Г. Дешенъ углубляется въ мистическую сторону біографіи великаго святого. Онъ разсказываетъ о его первыхъ видѣніяхъ, о его обращеніи и о его подвигахъ. Авторъ замѣчаетъ, что созданный имъ орденъ братьевъ и сестеръ далъ не мало выдающихся личностей міру. Извѣстно, что кромѣ монастырскаго своего ордена Св. Францискъ основалъ чрезвычайно любопытный Tiers-Ordre, къ которому могли примыкать міряне, оставаясь въ мірѣ. Мать Іоанны д'Аркъ принадлежала къ Tiers-Ordre.

Въ очеркѣ о Друидизмѣ г-жа Ваддингтонъ изучаетъ откровеніе Кельтовъ и указываетъ на синтетическій характеръ религіозныхъ ученій друидовъ. Друиды, потомки Халдеевъ и Индусовъ, несомнѣнно, обладали глубокимъ Эзотеризмомъ, который ясно выступаетъ при изученіи ихъ астрономическихъ таблицъ и замѣчательныхъ храмовыхъ построекъ. Вѣра въ единаго Бога, въ безсмертіе души и Эволюціи духовной путемъ многочисленныхъ во-

площеній составляла основу ихъ религіи, облеченной во многіе поэтическіе и своеобразные обряды. Авторъ указываетъ на уцѣлѣвшіе обрывки келтскихъ св. преданій въ „Генезисѣ Кимровъ" и въ знаменитыхъ „Тріадахъ" [1]) бардовъ. Очень интересенъ приложенный къ статьѣ „Тайный катехизисъ" друидовъ, свидѣтельствующій о глубокой духовности ихъ ученія.

Въ статьѣ „Юліанъ Отступникъ" М. Діэмеръ пытается доказать, что Юліанъ былъ убѣжденный мистикъ, посвященный въ древнія мистеріи и стремившійся къ самому возвышенному идеалу.

Шотландскій органъ „Theosophie in Scotland" даетъ маленькій очеркъ о Метерлинкѣ, въ которомъ Ж. Крауфорсъ видитъ безсознательнаго теософа, и интересную статью Р. Кристи, посвященную книгѣ Ф. Брукса „Евангеліе жизни". Ф. Бруксъ живетъ болѣе 10 лѣтъ въ Индіи и глубоко изучаетъ ея древнія Св. Писанія. Особенно много времени посвятилъ онъ Бхагаватъ-Гитѣ, нотой которой онъ считаетъ Лока-Санграха, т. е. мировой синтезъ, единеніе, братство. Онъ глубоко убѣжденъ, что древне-арійская „Пѣсня Господня" должна сыграть великую роль въ грядущемъ объединеніи Востока и Запада.

М. Паганъ призываетъ къ изученію мировъ въ свѣтѣ Теософіи и указываетъ на особенно интересную для насъ миѳологію Орфигическую, въ ея сокровенномъ значеніи.

„Theosophie" (нѣмецкій журналъ) даетъ статью Р. Эриксена „Теософія и искусство", неизданное письмо Е. П. Блаватской и статью М. Юдзена „Характеръ теософической работы".

М. Юдзенъ опредѣляетъ теософическую работу какъ альтруистическую по существу. Вступающій въ Теософическое Общество прежде всего думаетъ о томъ, чтобы давать, а не о томъ, чтобы брать, и эта мысль окрашиваетъ все настроеніе теософа. Вторая черта, говоритъ авторъ, глубокое чувство солидарности, которое должно найти себя въ осуществленіи истиннаго братства. Третья черта—пониманіе всего значенія внутренней работы человѣка надъ самимъ собою, безъ которой онъ будетъ теософомъ только по имени. И, наконецъ, безкорыстіе, стремленіе не ждать никакой награды, никакой пользы для себя, готовность неустанно работать, не пожиная никакихъ видимыхъ результатовъ на физическомъ планѣ.

Въ статьѣ „Теософія и Искусство" Р. Эриксенъ проводитъ мысль, что истинное искусство черпаетъ свое вдохновеніе въ са-

---

[1]) Смотри В. Т., декабрь 1910 г.

момъ Источникѣ жизни и потому не можетъ довольствоваться болѣе или менѣе удачными воспроизведеніями дѣйствительности; истинное Искусство, отражая въ себѣ Божественную Красоту, непремѣнно должно ставить идеалы, которые человѣчество, созерцая, будетъ претворять въ себя и къ которымъ будетъ стремиться.

Американскій Вѣстникъ „Teosophie Messenger" даетъ статью К. Жинарадзи о началахъ 5-ой (арійской) расы. Къ статьѣ прибавлено добавленіе о монгольскомъ вліяніи, Ч. Ледбитера, который утверждаетъ, что кровь Монголовъ имѣетъ широкое распространеніе въ мірѣ черезъ колонизацію, ссылку и эмиграцію. Такимъ образомъ чистая арійская кровь встрѣчается рѣдко въ настоящее время.

В. Томпсонъ пишетъ объ „Отношеніи теософа къ самому себѣ и къ ближнимъ". Онъ напоминаетъ, что для вступленія въ Теософическое Общество нужно искреннее и глубокое признаніе братства человѣчества и настроеніе, полное милосердія и терпимости. Чисто интеллектуальныя знанія имѣютъ въ данномъ случаѣ второстепенное значеніе: самое главное—это потребность въ духовности, заставляющая человѣка серьезно работать надъ самимъ собою.

Въ статьѣ „Святость жизни" А. Кунъ говоритъ о божественной цѣнности каждой жизни не только человѣческой, но и всего, что живетъ въ Божьемъ мірѣ.

Статья X. разсматриваетъ древнегреческіе миѳы, въ особенности Иліаду и Одиссею, освѣщая ихъ теософическимъ міропониманіемъ.

Въ статьѣ „Только ли отшельникъ можетъ достигнуть духовности"? А. Леевъ указываетъ, что въ настоящее время не нужно бѣжать въ пустыню или монастырь, чтобы вести высшую жизнь: Теософія учитъ, какъ построить въ сердце своемъ монастырь и какъ жить мірянину жизнью духовнаго человѣка.

Въ статьѣ „Оккультизмъ и молитва" авторъ, В. Г., тонко разбираетъ разнаго рода молитвы и останавливается на высшемъ типѣ ея, непрестанной созерцательности Учителя и Славы Божьей, устремленіи на Цѣли вѣчныя и исканія Свѣта. Такой молитвой исполнена вся жизнь истиннаго теософа.

Статья Е. Эрлъ „Теософія и реформа въ музыкѣ" говоритъ о значеніи красоты для духовнаго развитія человѣка, въ особенности о значеніи музыки. Группа теософовъ въ Лосъ Ангелесъ взяла на себя знакомить широкую публику съ выдающимися му-

зыкальными произведеніями; съ этою цѣлью она спеціально изучаетъ музыку Вагнера и устраиваетъ серію общественныхъ концертовъ.

„Bolletino della Societa Teosofica Italiana“ даетъ статью М. Русполи „О значеніи Адіара для теософовъ“ и статью Г. Генрики „О соціальной реформѣ“. Въ этой послѣдней статьѣ авторъ указываетъ на схему будущаго общественнаго строя, какъ онъ вырисовывается въ книгахъ А. Безантъ, и дѣлаетъ интересныя сближенія съ мыслями знаменитаго итальянскаго дѣятеля Маццини. Соціальный строй будущаго будетъ въ гармоніи съ новымъ духовнымъ сознаніемъ, которому суждено раскрыться въ человѣчествѣ.

„Theosophy in Australasia“ даетъ конецъ статьи „О десяти заповѣдяхъ“ Д. В. Б. Четвертую заповѣдь авторъ толкуетъ, какъ отдаваніе себя претворенію накопленнаго опыта въ теченіе циклическаго отдыха Пралайи.

Пятая заповѣдь велитъ чтить намъ небесныхъ своихъ родителей, тѣ духовныя іерархіи, черезъ которыя наши души зажглись искрой Огня божественнаго.

Шестая заповѣдь предписываетъ священно чтить жизнь и радость жизни, ибо можно убивать жизнь не только мечомъ, но и горькой улыбкой, злымъ словомъ, грубой лаской.

Седьмая заповѣдь напоминаетъ намъ о дѣвственной чистотѣ нашей души, которую мы должны бережно охранять отъ нечистыхъ помысловъ и чувствъ.

Восьмая заповѣдь говоритъ о вѣрности, цѣльности. Всякая уступка требованіямъ низшаго я есть кража у Высшаго.

Девятая заповѣдь учитъ насъ безусловной правдѣ. Пока мы волнуемся и гнѣваемся, мы не можемъ быть честными свидѣтелями своихъ ближнихъ.

Десятая заповѣдь учитъ насъ полному безкорыстію, отреченію отъ всѣхъ желаній. Авторъ резюмируетъ свой анализъ такъ:

I.—Признай Единую Жизнь.
II.—Скинь оковы формъ.
III.—Стремись къ чистотѣ.
IV.—Чти циклическій законъ.
V.—Чти всѣ законы своей сложной жизни.
VI.—Не мѣшай горѣть пламени.
VII.—Познавъ цѣлое, не поклоняйся части.
VIII.—Служи безкорыстно.
IX.—Будь вѣренъ до конца.
X.—Думай только о своемъ долгѣ.

Родился новый теософическій журналъ въ Берлинѣ „Общитель“. Онъ имѣетъ отдѣлъ хроники движенія, обозрѣніе теософической литературы, библіографическій отдѣлъ и даетъ извлеченія изъ Тайной Доктрины Е. Блаватской.

Первый № сообщаетъ о первыхъ лѣтнихъ курсахъ Теософіи въ Болгаріи, которые будутъ имѣть мѣсто въ Варнѣ. Программа ихъ слѣдующая:

1. Основныя начала философіи.
2. Исторія философіи.
3. Естествознаніе и Теософія.
4. Теософія во всемірной литературѣ (отъ древне-индусской и до нашихъ дней).
5. Исторія мистическихъ движеній.
6. Сравнительное изученіе религій.
7. Теософія.
8. Невидимое во всеобщей литературѣ.
9. Математика и Теософія (IV измѣреніе).
10. Теософія въ отраженіи древней поэзіи.

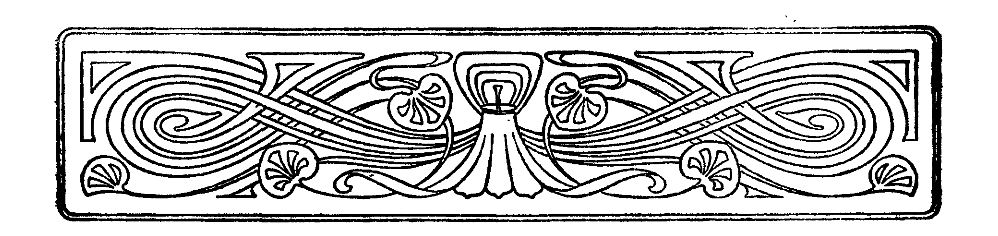
Alba.

Не впусти заботу въ твое сердце, ибо она убила уже многихъ.

Если тебѣ кто скажетъ: Я искалъ ее (мудрость) и не обрѣлъ—не вѣрь; я не искалъ и обрѣлъ—не вѣрь; я искалъ и обрѣлъ—вѣрь.

Семь качествъ украшаютъ мудреца. Онъ никогда не беретъ первый слова, если есть болѣе достойный, онъ никого не перебиваетъ, онъ не отвѣчаетъ необдуманно, онъ спрашиваетъ и отвѣчаетъ дѣльно, онъ обсуждаетъ одинъ вопросъ за другимъ, по порядку, если онъ не знаетъ, онъ прямо сознается: я не знаю, и самъ сознаетъ свои ошибки. Все противуположное этимъ качествамъ мы находимъ у глупца.

(Изреченія изъ Талмуда).

Хроника Теософическаго движенія.

═ Ко дню Бѣлаго Лотоса *, 25 апрѣля ст. ст., Президентъ Теософическаго Общества, А. Безантъ, пріѣзжаетъ въ Европу. Май она проведетъ въ поѣздкахъ по Великобританіи. Іюнь и часть іюля она будетъ читать лекціи въ Лондонѣ. Въ сентябрѣ она будетъ предсѣдательствовать на международномъ конгрессѣ въ Генуѣ, а затѣмъ она поѣдетъ снова въ Индію.

═ Лекціи д-ра Р. Штейнера въ Финляндіи не состоялись и откладываются на неопредѣленное время.

═ Въ апрѣлѣ въ Парижѣ основался новый Теософическій кружокъ, Ichchhâ (Воля), поставившій себѣ цѣлью изученіе Тайной Доктрины Е. Блаватской. Предсѣдательницей его состоитъ А. Гончарова.

═ Федерація Южныхъ теософическихъ кружковъ въ Англіи соберется въ этомъ году 19—20 мая въ Оксфордѣ, гдѣ недавно родился новый теософическій центръ.

═ Федерація Сѣверныхъ кружковъ въ Англіи соберется 24 мая въ Брэдфордѣ.

═ При Институтѣ имени Е. П. Блаватской, въ Гэль, открывается Пасхальный сезонъ лекцій. Подготовлена чрезвычайно интересная программа.

Въ четвергъ, 13 апрѣля, въ 8 час. 30 м. утра, пріемъ гостей.

Страстная пятница, 14 апрѣля, 11 ч. утра.—Лекціи: „Распятіе“, прочтетъ г. Лэзенби, „14 этаповъ крестнаго пути“—г. Дэнлопъ.

Суббота, 15 апрѣля, 11 ч. утра—„Психологія праздниковъ“—г. Лэзенби.

---

* День развоплощенія Е. П. Блаватской, названный такъ въ ея память по имени любимаго ея цвѣтка, символа чистоты и мудрости.

3 часа дня—„Истхаръ, Мать“—г. Лэзенби.

8 час. 30 мин. вечера—„О Тайной доктринѣ“—г. Лэзенби и г. Дэнлопъ.

Воскресенье, 16 апрѣля, 11 час. утра—Дѣтскіе кружки (Lotus circle).

11 час. 30 мин.—„Воскресеніе“—г. Лэзенби.

8 час. вечера—Чтеніе міровыхъ Св. Писаній, Катнопанишадъ и Новаго Завѣта—г. Лэзенби и г. Дэнлопъ.

Понедѣльникъ, 17 апрѣля, 11 час. утра—„О Психическихъ силахъ“—г. Лэзенби.

8 часовъ вечера—„О духовномъ развитіи“—г. Лэзенби и г. Дэнлопъ.

═ 18 марта, въ Москвѣ, А. Каменская прочитала публичную лекцію „Вопросы новаго воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры“.

═ 20 марта, въ 2 часа дня, состоялось очередное открытое собраніе Московскаго Отдѣла Р. Т. О-ва; П. И. Батюшковъ сдѣлалъ сообщеніе на тему „Законъ Кармы и перевоплощенія“.

═ 16 марта, въ СПБ., на очередномъ собраніи Р. Т. О-ва, въ помѣщеніи Женскаго Общества, членъ Совѣта, Ц. Л. Гельмбальдтъ прочла лекцію на тему „Основныя положенія Теософіи“.

═ На 3-й недѣлѣ поста въ Ростовѣ-на-Дону состоялись двѣ публичныя лекціи члена Р. Т. О-ва Е. М. Кузмина на темы Бѣгство отъ жизни“ и „Задачи новаго искусства“.

═ На очередномъ мартовскомъ открытомъ собраніи Калужскаго Отдѣла Р. Т. О-ва В. М. Лалетинъ сдѣлалъ сообщеніе „Сила мысли“; лекція была иллюстрирована многочисленными чертежами и рисунками и возбудила большой интересъ въ публикѣ.

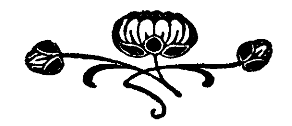
═ 25 марта въ помѣщеніи Женскаго Клуба въ Москвѣ А. В. Унковская прочла лекцію „Задачи искусства въ свѣтѣ Теософіи“. Лекція была иллюстрирована рядомъ музыкальныхъ картинъ.

═ 3 апрѣля въ Калугѣ, въ большомъ залѣ Дворянскаго Собранія, въ 2 часа дня, А. Каменская прочла публичную лекцію „Вопросы новаго воспитанія въ связи съ задачами духовной культуры“.

═ 14 апрѣля въ Калугѣ, на открытомъ собраніи, А. Каменская сдѣлала сообщеніе „Вопросы воспитанія въ свѣтѣ Теософіи“. За докладомъ послѣдовали пренія.

═ 20 апрѣля въ С.-Петербургѣ, въ помѣщеніи Женскаго Общества, состоялось послѣднее въ настоящемъ году очередное открытое собраніе Р. Т. О-ва. А. Каменская сдѣлала сообщеніе „Задачи воспитанія въ свѣтѣ Теософіи". За лекціей послѣдовали оживленныя пренія.

═ 25 апрѣля, въ день Бѣлаго Лотоса, состоялось послѣднее закрытое собраніе Р. Т. О-ва во всѣхъ отдѣлахъ О-ва, чѣмъ и закончилась работа этого сезона.

Люби трудъ и избѣгай честолюбія.

Человѣкъ замѣчаетъ всѣ слабости, только не свои.

Вынь сперва бревно изъ зубовъ твоихъ, а потомъ только говори ближнему: удали сучекъ изъ глаза твоего.

Кто стыдливъ, тотъ не легко грѣшитъ.

Стыдливость ведетъ къ богобоязни.

Дурная наклонность сперва гость, но если ты гостепріименъ, то она скоро станетъ хозяиномъ.

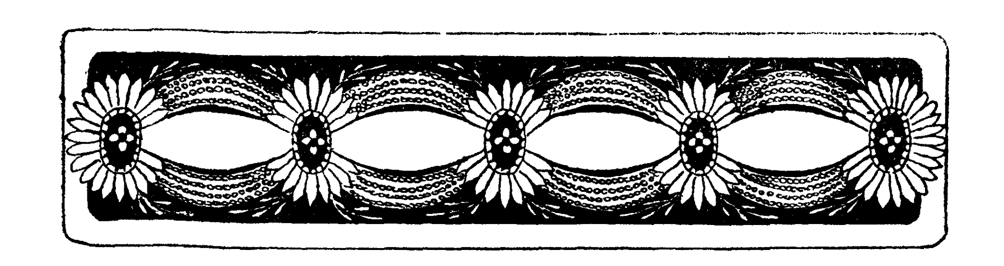
Дурная наклонность сперва тонка, какъ нить, но скоро дѣлается толста какъ возжа.

Твои одежды должны быть бѣлы во всякое время. Что это значитъ? Это относится къ чистотѣ души.

„Кайся въ день передъ смертью", такъ говорилъ рабби Эліазаръ въ кругу своихъ учениковъ. „Но развѣ мы знаемъ, когда умремъ?" спросилъ одинъ изъ учениковъ. „Поэтому, возразилъ рабби, человѣкъ долженъ ежедневно стараться объ своемъ усовершенствованіи".

Грѣшная мысль хуже грѣшнаго поступка.

(Изреченія изъ Талмуда).

Хроника жизни.

═ Памяти В. А. Караулова.—Умеръ В. А. Карауловъ, „красивая фигура нашего молодого народнаго представительства“. „Въ этой замѣчательной фигурѣ образованнаго человѣка,—говоритъ Струве въ своей статьѣ о немъ,—вѣрнаго церкви и церковной религiи и страстно любившаго политическую свободу и ея правовыя формы, воплотилась одна изъ роковыхъ загадокъ русской жизни... Развѣ не роковая загадка, полная огромнаго историческаго смысла, въ томъ, что этотъ русскiй революцiонеръ, побывавшiй на каторгѣ и въ Шлиссельбургѣ, былъ органическимъ консерваторомъ?“

Извѣстны знаменитыя слова, которыми Карауловъ отвѣтилъ священнику Вераксину, обозвавшему его каторжаниномъ: „Да, почтенный отецъ, я—каторга, я былъ каторжнымъ и съ бритой головой и съ кандалами на ногахъ, я мѣрилъ безконечную Владимiрку. Я мѣрилъ ее за то, что въ свое время смѣлъ желать и говорить о томъ, чтобы вы были собраны въ этомъ собранiи... И то, что я былъ каторжнымъ, составляетъ мою гордость на всю мою жизнь. Въ той могучей волнѣ, которая вынесла васъ въ эту залу, есть одна моя капля—капля моей крови и моихъ слезъ; она мала и незамѣтна, но я знаю ея существованiе, и это даетъ мнѣ поводъ оправдывать свое существованiе передъ Богомъ и людьми“. Вскорѣ послѣ опубликованiя манифеста 17 октября, когда правительство выражало готовность осуществлять его начала, Карауловъ, обращаясь къ лѣвымъ, имѣлъ мужество твердо сказать: „Если на одной сторонѣ будетъ конституцiонное правительство, осуществляющее начала манифеста, а на другой—вы со знаменемъ вооруженнаго возстанiя и диктатуры пролетарiата, я буду бороться противъ васъ въ рядахъ правительственныхъ войскъ...“ Не много было людей, которые рѣшались въ то время говорить такiя слова. И именно то,

что онъ, претерпѣвшій каторгу и ссылку, сталъ, когда надо было, въ ряды умѣренныхъ государственныхъ людей, не отвергая и не отрицая своего прошлаго, ярко освѣтило и его прошлую разрушительную работу, и его готовность отдать свои силы и жизнь новой творческой работѣ...

2 марта въ Петербургѣ состоялось засѣданіе религіозно-философскаго общества, посвященное памяти В. А. Караулова. Засѣданіе открылъ секретарь общества С. П. Каблуковъ, который, по порученію совѣта общества, сдѣлалъ слѣдующее заявленіе: „Дѣятельность В. А. Караулова, посвященная осуществленію дѣйствительной свободы вѣры и стяжавшая ему нелицемѣрное уваженіе и, скажу, славу среди огромнаго множества людей разнаго состоянія и разнаго умственнаго развитія, была не работой политика, защищающаго вѣротерпимость, какъ одинъ изъ принциповъ гуманистическаго міровоззрѣнія, а благочестивымъ дѣломъ подлинно религіознаго, вѣрующаго человѣка, который зналъ религіозную жизнь личнымъ внутреннимъ опытомъ, а не какъ результатъ изученія со стороны... О его смерти должна бы горевать и русская церковь, ибо онъ любилъ ее, жилъ мыслью о ея возрожденіи и остался ей вѣрнымъ до смерти. Умирая, онъ исповѣдалъ свою принадлежность къ церкви актомъ причащенія Св. Таинъ отъ православнаго священника. Правда и значеніе дѣятельности В. А. Караулова въ томъ, что онъ вѣрилъ и чувствовалъ, что настоящее обновленіе народной жизни возможно лишь на основѣ религіи, и что оно можетъ начаться лишь послѣ религіознаго раскрѣпощенія народа“. Затѣмъ говорили интересныя рѣчи членъ Государственной Думы священникъ І. П. Титовъ, П. Б. Струве, В. И. Ивановъ и А. В. Карташевъ.

═ В. Ф. Эрнъ прочелъ докладъ (въ Москвѣ, въ квартирѣ М. К. Морозовой) о жизни и личности Г. С. Сковороды, перваго русскаго философа. Сковорода жилъ такъ, какъ думалъ. Онъ былъ органически цѣлостенъ. Но цѣлостность Сковороды не идиллически-наивная, а трагическая. Онъ чувствовалъ міровой разладъ и тайныя слезы міра и искалъ выхода изъ хаоса своей природы. Искалъ распятія, чтобы внутренно воскреснуть, и въ своемъ внутреннемъ мірѣ нашелъ „Голгоѳу земли“. Въ послѣдній періодъ своей жизни Сковорода отвергнулъ готовое содержаніе жизни и создалъ свою жизнь изъ себя; началъ новую жизнь: аскетическую, странническую, сталъ нищенствующимъ носителемъ народной мудрости. Его стихи стали народными пѣснями. Умеръ онъ такъ, какъ жилъ. Твердо, безропотно, мудро. Самъ вырылъ себѣ могилу, перемѣнилъ бѣлье, помолился Богу, легъ и умеръ... Мистика его не церковная, а природная. Есть данныя, что онъ передъ смертью не думалъ о причастіи, причастился же, лишь не желая

оскорблять вѣрующихъ людей, его окружавшихъ. Въ Христѣ онъ видѣлъ Богочеловѣка. Вотъ одно изъ его мистически-темныхъ выраженій: „Послѣдняя сущность міра есть Приснодѣва Марія".

═ Въ помѣщеніи женскаго взаимно-благотворительнаго общества на собраніи членовъ Россійскаго теософическаго общества былъ прочитанъ докладъ „Объ основахъ теософіи".

Теософія есть обобщеніе принциповъ науки и религіи, понимаемой въ смыслѣ божественной мудрости, открытой божествомъ въ различныхъ религіяхъ міра. Въ періодъ колебанія вѣры и утраты здоровыхъ нравственныхъ началъ личной и общественной жизни теософія напоминаетъ объ утраченномъ, указываетъ пути къ его нахожденію и призываетъ къ источнику всякой жизни—Богу. Общее всѣхъ религій есть единство символовъ, скрывающихъ ихъ великія, но отвлеченныя истины; вотъ почему особенно важнымъ является сохраненіе обрядовъ и религіозныхъ обычаевъ старины, ибо подъ ихъ внѣшней формой скрыта истина. Наука утверждается на трехъ законахъ: сохраненія энергіи, причинности и эволюціи или развитія жизни. Тѣми же законами управляется психическая и духовная жизнь людей. Ни одинъ видъ энергіи будь это слово, мысль, намѣреніе, не исчезаетъ, каждая причина имѣетъ слѣдствіе; дурное желаніе, совершенный грѣхъ имѣютъ своимъ послѣдствіемъ зло и наказаніе, наконецъ духъ развивается и растетъ, и великіе свѣтильники вѣры—подвижники и святые свидѣтельствуютъ о духовной эволюціи психическаго міра. Познаніе этихъ законовъ есть долгъ каждаго человѣка, которое возможно черезъ самопознаніе, послѣднее же приводитъ къ познанію Бога. Существуютъ двѣ системы науки о развитіи духовныхъ силъ: хата іога и раджа іога; послѣдняя раскрываетъ пріемы и условія осуществленія задачи, являющейся долгомъ каждаго человѣка—развивать душевныя способности и нравственно совершенствовать себя во имя блага всѣхъ.

═ Въ Москвѣ 27 февраля въ залѣ общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія начался рядъ религіозно-философскихъ чтеній.

Первое чтеніе было предложено свящ. законоучителемъ Александровскаго лицея о. Поспѣловымъ о религіозныхъ шатаніяхъ нашей интеллигенціи. Интеллигенція ищетъ чего-нибудь остраго, захватывающаго, увлекательнаго и теперь увлекается оккультизмомъ и теософіей спиритизма.

От. Поспѣловъ подвергъ критикѣ теософическое ученіе.

Во II части о. Поспѣловъ указалъ на смыслъ и значеніе церковной анаѳемы.

Чтеніе слушалось съ большимъ интересомъ. Залъ и хоры были переполнены народомъ.

═ Собака, околѣвшая отъ страха.—Въ лабораторію одного изъ профессоровъ парижской медицинской школы надняхъ была доставлена собачка для опытовъ. Сидя въ углу лабораторіи и дрожа всѣмъ тѣломъ, она наблюдала страшныя мученія, которымъ подвергались другія подобныя ей собачки. Профессоръ былъ ревностнымъ сторонникомъ вивисекціи (производство опытовъ хирургическаго характера надъ живыми существами). Дошла очередь и до этой собачки. Ее положили на операціонный столъ, связали и– вдругъ замѣтили, что собачка не движется: она околѣла отъ разрыва сердца.

Проф. Хиртль пишетъ въ своемъ „Учебникѣ анатоміи человѣка": „Къ этимъ безсердечнымъ и безчувственнымъ экспериментаторамъ присоединяются еще гораздо болѣе опасные люди, которые на дюжинахъ собакъ изучаютъ всекозможныя операціи, съ намѣреніемъ повторить послѣднія при первой возможности, если животныя умираютъ не сейчасъ же подъ ножомъ, на страдающихъ туберкулезомъ или больныхъ ракомъ людей. Медицинскіе журналы приводили факты, отъ которыхъ волосы становились дыбомъ, а ученыя общества выслушивали эти ужасающія сообщенія, не высказывая никакого негодованія по поводу все увеличивающихся въ наше время хирургическихъ убійствъ".

═ Въ понедѣльникъ, 28 марта, въ с.-петербургскомъ религіозно-философскомъ обществѣ состоялось чтеніе и обсужденіе доклада Ѳ. А. Степпуна „Антиноміи мистической жизни (опытъ феноменологическаго анализа)". Тезисы доклада: 1) Феноменологическій анализъ религіознаго сознанія. Выясненіе трансцендентнаго и имманентнаго мотивовъ религіознаго сознанія. Формула ихъ антиномичности: религіозное осиливаніе міра, свершаемое посредствомъ волевого акта, понятія или образа, удаляетъ меня отъ постиженія Бога. Непосредственное постиженіе Его въ актѣ непосредственнаго сліянія съ Нимъ превращаетъ міръ въ абсолютную загадку, запрещая всякій творческій жестъ и всякій познавательный актъ. 2) Эккехартъ: а) Психологія Эккехарта: трансцендентный и имманентный мотивы ея; б) Метафизика Эккехарта: трансцендентный и имманентный мотивы ея; в) Побѣда имманентнаго мотива. Ея формула: мистическое переживаніе Эккехарта затопляетъ трансцендентность культурныхъ благъ и трансцендентность Бога. 3) Плотинъ. а) Имманентный мотивъ въ мистической концепціи Плотина; б) Трансцендентный мотивъ въ ней; в) Побѣда трансцендентнаго мотива. Его формула: сложная іерархія формъ, воздвигнутая Плотиномъ для постиженія міра какъ Божьяго, ложится вѣчной дистанціей между нимъ и Богомъ. 4) Сравненіе Эккехарта и Плотина и попытка

ихъ сліянія въ мистикѣ Рейнера и Рильке. а) Мистика Плотина какъ вечерняя заря античнаго реализма; б) Мистика Экхехарта какъ утренняя заря современнаго идеализма; в) Гегельянство какъ синтезъ реализма и идеализма; г) Теологизмъ Гегеля какъ путь примиренія въ мистикѣ Рильке имманентнаго и трансцендентнаго мотивовъ Экхехарта и Плотина. Трансцендентный Богъ какъ создатель. Трансцендентный Богъ какъ созданіе; д) Несостоятельность синтеза Рильке. Правда мистической жизни какъ метафизика страданія.

= Засѣданіе тифлисскаго религіозно-философскаго о-ва въ воскресенье, 13 февраля, посвящено было слушанію весьма интересной лекціи К. Х. Ломизе—„Двуединство человѣческаго духа" (новѣйшее теченіе въ психологіи).

Лекція г. Ломизе является развитіемъ основной идеи, высказанной имъ въ одной изъ своихъ предыдущихъ лекцій—„Двойственность природы человѣка", изданной религіозно-философскимъ о-вомъ отдѣльной брошюрой.

Переходя отъ этой лекціи къ настоящей, лекторъ началъ съ указанія несостоятельности школьной психологіи въ методѣ исканія души, состоящемъ въ анализѣ лишь сознательной области человѣческой психики.

Сознаніе нашего внѣшняго міра очень ограничено, такъ какъ внѣшній міръ дается нашему сознанію не непосредственно, подобно психическимъ нашимъ состояніямъ, а черезъ посредство внѣшнихъ чувствъ, и потому называемое нами внѣшнимъ міромъ—не что иное, какъ извѣстный комплексъ представленій о немъ.

Наше сознаніе является, съ точки зрѣнія эволюціонной теоріи, продуктомъ продолжительнаго біологическаго развитія, но еще болѣе позднимъ біологическимъ продуктомъ является самосознаніе, впервые появляющееся только въ человѣкѣ.

Какъ сознаніе, такъ и самосознаніе не исчерпываютъ своихъ объектовъ. Слѣдовательно, есть область, переходящая за предѣлы чувственнаго сознанія, какъ во внѣшнемъ мірѣ, такъ и во внутреннемъ. Въ этой послѣдней, сверхчувственной, области человѣкъ проводитъ болѣе трети своей жизни, находясь въ состояніи сна. Независимо отъ этого, начиная съ періода утробной жизни, многія явленія въ жизни человѣка проходятъ для него безсознательно: вся утробная жизнь, дальше—ростъ, питаніе, кровообращеніе, пищевареніе, сонъ и пр. Если возможны внѣ сознанія такія крайне важныя для нашей жизни явленія, то, слѣдовательно, центръ силы, управляющей нашею жизнью, долженъ лежать внѣ нашего чувственнаго сознанія.

Выясняя эту безсознательную область, г. Ломизе приходитъ къ заключенію, что въ человѣческой индивидуальности два лица: лицо зем-

ное, эмпирическое, чувственно-сознательное, психическія функціи котораго находятся въ связи съ отправленіями тѣлесныхъ органовъ его, и лицо сверхземное, трансцендентальное, сверхчувственно-сознательное, не находящееся въ своихъ функціяхъ въ такой зависимости отъ отправленій человѣческаго тѣла.

Эти положенія г. Ломизе подтвердилъ ссылками на Св. Писаніе и на авторитеты науки, какъ-то: проф. Ш. Риме, О. Лоджа, Ф. Майерса, У. Джемса, проф. Дю-Прель, Влад. Соловьева, проф. С. Трубецкого, проф. А. Козловскаго, психолога Н. Лосскаго и др., при чемъ, кромѣ мнѣній этихъ ученыхъ, привелъ факты изъ области наблюденій и произведенные ими опыты, подтверждающіе высказанныя имъ въ своей лекціи положенія.

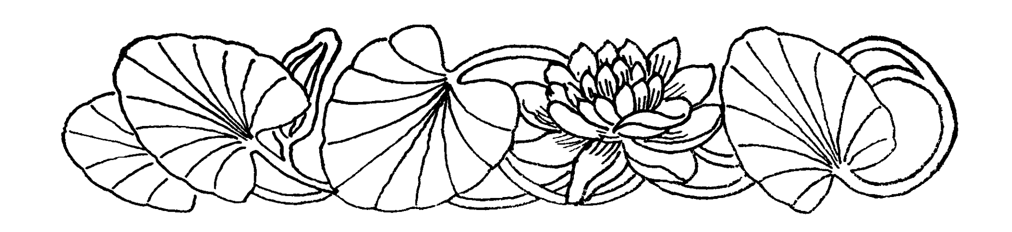
= Во Франціи, помимо союза спиритуалистовъ, основана новая секта спиритовъ-христіанъ, уже имѣющая многихъ приверженцевъ въ Бельгіи, Швеціи и Голландіи. Цѣль этой секты „бороться съ атеизмомъ и матеріализмомъ при уваженіи ко всѣмъ вѣрамъ". Спириты-христіане утверждаютъ, что они ничего не имѣютъ противъ существующихъ церквей, такъ какъ работаютъ „въ высшей области". Черезъ газету „Matin" они обращаются ко всѣмъ интересующимся спиритизмомъ: „Наканунѣ новыхъ спиритическихъ проявленій въ различныхъ пунктахъ земного шара, проявленій сенсаціонныхъ, весьма превосходящихъ всѣ извѣстныя до сихъ поръ явленія, группа новыхъ христіанъ считаетъ своимъ долгомъ увѣдомить общество, что занятія спиритизмомъ сопряжены съ большими затрудненіями, а иногда и съ большою опасностью. Имъ слѣдуетъ предаваться лишь съ самыми благородными намѣреніями и любвеобильнымъ сердцемъ. Проявленіе подсознательнаго, раздвоеніе личности, телепатія, галлюцинаціи и особенно безчисленные самообманы—таковы ловушки, окружающія истинный спиритизмъ; наконецъ, повсюду имѣются духи-обольстители. Опредѣлять ли ихъ какъ нѣкія сущности, состоящія изъ непрерывно излучаемаго людьми потока мыслей, или приписывать имъ иное происхожденіе, но они существуютъ. И лишь молитва и чистота души могутъ охранить отъ нихъ. Существуетъ дурной спиритизмъ и хорошій спиритизмъ (черная и бѣлая магія), какъ существуетъ хорошая и дурная церковь, хорошее и дурное правительство и т. д. Спиритизму суждено оказать человѣчеству большія услуги. Поэтому будемъ охранять его чистоту. Онъ объединитъ науку и религію и позволитъ намъ научно объяснить откровеніе и чудо. Поэтому не будемъ забывать, что добро притягиваетъ добро, а зло—зло, и законъ притяженія и отталкиванія существуетъ не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ мірѣ".

Н. Т.

— 17 апрѣля 1911 г. въ клубѣ Русскаго женскаго взаимно-благотворительнаго общества состоялось чествованіе А. П. Философовой по случаю 50-лѣтія ея общественной дѣятельности. По этому поводу Совѣтъ Россійскаго Теософическаго Общества вручилъ А. П. Философовой нижеслѣдующій адресъ:

Дорогая и глубокоуважаемая
Анна Павловна.

Въ этотъ важный для насъ всѣхъ, любящихъ и почитающихъ Васъ, день, который отмѣчаетъ полвѣка Вашей благородной и благотворной дѣятельности, мы не можемъ не остановить своего внутренняго взора на Вашей душѣ, давшей всѣмъ намъ столько свѣта и тепла. Сегодня мы чествуемъ въ Васъ не только большого общественнаго дѣятеля, участвовавшаго въ созданіи столькихъ прекрасныхъ начинаній, но и дорогую для всѣхъ насъ русскую женщину, чуткимъ сердцемъ своимъ отзывавшуюся всегда на все, чѣмъ скорбѣлъ русскій народъ и о чемъ мечтали лучшіе люди нашего времени. Вы пережили Крымскую войну, паденіе крѣпостного права, реформы 60-хъ годовъ, новую эру въ области образованія русской женщины; Вы были иниціаторомъ того важнаго движенія освобожденія женщины, которое недавно увѣнчалось первымъ всероссійскимъ женскимъ съѣздомъ. Съ этой стороны Васъ знаетъ хорошо русское общество и глубоко чтитъ Васъ. Но мы, примкнувшіе къ міровому теософическому движенію, знаемъ Васъ еще съ иной стороны. Вы дороги намъ какъ духовный человѣкъ, живущій глубокорелигіозною внутреннею жизнью, бывшею для Васъ всегда тѣмъ живымъ источникомъ, изъ котораго рождались Ваша сила и Ваше вдохновеніе. Она же привела Васъ къ Теософіи, ставящей идеаломъ жизни трудъ для другихъ, исполненной дѣятельной любви. Мы гордимся, что Вы, наша дорогая, свѣтлая Анна Павловна, вступили въ Совѣтъ Р. Т. О-ва и состоите нашей вице-предсѣдательницей съ самаго начала нашей дѣятельности. Мы радуемся, что имѣемъ счастье работать съ Вами, дѣля съ Вами нашу радость и наши испытанія въ томъ дѣлѣ духовнаго объединенія, которому суждено сыграть великую роль въ Россіи, ибо душа нашего народа таитъ въ себѣ задатки духовнаго творчества, но ростъ духовнаго самосознанія и творчества только тогда можетъ итти нормально, когда каждая отдѣльная душа, подобно Вашей индивидуальности, будетъ проникнута идеей Духовности, понимаемой въ смыслѣ служенія всему человѣчеству безъ различія расовыхъ, вѣроисповѣдныхъ, національныхъ и другихъ особенностей, заслоняющихъ собою ту Единую Сущность, которая живетъ въ каждомъ созданіи.

Изъ газетъ и журналовъ.

Въ газетѣ „Русскія Вѣдомости“ А. Хирьяковъ приводитъ свои воспоминанія о Л. Н. Толстомъ. Левъ Николаевичъ живо интересовался переселеніемъ духоборовъ въ Канаду. Оно радовало его, потому что переселившіеся люди избавлялись отъ гоненій, и пугало его: „эти люди, —говорилъ онъ, —геройски перенесли гоненія и вышли они изъ этого испытанія бодрыми и сильными, но меня пугаетъ, какъ они вынесутъ богатство“. Оно, по мнѣнію Льва Николаевича, могло дурно отразиться на ихъ духовномъ развитіи и кромѣ того ему было жалко, что Россія лишалась въ лицѣ ихъ своихъ лучшихъ сыновъ. Съ большимъ волненіемъ Левъ Николаевичъ разсказывалъ Хирьякову объ одномъ духоборѣ, находившемся въ ссылкѣ въ Якутской области и посланномъ своими товарищами къ Веригину, ихъ духовному вождю, который былъ въ ссылкѣ въ Обдорскѣ. Съ письмомъ же отъ Веригина онъ долженъ пробраться на Кавказъ. И вотъ когда онъ прибылъ на Кавказъ, то засталъ своихъ единовѣрцевъ въ самомъ разгарѣ переселенческихъ сборовъ. Якутскому гонцу оставалось сдѣлать одинъ шагъ, и онъ очутился бы въ кругу своихъ родныхъ и близкихъ, а тамъ предстояла свободная, радостная жизнь въ свободной странѣ... Здѣсь голосъ Льва Николаевича задрожалъ: „И онъ все-таки вернулся, вернулся къ своимъ товарищамъ въ Якутскую область... Какіе это люди“!..

Дальше Хирьяковъ приводитъ примѣръ вліянія на людей статей Льва Николаевича. На островѣ Явѣ начальникомъ мѣстной полицейской стражи былъ одинъ малаецъ. Когда на этомъ островѣ произошло возстаніе мѣстнаго населенія, то во главѣ карательнаго отряда былъ поставленъ этотъ малаецъ. Какъ разъ въ это время онъ читалъ „Царствіе Божіе внутри насъ“. Книга произвела на него огромное впечатлѣніе, но онъ всё же не рѣшился уклониться отъ этого порученія. Желая испытать путь мирныхъ переговоровъ, онъ послалъ къ предводителямъ возставшихъ деревень гонцовъ съ предложеніемъ явиться къ нему для объясненій; ему отвѣтили, что пусть онъ самъ придетъ ночью въ назначенное время въ такое - то мѣсто въ лѣсу. И вотъ ночью

среди тропическаго лѣса появилась толпа вооруженныхъ туземцевъ и нашла тамъ одного человѣка безъ свиты, безъ охраны и безъ оружія, лишь съ одною книгою Толстого. Это произвело потрясающее впечатлѣніе на возставшихъ... Начались мирные переговоры и черезъ нѣсколько дней возстаніе прекратилось... но правительство сдѣлало малайцу строжайшій выговоръ за подрывъ престижа власти.

═ Въ „Вегетаріанскомъ Обозрѣніи" было напечатано письмо студента Бориса Манджоса къ Толстому и его отвѣтъ на это письмо. Въ письмѣ—удивительномъ по своей искренности и выраженію любви къ Льву Николаевичу, совершенно незнающему его автора—послѣдній умоляетъ Толстого сдѣлать безсмертный шагъ: отказаться отъ графства, раздать имущество роднымъ и бѣднымъ, остаться „безъ копѣйки денегъ и нищимъ пробираться изъ города въ городъ"... „Скажите правду своими старческими устами,- такъ кончается письмо,—и это будетъ послѣднее Ваше слово и каждая буква его скажетъ въ милліонъ разъ больше, чѣмъ всѣ ваши старыя сочиненія"...

А вотъ отвѣтъ Льва Николаевича:

„Ваше письмо глубоко тронуло меня. То, что Вы мнѣ совѣтуете сдѣлать, составляетъ завѣтную мечту мою, но до сихъ поръ сдѣлать этого не могъ. Много для этого причинъ (но никакъ не та, чтобы я жалѣлъ себя); главная же та, что сдѣлать это надо никакъ не для того, чтобы подѣйствовать на другихъ. Это не въ нашей власти и не это должно руководить нашею дѣятельностью. Сдѣлать это можно и должно только тогда, когда это будетъ необходимо не для предполагаемыхъ внѣшнихъ цѣлей, а для удовлетворенія внутренняго требованія духа, когда оставаться въ прежнемъ положеніи станетъ такъ же нравственно невозможно, какъ физически невозможно не кашлять, когда нѣтъ дыханія. И къ такому положенію я близокъ и съ каждымъ днемъ становлюсь все ближе и ближе.

То, что Вы мнѣ совѣтуете сдѣлать: отказъ отъ своего общественнаго положенія, отъ имущества и раздача его тѣмъ, кто считалъ себя въ правѣ на него расчитывать послѣ моей смерти, сдѣлано уже болѣе 25 лѣтъ тому назадъ. Но одно, что я живу въ семьѣ съ женою и дочерью въ ужасныхъ, постыдныхъ условіяхъ роскоши среди окружающей нищеты, не переставая все больше и больше мучитъ меня, и нѣтъ дня, чтобы я не думалъ объ исполненіи Вашего совѣта. Очень, очень благодарю Васъ за Ваше письмо. Письмо это у меня будетъ извѣстно только одному человѣку. Прошу Васъ точно такъ же не показывать его никому".

═ Въ томъ же журналѣ приводятся слова Толстого о „Безубойномъ питаніи": „Совершенно справедливо, что, можетъ, быть трудно удержаться отъ убійства для защиты или для прокормленія себя или дру-

гихъ, справедливо и то, что трудно воздержаться отъ убійства гадовъ и совсѣмъ невозможно удержаться отъ уничтоженія жизни насѣкомыхъ. Все это справедливо, но дѣло въ томъ, что всякая нравственная дѣятельность, въ сущности даже единственная разумная цѣль жизни человѣка, состоитъ никакъ не въ полномъ достиженіи „совершенства", а въ „совершенствованіи", т. е. во все большемъ и большемъ приближеніи къ совершенству. Полное совершенство есть свойство только Бога, свойство же человѣка есть приближеніе къ совершенству. И потому разсужденіе о томъ, что если мы не можемъ никогда быть свободными отъ убійства, то и заповѣдь „не убій" не можетъ быть нравственнымъ руководствомъ—такое разсужденіе совершенно неправильно и есть обманъ или грубое заблужденіе. Какъ во всякой нравственной дѣятельности, такъ и въ слѣдованіи заповѣди „не убій" не можетъ быть и рѣчи о достиженіи полнаго совершенства, а дѣло только въ томъ, чтобы какъ можно больше приближаться къ нему: какъ можно меньше убивать сначала самыхъ близкихъ къ себѣ существъ—людей, потомъ менѣе близкихъ къ себѣ, но все-таки возбуждающихъ въ насъ чувство состраданія—животныхъ, потомъ насѣкомыхъ, потомъ даже и растеній. Чѣмъ дальше уйдетъ человѣкъ по этой лѣстницѣ сочувствія къ другимъ существамъ, тѣмъ лучше и другимъ существамъ и самому человѣку".

= Въ „Ребусѣ" напечатанъ отрывокъ изъ статьи профессора Челпанова о Джемсѣ какъ психологѣ. Джемсъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ значеніе такъ-называемаго „сублиминальнаго" сознанія, т. е. того, что обыкновенно называютъ сферой безсознательной жизни. Въ этомъ сознаніи могутъ совершаться психическіе процессы, которые протекаютъ незамѣченными и которые только впослѣдствіи всплываютъ въ сознаніи въ готовомъ видѣ и кажутся тогда совершенно непонятными. Многіе факты религіозной жизни объясняются при помощи сублиминальнаго сознанія. Основанія для духовной перемѣны совершаются въ подсознательной сферѣ; накопляется матеріалъ, который приводитъ къ тому результату, который мы называемъ „обращеніемъ", при этомъ субъектъ въ этомъ процессѣ чувствуетъ себя пассивнымъ, перемѣна въ немъ происшедшая, кажется ему происшедшей подъ воздѣйствіемъ внѣшней силы. Въ сублиминальномъ же сознаніи возникаютъ всѣ наши мистическіе опыты; оно же является источникомъ религіознаго постиженія Божества... Всѣ явленія медіумизма, спиритизма и т. п.—а „серьезное изученіе этихъ феноменовъ транса является одной изъ величайшихъ нуждъ психологіи"—служили для Джемса основой для различныхъ психологическихъ построеній; между прочимъ, факты этого порядка приводятъ его къ построенію теорій объ отношеніи между душой и тѣломъ, о безсмертіи души и т. п., и Джемсъ предлагаетъ теорію

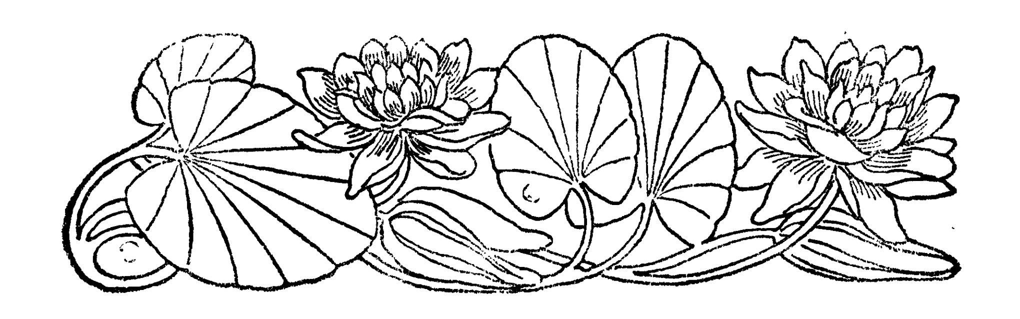
„пропусканія" (transmissior theory, „проведенія") психическихъ со ояній, которая, по его мнѣнію, объясняетъ всѣ явленія. По этой теоріи тѣло есть только проводникъ психическаго. Психическое существуетъ независимо отъ тѣла. Въ трансцендентномъ мірѣ существуетъ обширное сознаніе, по отношенію къ которому наше сознаніе является частію и съ которымъ оно непрерывно связано. И если такимъ образомъ признать, что матерія не только не производитъ сознанія, а, напротивъ, служитъ только для того, чтобы ограничивать его, если сознаніе въ извѣстномъ смыслѣ есть независимое перемѣнное, то само собою понятно, что „жизнь души можетъ продолжаться въ то время, когда мозгъ уже умеръ", другими словами: признается безсмертіе души... Джемсъ утвердилъ убѣжденіе въ томъ, что психологія именно есть наука о феноменахъ сознанія, благодаря чему ограниченіе психологіи отъ смежныхъ наукъ дѣлается все болѣе и болѣе отчетливымъ: проводится рѣзкая грань между психологіей и физіологіей, какъ и между психологіей и метафизикой.

═ Въ статьѣ „Самобытное творчество" (газета „Русское Слово") Г. Петровъ говоритъ о творчествѣ тѣхъ людей, которымъ стало „тѣсно въ старыхъ, издавна уже установившихся формахъ церковнаго общенія", и которыхъ теперь такъ много-много. Въ этихъ людяхъ уже выросло сознаніе своей личности, они уже перестали быть слѣпыми, безсознательными частицами большого, общаго церковнаго тѣла, за которое думали и рѣшали ксендзы, патеры, пасторы, духовные, канклавы, консисторіи, синоды; они хотѣли думать, понимать сами и чувствовали неодолимую потребность самимъ проявить свою личность, лично творить, творить свою вѣру, свою правду, свои взгляды на жизнь и на отношенія къ людямъ... И однимъ изъ видовъ этого творчества, говоритъ онъ, являются религіозныя броженія и религіозныя исканія народныхъ массъ, то въ видѣ созданія разныхъ общинъ, то въ видѣ послѣдователей „братцевъ"... Такъ какъ жизнь не терпитъ застоя и если творчества нѣтъ „общаго", то оно станетъ проявляться частично, судорогами здѣсь, тамъ, въ третьемъ мѣстѣ.

═ Въ газетѣ „Русское Слово" Д. Философовъ въ статьѣ „Мечты высокопоставленнаго аббата" говоритъ о братѣ саксонскаго короля, аббатѣ Максѣ, который поднялъ въ католическомъ мірѣ цѣлую бурю, заговоривъ о соединеніи православнаго Востока съ Римомъ: вѣдь раздѣленіе церквей есть фактъ не мистическаго, а историческаго порядка, разъ оно произошло въ исторіи, то почему же въ исторіи не можетъ произойти и возсоединеніе церквей?... Максъ саксонскій, родившійся въ 1870 г., еще во времена Льва XIII, бросилъ военную службу, придворную жизнь и сдѣлался католическимъ аббатомъ. Удалившись отъ міра,

Максъ занялся исторіей церкви и завоевалъ себѣ репутацію проповѣдника и ученаго. Его статья въ журналѣ „Римъ и Востокъ“ произвела громадное впечатлѣніе. Рядъ энцикликъ Пія X только-что сурово осудилъ модернистовъ и съ новой силой утвердилъ авторитетъ папской власти, и вдругъ—видный ученый, братъ коронованной особы, любимецъ Льва XIII, кандидатъ въ епископы, человѣкъ громаднаго нравственнаго авторитета подрываетъ самыя основы папской власти, утверждаетъ, что главная причина раъединенія церквей—узурпація со стороны папъ верховнаго авторитета въ церкви... Книга была изъята изъ продажи, но важно то, что католическое духовное лицо ставитъ главнымъ условіемъ соединенія церквей отказъ папы отъ своего абсолютизма, признаніе римскаго первосвященника лишь первымъ среди равныхъ. Но если соединеніе церквей и возможно, говоритъ Философовъ, то начинаться оно должно снизу, а не сверху; кто хочетъ соединенія церквей, тотъ долженъ обращаться къ сознанію отдѣльныхъ вѣрующихъ, составляющихъ ткань церкви, а не къ церковнымъ организаціямъ, но, тѣмъ не менѣе, выступленіе Макса саксонскаго — большое событіе въ современной церковной жизни. Формально папа восторжествуетъ. Авторъ нашумѣвшей статьи уже принесъ повинную. Журнальчикъ, издающійся гдѣ-то въ маленькомъ итальянскомъ монастырѣ, по вѣковымъ традиціямъ сохранившемъ связь съ православнымъ Востокомъ, будетъ прекращенъ. Но это побѣда чисто внѣшняя, и, по мнѣнію Философова, папа Пій X, повидимому, долженъ выполнить какую-то особую, провиденціальную роль, довести церковь до трагической катастрофы... Далѣе Философовъ касается „русской“ стороны вопроса. Онъ говоритъ, что и у насъ положеніе культурныхъ вѣрующихъ очень трагично, и какъ характерный примѣръ этого беретъ Владиміра Соловьева, пережившаго тяжелую религіозную драму. Истинный христіанинъ, вѣрующій изъ вѣрующихъ, онъ четыре года лишенъ былъ возможности причащаться въ родной церкви и въ 1896 году тайно перешелъ въ католичество, что не помѣшало ему въ 1900 году, наканунѣ смерти, принять Св. Дары изъ рукъ православнаго священника. Въ 1892 году онъ писалъ В. Розанову: „...я считалъ и считаю нужнымъ указывать на положительное значеніе Самимъ Христомъ положеннаго камня церкви, но я никогда не принималъ его за самую церковь, фундамента не принималъ за цѣлое зданіе. Я такъ же далекъ отъ ограниченности латинской, какъ и отъ ограниченности византійской, или аугсбургской, или женевской. Исповѣдуемая мною религія Св. Духа шире“. Эти слова пророческія: Соловьевъ утверждалъ правду той и другой, но считалъ ихъ лишь фундаментомъ грядущей вселенской церкви.

Н. Т.

Научное обозрѣніе.

По поводу шума.

Надняхъ было отмѣчено въ печати, что въ своей лекціи о „психологіи шума“, недавно читанной въ Вѣнѣ, профессоръ Лессинъ высказалъ мысль, что люди нынѣшней эпохи не умѣютъ жить тихо, что они производятъ много шума и этимъ обрекаютъ самихъ себя и своихъ ближнихъ на раннюю смерть. Извѣстно, что Шопенгауэръ, Вагнеръ и Маркъ Твэнъ были убѣжденными врагами шума; американскій писатель даже пропагандировалъ среди школьниковъ идею борьбы съ нимъ. На зредъ шума обратили вниманіе и въ Японіи. Наконецъ, въ Америкѣ, въ Германіи и въ Англіи возникли цѣлыя организаціи, имѣющія цѣлью борьбу съ этимъ зломъ.

Хотя степень вліянія шума на нервную систему человѣка еще точно не измѣрена, однако, можно съ полнымъ правомъ предположить, что она велика и что въ виду прямого воздѣйствія шума на одинъ изъ чувствительнѣйшихъ органовъ чувствъ, къ тому же помѣщающагося въ непосредственной близости къ мозгу, онъ является причиной многихъ болѣзней нервнаго аппарата какъ у взрослыхъ горожанъ, такъ и у дѣтей.

Односторонне было бы говорить только объ уличномъ шумѣ; напрасный, безцѣльный, никакой необходимостью не вызываемый шумъ властно царитъ у насъ въ школѣ, въ семьѣ и въ общественныхъ учрежденіяхъ, и въ большинствѣ случаевъ его считаютъ явленіемъ нормальнымъ, проявленіемъ рѣзвости, свойственной дѣтскому возрасту, или же доказательствомъ горячаго, искренняго отношенія къ явленіямъ окружающей жизни у взрослыхъ. Съ одной

стороны шумныя рекреаціи, во время которыхъ дѣти съ неистовыми криками носятся по заламъ училищъ, а дома употребленіе комнатныхъ крокетовъ, теннисовъ, фальшивыхъ игрушечныхъ инструментовъ, раздражающихъ нѣжный слуховой аппаратъ, барабановъ, свистковъ, волчковъ, передвиженіе по комнатѣ лошадей и телѣжекъ на скрипучихъ колесахъ, „сочиненіе" собственныхъ пьесъ на фортепьяно принято относить къ естественнымъ проявленіямъ живости дѣтскаго возраста. Съ другой стороны не менѣе громкіе, горячіе споры взрослыхъ издавна считаются у насъ признакомъ искренности, отзывчивости, способности увлекаться и испытывать энтузіазмъ; мы такъ привыкли къ нимъ, что склонны смѣшивать самообладаніе съ апатіей, а человѣку сдержанному въ рѣчи и въ интонаціяхъ голоса приписывать расчетливость, осторожность или эгоистическій индифферентизмъ. Но это не все: общественная жизнь, со всѣми неприглядными сторонами даннаго времени, шумно врывается въ домашній очагъ въ видѣ тѣхъ же громкихъ, возбужденныхъ споровъ на политическія и иныя темы; за столомъ, въ гостиной (наши дѣти не привыкли довольствоваться дѣтской, какъ въ Англіи) родители и гости продолжаютъ свои бесѣды, ничуть не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей; послѣднія, минуя все очарованіе дѣтства, съ его интуитивной вѣрой въ существованіе иной земли, гдѣ нѣтъ ни разногласій, ни обидъ, гдѣ все едино, свѣтло и прекрасно, прямо выращиваются маленькими взрослыми, съ рѣзко развитымъ критическимъ чувствомъ и склонностью оспаривать каждое слово, каждый совѣтъ, каждое указаніе взрослаго. Передъ нѣжными, впечатлительными дѣтскими душами широко раскрываютъ двери земной дѣйствительности, ихъ рано знакомятъ съ сильными ощущеніями, причину и смыслъ которыхъ они поймутъ только много лѣтъ спустя. Кинематографы, скэтингъ-ринки, цирки, театры, сложныя игрушки, телефонъ, электрическіе звонки надъ кроватью—все это доступно большинству дѣтей нашего времени и всѣмъ этимъ они привыкли распоряжаться сами.

Но вернемся къ нашей исходной точкѣ. Въ Германіи было предложено бороться съ уличнымъ шумомъ извѣстными постановленіями, напр. запрещеніемъ употреблятъ на фабрикахъ рѣзкіе гудки и свистки. Теперь уже нашли возможнымъ замѣнить автомобильный и пароходный ревъ сиренъ болѣе мягкими звуками охотничьихъ рожковъ, а трубы конокъ легкими звонками.

Гораздо труднѣе бороться съ шумомъ, царящимъ, какъ полноправный хозяинъ, въ семьѣ и въ школѣ, ибо здѣсь его присут-

ствіе считается нормальнымъ и даже желательнымъ; принято думать, что школьныя перемѣны, сопровождаемыя криками, безцѣльной возней, негармоничными и некрасивыми тѣлодвиженіями, являются отдыхомъ, что дѣтскіе годы требуютъ проявленія тѣхъ началъ, которыя намъ общи со звѣринымъ царствомъ, что свободное развитіе личности заключается именно въ свободномъ проявленіи эмоцій и въ сильной интеллектуальный культурѣ, т. е. въ развитіи тѣхъ двухъ началъ, которыя какъ разъ наиболѣе рѣзко способствуютъ отчужденію одной личности отъ другой, вытекая непосредственно изъ культа своего „я", отмѣченнаго въ сознаніи, какъ центральная точка въ кругѣ вселенной. Поэтому-то чрезмѣрную шумливость никому не придетъ въ голову разсматривать какъ явленіе прежде всего эгостическаго характера; дѣти не привыкаютъ думать о другихъ, о сосѣдяхъ, о взрослыхь, о больныхъ или утомленныхъ людяхъ, нуждающихся въ отдыхѣ.

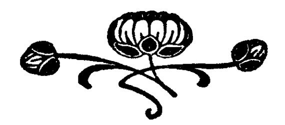
Тогда какъ въ западныхъ странахъ основные принципы групповой жизни давно вылились въ прочные обычаи, настолько укоренившіеся въ сознаніи каждаго ребенка самыхъ скромныхъ, по общественному положенію, родителей, что они (обычаи) давно утратили характеръ стѣсненій, у насъ на нихъ еще смотрятъ какъ на досадныя условности, мало значущія въ дѣлѣ воспитанія и самовоспитанія цѣннности. Само собою разумѣется, что на западѣ ни одному жильцу большого дома не придетъ въ голову сѣсть за рояль въ полночь или потревожить своихъ сосѣдей какимъ бы то ни было шумомъ въ поздній или слишкомъ ранній часъ; у насъ же безъ стѣсненія справляютъ шумныя именины до утра, играютъ на разныхъ инструментахъ, передвигаютъ мебель, носятся по лѣстницѣ, ведутъ громкіе разговоры и пр. Всякая дисциплина намъ кажется стѣснительной, пустой формой; отсюда отсутствіе самообладанія и воли въ дѣтяхъ нашего времени.

Невольно вспоминаются великія школы древности, дисциплина многихъ орденовъ и монастырей, гдѣ молчаніе и сдержанность рѣчи культивировались и культивируются до сихъ поръ, какъ одно изъ лучшихъ условій для самоуглубленія и духовнаго роста. Лишь при тишинѣ возможна та сосредоточенность, при которой всякая работа можетъ быть доведена до совершенства; лишь внѣшняя тишина способствуетъ приближенію внутренней, при которой мысли становятся яснѣе, возбужденіе и волненія души утихаютъ и рождается объективное, правильное отношеніе ко всему окружающему, лишь она создаетъ наиблагопріятнѣйшія условія для всякаго творчества, для внутренней созидательной

работы, безконечно болѣе цѣнной, чѣмъ то интеллектуальное перегруженіе, которое мы наблюдаемъ въ наше время.

Въ попыткѣ перенести жилища за городъ, въ основаніи городовъ-садовъ (garden city), въ борьбѣ съ шумомъ мы видимъ первые робкіе шаги къ измѣненію многихъ старыхъ линій того бурнаго жизненнаго строя, который на западѣ носитъ названіе цивилизаціи, и стремленіе оздоровить будущее человѣчество не только путемъ физической, но и нравственной гигіены.

М. К.

Человѣкъ не будетъ грѣшить, если въ него не вселился духъ глупости.

Левъ не рычитъ при видѣ стога сѣна, но при видѣ куска мяса:

Когда человѣкъ умираетъ, то его не провожаютъ ни серебро, ни золото, ни жемчугъ, ни драгоцѣнности, а только благочестіе и добрыя дѣла.

Въ храмѣ должно быть прекрасно.

Не покидай храма поспѣшно.

Молитва безъ вѣры есть тѣло безъ души.

Не будь подобенъ слугамъ, служащимъ своему хозяину изъ-за награды, но будь подобенъ тѣмъ, которые служатъ, не ожидая награды.

Будь силенъ, какъ тигръ, легокъ, какъ орелъ, быстроногъ, какъ олень, и храбръ, какъ левъ, чтобы исполнить волю Отца Твоего Небеснаго.

Наука прочна только въ томъ, кто не боится умереть за нее.

Наука прочна только въ томъ, кто знаетъ, что онъ ничего не знаетъ.

Какое значеніе имѣютъ слова Библіи: „Она не возносится къ небу“? Это значитъ, что наука не мирится съ гордостью и высокомѣріемъ.

(Изреченія изъ Талмуда).

Письмо изъ Адіара.

Вы, конечно, интересуетесь жизнью теософовъ въ Адіарѣ; закройте глаза и мысленно представьте себѣ, что вы въ Адіарѣ. Имѣйте въ виду, что я буду говорить о жизни лишь обыкновенныхъ пріѣзжихъ, а не другихъ. Каждый совершенно свободенъ и не связанъ никакими предписаніями, но вотъ общій строй жизни: рано утромъ ночной сторожъ даетъ сигналъ всѣмъ еще спящимъ, что уже 5 часовъ, и до 6 часовъ мы должны подняться, взять ванну и совершить утреннюю медитацію. Около 7 часовъ— ранній часъ, завтракъ, называемый „Chota Hazri“, приносится въ наши комнаты: на подносѣ поджаренный хлѣбъ, масло и варенье, плоды и чашка чая. Въ продолженіе слѣдующихъ немногихъ часовъ всѣ занимаются различными дѣлами до 10 ч. 30 мин., когда звонятъ къ завтраку, который является соединеніемъ утренняго чая съ завтракомъ. Во время полуденныхъ часовъ обыкновенно всѣ остаются съ закрытыми гардинами и въ совершенномъ покоѣ. Въ 2 ч. 30 м. слѣдуетъ повтореніе утренняго чая на подносѣ, который, по вашему желанію, или приносится вамъ въ комнату, или же вы можете присоединиться къ тѣмъ, которые пьютъ чай на верандѣ, и время заполняется писаніемъ и занятіемъ, или своими личными дѣлами до 5 ч. послѣ полудня.

Въ это время всегда Президентъ выходитъ изъ главной квартиры на свою вечернюю прогулку. Она быстро идетъ, иногда вмѣстѣ съ Ч. Ледбитеромъ, иногда одна. Длинной процессіей спѣшимъ за ней и мы, Индусы и Европейцы. Со стороны это шествіе, можетъ быть, показалось бы страннымъ, но теософъ

знаетъ, какъ цѣнно быть въ соприкосновеніи съ вибраціями нашихъ духовныхъ вождей и чувствовать на себѣ вліяніе ихъ чистыхъ ауръ, и потому онъ не пропускаетъ такого случая. Прогулка продолжается до 6 часовъ; въ это время Президентъ осматриваетъ работы въ Адіарѣ и новыя постройки и слѣдитъ за точнымъ исполненіемъ своихъ распоряженій.

Сады Дамодара, Олькотта, Безантъ и Блаватской всѣ давно уже заняты подъ квартиры для живущихъ, а теперь на длинной террасѣ готовятся три каменныхъ верха, такъ-называемыя комнаты Ледбитера, которыя предназначаются еще для 28 человѣкъ. Эта терраса уже скоро будетъ закончена; она занимаетъ прекрасное мѣстоположеніе на берегу рѣки Адіаръ, въ 5 минутахъ отъ моря. Съ балкона видно устье рѣки, то мѣсто, гдѣ она впадаетъ въ море, вздымающіеся валы котораго разбиваются кипящею пѣною на желтыхъ пескахъ.

Все имѣніе (приблизительно около 216 акровъ) великолѣпно со своими широко-развѣсистыми деревьями, бросающими густую тѣнь на обширныя площади газона. Средь кокосовыхъ пальмъ извиваются тѣнистыя тропинки и кое-гдѣ можно видѣть хитрыхъ маленькихъ бѣлокъ, перепрыгивающихъ съ мѣста на мѣсто. Онѣ очень ручныя и вмѣстѣ съ воронами, которыхъ много въ Адіарѣ, придаютъ жизнь и движеніе безмолвной тропической природѣ.

Въ 6 часовъ Президентъ возвращается домой. Постепенно хвостъ кометы распадается въ своихъ составныхъ частяхъ: всѣ расходятся по своимъ квартирамъ.

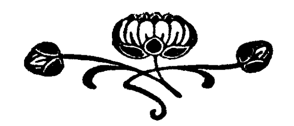
Въ 6 ч. 30 м. звонитъ обѣденный колоколъ, а въ 7 ч. съ четвертью начинается вечеръ; вечерніе часы проводятся въ гостиной главной квартиры вмѣстѣ съ А. Безантъ и Ч. Ледбитеромъ. Иногда бываетъ тихая бесѣда въ сумеркахъ, иногда совмѣстное чтеніе. Къ этому времени каждый беретъ свой фонарь и процессія пилигримовъ двигается гуськомъ, другъ за другомъ. Бѣлыя одежды и мигающіе огоньки показываются то тутъ, то тамъ среди кокосовыхъ пальмъ, по узкой тропинкѣ, которая ведетъ въ главную квартиру. Фонари и сандаліи оставляются внизу на лѣстницѣ, а процессія поднимается въ гостиную. Большинство Индусовъ садятся на ковры, а Европейцы занимаютъ стулья вокругъ. Когда часы показываютъ четверть, мы встаемъ: минута въ минуту въ это время въ залу входятъ А. Безантъ и Ч. Ледбитеръ въ сопровожденіи двухъ своихъ приближенныхъ индусовъ и занимаютъ мѣста напротивъ насъ.

Время летитъ какъ по волшебству въ тихой, проникновенной бесѣдѣ.

Въ 8 ч. 30 м. уже показываются возвращающіеся со своими фонарями пилигримы; большинство изъ нихъ исчезаетъ по своимъ комнатамъ, а нѣкоторые садятся за шахматную доску и упражняются въ силѣ сосредоточенія, пытаясь дѣлать глубокомысленные ходы.

Такъ кончается день въ Адіарѣ—день мирный и спокойный, безъ всякихъ случайностей или того, что міръ называетъ случайностями. Конечно, это письмо касается только чисто внѣшней стороны времяпрепровожденія и на этомъ оно останавливается, потому что о внутренней жизни кто дерзнетъ говорить? Каждый получаетъ то, что онъ способенъ воспринять, и потому доля наша въ духовной пищѣ различна. Чѣмъ болѣе мы будемъ работать надъ собой и подниматься, тѣмъ глубже и интенсивнѣе мы будетъ вибрировать въ отвѣтъ на Божественное ученіе Учителей Мудрости.

Теософка, пріѣхавшая изъ Южной Африки.

Миръ—источникъ благодати.

Ссора подобна горлышку ведра, которое внизу все больше расширяется.

Гордый пророкъ лишается дара пророчества; гордый мудрецъ теряетъ мудрость.

Лучше быть хвостомъ льва, чѣмъ головою лисицы.

Честь ближняго да будетъ тебѣ дороже собственной.

Благосостояніе ближнихъ твоихъ да будетъ тебѣ также дорого, какъ собственное.

Лучше человѣку быть гонимымъ, чѣмъ гонителемъ.

(Изреченія изъ Талмуда).

Безстрашная дѣва. Повѣсть, пер. съ англійскаго, составлено А. К. Изданіе „Посредника", № 266. Цѣна 9 коп.

Очеркъ жизни христіанъ первыхъ вѣковъ. Написанъ тепло и сердечно. Книжка даетъ яркую картину того энтузіазма, которымъ полны переживанія первыхъ христіанъ.

Цѣнность жизни и основныя начала міропониманія. В. О. Барановъ. СПБ. Книгоиздательство „Посѣвъ". Цѣна 50 коп.

Разсмотрѣвъ существующія теоріи механическаго объясненія міра, авторъ предлагаетъ формулу: „Духъ есть единая субстанція, эммани-рующая все сущее". Къ сожалѣнію, авторъ мыслитъ Духъ какъ „понятіе не мистическое, а реально-умоосязаемое" (стр. 18), „единое реально-мыслимое" (стр. 23), чѣмъ въ корнѣ убиваетъ цѣнность своего тезиса, такъ какъ сводитъ „Духъ" къ той же матеріи.

Афоризмы автора о добрѣ и злѣ, о счастьи и т. д. часто не согласны съ воззрѣніями Теософическаго ученія, но даютъ хорошій матеріалъ для размышленія на эти темы.

К. Кудрявцевъ.

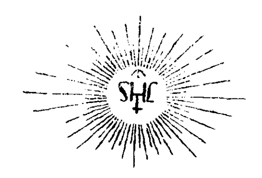
Отвѣтъ подписчику К.

Вопросъ. Интересно бы выяснить отношеніе астрологіи къ теософіи?

Отвѣтъ. Астрологія въ наиболѣе глубокомъ и чистомъ смыслѣ есть наука о проявленіи, взаимодѣйствіи и вліяніи на человѣка тѣхъ космическихъ силъ планетной системы, которыя есть результатъ жизни этой системы.

Теософія учитъ о дѣйствіи на человѣка двухъ основныхъ законовъ: кармы и перевоплощенія. Проводниками этихъ законовъ въ жизнь и служатъ эти космическія силы. Въ этомъ связь теософіи съ астрологіей. Но большинство астрологическихъ сочиненій представляютъ изъ себя собраніе афоризмовъ и правилъ, опредѣляющихъ планетныя вліянія безъ всякаго теоретическаго основанія или объясняющихъ эти основанія очень туманно. Помочь разобраться въ пестромъ калейдоскопѣ планетныхъ вліяній, проистекающихъ изъ глубины космической жизни, освѣтить все истиннымъ свѣтомъ мудрости и можетъ теософія, обладающая ключомъ къ міровой жизни.

В. Л.

Редакторъ-Издательница **А. А. Каменская.**

Сканированіе: Московское Теософическое общество — www.theosophy.ru